Антея Симмонс

МОЛНИЯ

История о Мэри Эннинг

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мэри Эннинг — удивительная личность в истории палеонтологии. Она родилась в бедной английской семье. Когда ей был год и три месяца, девочка пережила страшный удар молнии, который убил женщину, державшую ее на руках, и еще двоих человек. Мэри чудом выжила. По рассказам очевидцев, именно это событие преобразило ее: из болезненного ребенка она превратилась в ловкую и умную не по годам девушку.

Эта повесть о жизни и начале пути Мэри Эннинг. Она о том, как самая обыкновенная девочка благодаря своему упорству и трудолюбию стала знаменитой на весь мир первой женщиной-палеонтологом.

- Антея Симмонс
  - Информация от издательства
  -
  - Часть первая
    - Пролог
    - 1. «Ногти дьявола» и «змеиные камни»
    - 2. Что скрывает грязь
    - 3. Азы мастерства
    - 4. Торговка и шпион
    - 5. Как поймать шпиона
    - 6. Французишка Генри вовсе не из Франции
    - 7. Первый настоящий друг
    - 8. Из грязи к сдобе
    - 9. Плоды дружбы
    - 10. Дружбе конец
    - 11. Коварство Черной Жилы
    - 12. Битва жизни со смертью
    - 13. Весточка из прошлого
    - 14. Кровь
    - 15. Матушка прерывает молчание
  - Часть вторая
    - 16. Жизнь, изменившаяся навеки
    - 17. Чудовище
    - 18. Награда за терпение
    - 19. Нет ничего невозможного
    - 20. Кости и камни
    - 21. Что это за существо?
    - 22. Памятная встреча
  - Послесловие. Жизнь Мэри Эннинг: Некоторые факты и

примечания автора
- Окаменелости и их поиск
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Антея Симмонс
Молния. История о Мэри Эннинг

Информация от издательства

Издано с разрешения Andersen Press Ltd

Иллюстрации *Джеймса Уэстона Льюиса*
Для среднего школьного возраста

Original title: Lightning Mary
Text copyright © Anthea Simmons, 2019
Illustrations © James Weston Lewis, 2019
Portrait of Mary Anning © The Trustees of the Natural History Museum, London
© First published in 2019 by Andersen Press Limited, 20 Vauxhall Bridge Road, London SW1V 2SA
www.andersenpress.co.uk
© Издание на русском языке, перевод. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2020

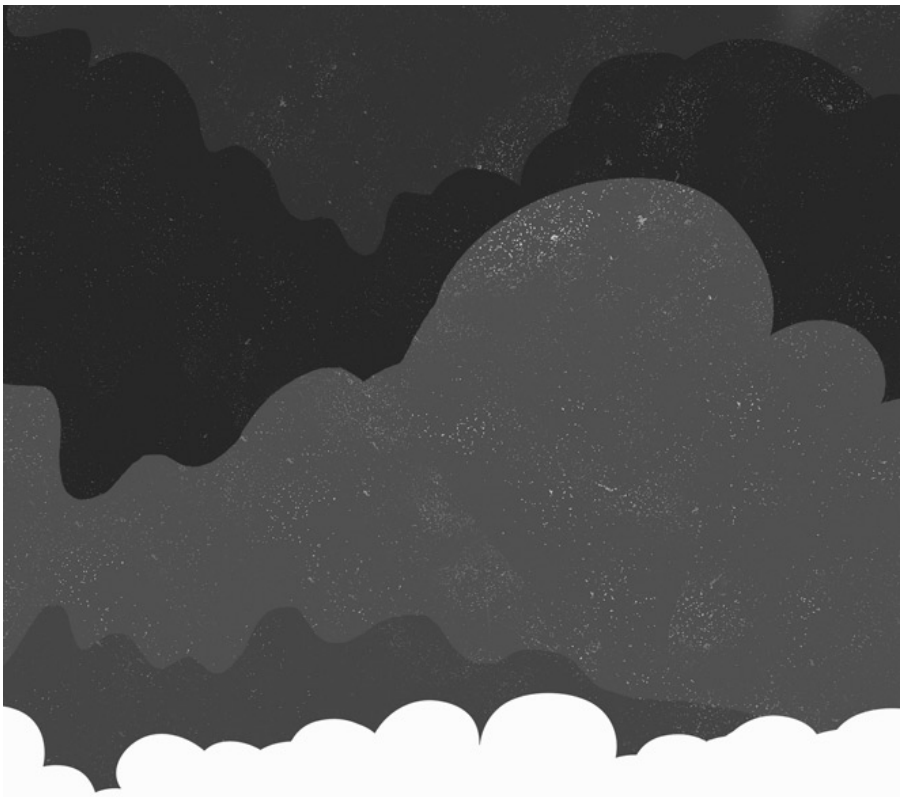
* * *

Посвящается Генри — моему сыну и замечательному юному ученому. Спасибо за поддержку (пусть ты порой и любишь поворчать) и за то, что так гордишься своей матушкой!

Посвящается всем моим читателям. Помните: важен только ваш талант, а вовсе не внешняя

оболочка, в которой он явился миру. Мэри так и не получила при жизни заслуженного признания из-за своей бедности, пола и классовой принадлежности. Не останавливайтесь ни перед чем! Смело идите к цели!

Часть первая



Пролог

Согласитесь, выжить после удара молнии и поведать об этом миру удается не каждому.

Но мне удалось. Правда, я толком ничего не помню. Когда все это случилось, я была совсем еще крохой. Отца в тот момент не было рядом, но если бы кто стал расспрашивать его, он бы все обстоятельно рассказал. И конечно, непременно припомнил бы, что я была закутана в какую-то тряпицу и лежала в забытьи, когда он меня нашел. Совсем как мертвая. Но живая.

Все произошло в тот вечер, когда в Лайм-Риджис приехал бродячий цирк. Жонглеры и шуты. Бородатые дамы. Дрессированные обезьяны. Лихие наездники на могучих конях, выполнявшие сложные трюки. Во всяком случае, так поговаривали местные жители. Мне же эти фокусы казались обычным кривлянием верхом на пони, право слово.

Наша соседка, Элизабет Хаскингс, взяла меня с собой на представление. Наверное, она хотела угодить моей матушке, у которой тогда опять родился мертвый ребенок, — а может, просто надеялась, что с маленькой девочкой сможет сесть поближе к сцене и полюбоваться хорошенькими наездниками.

После представления началась страшная гроза. На нас обрушился сильный ливень — прямо Всемирный потоп! На небе то и дело сверкали молнии. Повсюду грохотало так, будто со скал в море падали десять тысяч тяжеленных валунов. Мы с соседкой и еще двумя бедолагами спрятались под раскидистым вязом, и Элизабет крепко прижала меня к себе. Само собой, все вопили от страха. Все, кроме меня. Уж что-что, а голосить почем зря я никогда не любила.

Молния ударила прямо в дерево, под которым мы стояли, и рассекла его надвое. Но это было только начало. Потом она угодила в Элизабет и двоих наших спутников, и они вспыхнули, точно жир на раскаленной сковородке. Элизабет тут же выпустила меня из рук, словно уронила тяжелый камень.

Как только до моего отца дошли слухи, что все, кто прятался под деревом, погибли и я была в их числе, он тут же бросил свою стамеску и выскочил из мастерской. Сердце у него так и сжалось от страха, а на глаза навернулись слезы. Кто-то отнес меня домой и опустил в таз с горячей водой в надежде, что я приду в себя, но я задышала лишь тогда, когда услыхала отцовские крики: «Мэри! Моя милая! Вернись! Вернись же ко мне!» Гибели второй Мэри он бы не вынес.

А я ведь тоже едва не сгорела. Даже странно. Дело все в том,

что еще до моего появления на свет у матушки с отцом родилась дочь. Ее назвали Мэри, и она была бы мне старшей сестрой, вот только ее жизнь в одно мгновение унес страшный пожар. Матушка никогда об этом не рассказывала, но мне удалось узнать, что тогда произошло. Мэри на минутку оставили без присмотра в комнате, полной опилок, она случайно уронила лампу — и мгновенно сгорела как спичка.

А потом родилась я.

Говорят, до того как Господь поразил меня молнией, я была ничем не примечательным болезненным ребенком, зато после вспыхнула ярким пламенем — вот только не знаю, правда ли это. Наверняка я знаю одно: во мне и впрямь зажегся огонь, но вовсе не от молнии…

1. «Ногти дьявола» и «змеиные камни»

Отца я любила. Он был лучшим отцом на всем белом свете. Матушке все мое детство было не до меня. Она возилась с младенцами, которые постоянно умирали, а на смену им то и дело рождались новые. Вот и я стала второй Мэри в семье — об этом я уже упоминала.

На младенцев я не обращала особого внимания. Они постоянно кричали, вопили… или сразу умирали. В основном умирали. После этого матушка днями напролет начинала причитать и плакать, наотрез отказывалась от еды. На отца тоже было больно смотреть. Но как только малышей хоронили, он уходил в скалы — сначала один, а потом стал брать нас с Джозефом.

Мой брат Джозеф старше меня на два года. В раннем детстве мы почти не расставались и были не разлей вода. Я любила брата так же сильно, как отца. Хотя нет, отца все-таки больше.

Матушка хвалила Джозефа за его доброту: он играл со мной, потому что, кроме него, я больше ни с кем не дружила.

Мальчишки и девчонки из воскресной школы казались мне ужасно глупыми. Учиться они не любили — все время хохотали, где-то носились да валяли дурака. Водиться с ними мне совершенно не хотелось. Как-то раз одна из девочек, Эмми, попыталась вплести мне в волосы ленточки. А потом посоветовала одеваться наряднее, а то замуж никто не возьмет. Какая чушь, ей-богу! До нарядов мне не было никакого дела. Куда больше мне хотелось стать сильной или умной — лучше и то и другое. Для этого никакой муж не нужен!

Мне было лет шесть, когда отец впервые взял меня с собой искать «драконьи зубы» и другие диковинки. До сих пор не понимаю, отчего некоторым так нравится играть в куклы, прыгать через веревочку, распевать дурацкие песенки, если вместо всего этого можно отправиться на поиски самых настоящих сокровищ?!

Сколько себя помню, мне всегда нравилось искать окаменелости вместе с отцом. Какие истории он мне рассказывал, когда я была маленькой! А какие сокровища приносил! «Крокодиловы зубы» — белые и острые! «Змеиные камни»! Маленьких свернувшихся змеек, которых много веков назад святые обратили в камень, а потом забросили в море, на самую глубину. Отец рассказывал, что стоило только намочить их — и змеи тут же просыпались и уползали или, чего доброго, впивались в людей своими ядовитыми клыками!

Он даже давал мне их подержать. Я стискивала их в кулачках

что было мочи на случай, если они вдруг оживут и зашевелятся прямо у меня в руках. Порой я будто чувствовала, как змейки отчаянно пытались ускользнуть, но всякий раз, когда я разжимала кулак, они по-прежнему лежали на ладони, заточенные в свою каменную темницу.

Твердые и блестящие «дамские пальчики» совсем не походили на пальцы всамделишных дам. Помнится, некоторые звали их «громовыми стрелами». Но только не отец. Наверное, он боялся невольно меня испугать, напомнить о том страшном ударе молнии. Но когда я стала постарше, отец начал ласково величать меня Молнией Мэри, когда хотел похвалить за смекалку или за какой-нибудь интересный вопрос об ископаемых сокровищах.

А еще мне не раз попадались «ногти дьявола». Название и впрямь жутковатое, согласитесь! Можно подумать, что они куда страшнее «дамских пальчиков». Но меня они нисколечко не пугали. К слову, они и впрямь походили на огромные белые ногти! Бр-р-р! Хотя мне дьявол всегда представлялся с черными ногтями. Ну или хотя бы с красными.

С самого детства меня завораживали все эти диковинки. Больше всего на свете я хотела сама отыскать такие сокровища! Отец посмеивался над моим упрямством, называл хвостиком, потому что я вечно ходила за ним по пятам. И мне это нравилось. Лично я считаю, что упрямство — одно из важнейших качеств, особенно если оно помогает достичь заветной цели!

Как-то в воскресный день отец вскочил из-за стола и объявил, что сегодня мы с ним пойдем на Черную Жилу[1] — будем искать окаменелости. Матушка тут же принялась причитать. Она вечно чинила препятствия его «маленьким экспедициям», как она их называла. Обычно ее злило, что отец уходил к морю, вместо того чтобы зарабатывать нам на пропитание.

Но в тот день все было иначе. Ей не хотелось, чтобы он брал меня на Черную Жилу. Да и мне от этого жуткого названия стало не по себе. Безопасное место так не назовут, согласитесь. Так впору величать обитель самого дьявола, где он притаился, поджидая грешников, сошедших с пути праведного. Особенно в воскресный день, который полагается посвящать Господу: молиться, ходить в церковь на службу — или в воскресную школу, куда должна была отправиться я.

— Ричард, на Черной Жиле опасно! Ребенку там не место! Ты что, не слышал, что всего неделю назад случился страшный обвал и два человека погибли?! Да и потом, разве не ты без конца твердишь, как важно для Мэри образование?! А теперь сам же не даешь ей пойти в школу в единственный день, когда она может это сделать!

Разговоры про школу я пропустила мимо ушей. Я всегда с охотой ходила на занятия, но сейчас матушкины взволнованные речи подействовали на меня иначе. Целых двое погибших! По спине пробежал холодок, но, клянусь, не от страха. А от волнительного предвкушения.

Матушка, по всей видимости, заметила мое воодушевление и заспорила с отцом пуще прежнего.

Но это было бесполезно. Если отец что-то решил, значит, так тому и быть, и не важно, что и кто говорит. Матушкины доводы его не убедили. Тогда она спрятала мои башмаки, но Джозеф тут же нашел их и помог мне обуться — матушка даже возразить ничего не успела.

— Ты тоже с нами? — спросила я у брата, когда он выпрямился, отряхнув пыль с колен.

— Не-а, — подмигнул он. — Мы с Эзрой и Натаном пойдем запускать нового воздушного змея. Так что сегодня отец целиком твой.

От восторга по спине вновь пробежали мурашки. Я надела шляпку и обмотала шею толстым шерстяным шарфом — была зима, и на улице стоял мороз.

— Уж мы раскрасим тебя румянцем, а то ты больно бледненькая, — потрепав меня по щечке, ласково сказал отец. — А сколько нового узнаем — в школе того и за неделю не расскажут!

— Ты, главное, ребенка не угробь, — вполголоса пробормотала матушка. — Сдается мне, в этой семье я одна почитаю Бога! Что ж, буду молить Небеса о спасении ваших душ — больше ничего не остается.

Усмехнувшись, отец хотел было поцеловать матушку, но та увернулась. Отец только фыркнул — уж кто-кто, а он хорошо знал матушкин нрав.

— Успеем еще намолиться, Молли, когда вернемся домой. Господь милосерден и не осудит меня за желание привить своему чаду любовь к Его творениям! Это так важно, ты только задумайся! Как знать, может, на берегу на меня снизойдет Святой Дух и я начну проповедовать!

— Святой — вряд ли, а вот дьявольский — вполне возможно, — проворчала матушка. Она любила, чтобы последнее слово непременно оставалось за ней.

Отец торопливо схватил кирку, стоящую у двери, — он всегда ходил с ней на берег, — а потом порылся в мешке с инструментами и протянул мне крохотный молоточек. Мне страшно захотелось швырнуть его на пол — таким он показался детским и кукольным. Но отец, заметив мой сердитый взгляд,

сжал мои руки в своих, не давая бросить инструмент.

— Поверь старику, он тебе еще пригодится. Вот увидишь!

Во мне вдруг вспыхнула гордость — шутка ли, я отправляюсь вдвоем с отцом на поиски настоящих сокровищ! И никто нам не помешает!

На улице стоял жуткий холод, завывал ветер — и по городу мы шли, зябко втянув голову в плечи. День был воскресный, и потому по пути нам почти никто не встретился, но я все время ловила на себе взгляды любопытных кумушек, которые зорко следили за нами сквозь приоткрытые ставни и неодобрительно качали головой. Отец не обращал на них никакого внимания. Мы срезали путь через дворик, разбитый перед храмом Святого Архангела Михаила. Скоро должны были зазвонить колокола, напоминая о том, где на самом деле полагается всем находиться в день воскресный. Отец, по своему обыкновению, что-то беззаботно насвистывал — он всегда так делал по пути на берег. Отец принадлежал к диссентерам[2] и недолюбливал всех прихожан. Он частенько называл их разряженными клоунами, которые поклоняются лишь бесконечным правилам и церковным законам, напрочь забыв о Господе и Священном Писании. Именно поэтому мы ходили не сюда, а в молельню, где Бог и Иисус почитались превыше всего.

— Вечером непременно сходим в молельню, — заверил меня отец.

Меня, как и отца, нисколько не тревожила людская молва.

Мы пересекли лужайку и вышли на тропу, ведущую к Черной Жиле, за которой темнел Чармут. Справа от нас шумело море — свинцово-серое, неприветливое. Словно огромное чудище, оно извергало на берег пенистые волны, потом затихало, набираясь новых сил.

— Ветер усилился, — предупредил отец. — Ты никак боишься, малышка моя? Напугали тебя матушкины россказни?

— Ни капельки! — с чувством воскликнула я, но мои слова тотчас же унес порыв ветра. — Это настоящее приключение я не пропущу ни за что на свете!

— Моя ты умница! Моя Молния Мэри!

Он крепко обнял меня, и мы двинулись по тропе дальше, но через несколько ярдов вновь остановились.

— С каждым днем тропа становится все уже, Мэри! Когда-то по ней можно было пройти вдвоем, держась за руки, но погляди, во что она превратилась теперь.

И в самом деле, край тропы был изломанным, неровным. Внизу под нами раскинулся пляж — его усеивали обрушившиеся комья земли, смешанной с травой. Море, точно хищник,

потихоньку обгладывало берег: заглатывало отломанные куски, а потом вновь выплевывало их на сушу.

— А когда мы пойдем назад, тропа еще будет на месте? — спросила я.

— Почему ты спрашиваешь? — улыбнулся отец. — Тебе страшно? Хочешь, вернемся домой? Тропу и впрямь может смыть, как знать!

— Тогда это будет настоящее приключение!

Отец улыбнулся еще шире.

— Смелая моя малышка Молния! И всюду-то ты видишь приключения! Только матушка меня заживо спалит, если с тобой что случится! — прибавил он и погрустнел. Наверное, вспомнил первую Мэри, которая в самом деле сгорела заживо.

Земля под ногами скользила, поэтому ступали мы очень осторожно. Я была слишком мала и до конца не понимала, как опасны такие походы. Уже потом я начала не на шутку волноваться за отца, когда тот уходил к морю, — и не зря.

Конечно, есть люди, которые бросаются в море по доброй воле. Старый мистер Крукшенкс раньше ходил искать окаменелости вместе с отцом, но потом обеднел настолько, что уже не мог купить и куска хлеба. Тогда он кинулся в море с Ружейного Утеса, ища в темных волнах спасение от всех своих горестей. Матушка как-то сказала, что такая же участь могла постигнуть и отца, не будь у него заказов на мебель. Если бы не его работа — изготовление деревянной мебели для богачей — нам было бы не на что жить. Ведь одной продажей «дурацких безделушек» — так матушка звала окаменелости — не прокормиться.

Впрочем, работа столяра приносила не так уж много денег. Как-то раз в мастерскую заглянула дама по имени Джейн Остин и спросила у отца, во сколько обойдется починка крышки от деревянного сундука. Сундук был чересчур громоздким, и отцу пришлось идти к ней домой, чтобы осмотреть изделие. Он назвал справедливую цену — пять шиллингов. Дама возмутилась и заявила, что это стоит дороже, чем все столы и стулья в ее меблированных комнатах. Ее слова неприятно задели отца, но он промолчал. Дама явно не представляла, каких трудов стоит собрать воедино поломанные кусочки и восстановить все петли! Позже отец узнал, что Джейн Остин писала книги для богатых дам, которым больше нечем заняться, кроме как целыми днями валяться на диване и читать романчики. Ко всему прочему, она еще и подписывала свои книжонки чужим именем. Отец решил, что она, должно быть, пишет из рук вон плохо, потому у нее и нет денег на столяра.

Матушка сказала, что надо было снизить цену, но отец даже слышать о том не хотел. Он любил повторять, что если не брать ни гроша за свою работу, люди будут думать, что она ничего не стоит. Тогда матушка отметила, что лишь предложила ему снизить цену, а не работать бесплатно, но отец уже не слушал. Он пропускал мимо ушей ее вечные укоры. Это умение я унаследовала от него, и, скажу вам, оно немало пригодилось мне в жизни!

Вскоре мы добрались до утеса Черная Жила. Сказать по правде, он скорее был грязно-серым, а не черным. Как объяснил отец, это из-за древней глины под названием «голубой лейас». Если честно, она была не особо голубой, но и впрямь очень древней. Так вот, утес весь пестрел разными оттенками серого с тоненькими прожилками ярко-оранжевого и ржавого. Кое-где с трудом пробивалась наружу трава. Над побережьем висели мрачные тучи, и прибрежные скалы угрожающе чернели вокруг. В тот миг мне показалось, что где-то здесь и впрямь таится дьявол. Мое сердце замерло.

Отец присел на корточки и обхватил ладонями мое лицо.

— Присмотрись повнимательнее к старушке Черной Жиле, — сказал он. — С ней нужно быть начеку. Видишь вон тот камень? — Он указал на большой черный выступ, на вид весьма скользкий. — Он обрушится, не успеешь и рта раскрыть, чтобы позвать на помощь! Кричать «Помогите!» будет уже поздно. Когда-то здесь были поля, заросшие сочной зеленой травой, и на них пасся скот. Но однажды все рухнуло в море. Скот потонул. Фермер лишился всего, что имел. Повезло, что сам выжил. А вдоль тропы, по которой мы с тобой шли, стояли дома. Ничего не осталось. Это оно поглотило все без остатка. — И отец кивнул на бескрайнее зеленовато-серое море. — Море отняло многое, а сколько еще заберет! Оно пожирает все без разбора: коров, земную твердь, сады, детей… В любую секунду земля может уйти у нас из-под ног и, не предупредив никого, вернуться снова в море, к своим истокам. Запомни, Мэри: земля жестока, и море жестоко, да и сама жизнь жестока — и ничего с этим не сделать.

— Зачем же ты сюда приходишь, если здесь так опасно? — спросила я.

Признаюсь, в тот миг мне и впрямь стало очень страшно.

— А вот зачем! — воскликнул он и легонько постучал по комку глины. — За сокровищами, которых тут пруд пруди!

2. Что скрывает грязь

Бережно постучав по комку, отец начал гладить его пальцами, счищая грязь слой за слоем, да так осторожно, словно это была и не глина вовсе, а яйцо крапивника.

Под грязью оказался камень! Он прятался в самой ее сердцевине, будто косточка в сливе. Отец достал щетку и счистил остатки грязи, а потом осторожно постучал по камню киркой, и тот раскололся надвое, точно по волшебству! Отец протянул мне нашу находку.

Внутри камня я разглядела маленькую полосатую змейку с золотистыми пятнышками. Она была совсем как живая — казалось, вот-вот очнется и юркнет куда-нибудь в траву!

— Держи, малышка Мэри, — сказал отец. — Вот твоя первая находка. Оставь ее на память о нашей вылазке.

— Какая красивая! — ахнула я.

Стоило взять змейку в руки, как внутри меня вспыхнуло жаркое пламя.

— А будет еще краше, когда я ее отполирую, — с улыбкой сказал отец. — Вот увидишь, кулон из нее получится просто королевский! Таких змей мы зовем золотыми. На самом деле она вовсе не золотая, но так похожа, что какая разница, из чего она? Спрячь-ка ее в карман и доставай свой молоточек. В одиночку мне тут не управиться!

— А как я пойму, где искать? — спросила я. Сказать по правде, в тот миг все камни и комья грязи казались мне совершенно одинаковыми.

— Слушай внутренний голос, Мэри, и будь очень внимательна! Ежели хочешь найти любопытную диковинку, нужно и самой проявить любопытство. Видишь вон ту кучу камней, похожую на кипу стираного белья? Смотри, какая она неровная и слоистая! Такие необычные места и должны привлекать твой взгляд! В них частенько прячутся чудища. Поближе к воде можно отыскать «дамские пальчики»… А хочешь — ищи плоские камни. Только непременно покажи их мне, прежде чем раскалывать. Это не так-то просто, и если не приноровиться, можно разбить все на мелкие кусочки.

Я окинула взглядом скалы, а потом закрыла глаза и представила, что руки мои полны сокровищ, а карманы — денег. Отец тем временем начал собирать крупные глиняные комья, и я последовала его примеру. Пальцы у меня одеревенели от холода, и потому работать было трудно. «Не забыть бы в следующий раз рукавички», — подумала я.

Я протянула руку к камням. Как же сложно выбрать один! В ту минуту я загадала желание — найти самой что-нибудь удивительное, такое, чтобы отец мной гордился.

Первые камни оказались «пустышками». Они послушно разлетелись от ударов моего молоточка, но внутри не обнаружилось ничего. Следующие десять, двадцать, даже тридцать попыток успехом не увенчались, а вот у отца дело спорилось. Не успела я и глазом моргнуть, как он уже ловко сунул в мешок целых три, а то и четыре диковинки.

— Как у тебя все быстро получается! — воскликнула я, завидуя той легкости, с которой он отыскивает окаменелости.

— Быстро? — удивленно переспросил отец. — Да ведь мы здесь почти целый день. Смотри, как уже темно и как близко подобралось к нам море! Совсем скоро солнце вернется на запад, а прилив накроет берег. Мэри, давай поспешим, а не то ноги промочим. Нам еще нужно успеть переодеться перед молельней.

И правда! Солнце, которое едва подсвечивало серые облака, когда мы только шли к Черной Жиле, теперь застыло прямо над нами. Море подобралось к самому берегу — до воды оставалось не больше двух футов. Как быстро пролетело время!

Отец закончил работу и принялся собирать инструменты, а я торопливо продолжила поиски — мысль о том, чтобы возвратиться домой с пустыми руками, была просто невыносима. И тут я заметила камень размером с гусиное яйцо. Я схватила его и окоченевшими пальцами торопливо очистила от глины. Под ней оказался плоский камень овальной формы с палец длиной.

— Отец! Погляди, это, случаем, не сокровище? — спросила я.

Отец моментально отвлекся от своих дел и подошел ко мне.

— А ты сама как думаешь, Мэри?

— Точно не уверена, — созналась я, — но нутром чую: это оно!

— Нутром? — подмигнув, переспросил отец. — Поглядим, не обманывает ли оно тебя!

Отточенным движением он расколол камень надвое, точно так же, как нашу первую находку.

— Ну что? Есть что-нибудь? — спросила я. От волнения у меня перехватило дыхание.

— Да, девочка моя.

Внутри оказалось крошечное, белое, как мел, существо, подобных которому я еще в жизни не видывала.

— Гляди-ка! Это щиток. Очень похож на скелет каракатицы. Ты, наверное, живой каракатицы ни разу не видела, но точно замечала на пляже ее останки. Это такое белое невесомое существо, напоминающее перышко или лепесток… Излюбленное

лакомство птиц.

Моя первая находка! Древняя каракатица! Я спрятала окаменелость в карман, где уже лежала диковинка, которую утром отыскал отец. Меня охватил восторг, ужасно хотелось скакать от радости, вот только я боялась, что тогда уж точно случится оползень.

Отец убрал свои инструменты и окинул взглядом хмурое, потемневшее небо, обложенное мрачными облаками, которые закрыли собой закатное солнце.

— Ну что ж! Поспешим домой, — сказал он. — Погода портится, к тому же скоро стемнеет. Заблудиться совсем не хочется. А получить взбучку от матушки — и подавно! Она будет страшно волноваться! — Отец легонько ущипнул меня за щеку. — Я же обещал раскрасить тебя румянцем, — со смехом напомнил он.

— А когда мы сюда вернемся? — спросила я.

— Узна*ю* свою дочурку! Вернемся, как только я доделаю стол. Чем скорее мне за него заплатят, тем лучше. С нынешними ценами на пшеницу не так-то легко прокормить семью! На окаменелостях в это время года не разбогатеешь. Слишком мало приезжих сейчас бывает в наших краях. Зато к весне у нас будет полный сундук диковинок на продажу, верно я говорю?

— Вот бы отыскать огромное чудище! — сказала я.

— Почему бы и нет! Если возьмемся за дело все вместе — ты, Джозеф и я, — то отыщем, это уж как пить дать!

3. Азы мастерства

В летние месяцы лучше всего шла продажа окаменелостей, а в зимние — их поиски. Обычно в шторм волны размывают почву, обнажая сокровища, припрятанные на побережье, а потом вновь скрывают их — не успеешь глазом моргнуть! Вот почему искать нужно в любую погоду. Хотя это очень опасно.

Если не заметить начала прилива, волна того и гляди унесет вас в море. А земля в любую минуту уйдет из-под ног! Но хуже всего, если обрушатся скалы — тогда вас никто не найдет до самого отлива, волна утащит за собой камни и ил… и будет слишком поздно.

А меня опасности поджидали даже дома. Однажды ночью, когда я была еще совсем крохой, море вышло из берегов и обрушилось на наш дом вместе с градом камней. Мощный поток воды ворвался внутрь, снес лестницу, и мы оказались заперты на втором этаже. Признаться, я мало что помню о той ночи, но Джозеф не раз рассказывал, как на рассвете нас всех вытащили через окно спальни, да и матушка нередко вспоминала об этом «морском визите».

И все же море — не только безжалостное чудовище, но и добрый друг искателя сокровищ. Оно смывает с берега грязь и мусор, облегчая поиски, и сбрасывает окаменелости с высоких скал, до которых самому искателю ни за что не добраться. Если бы море не размывало слои береговой почвы, наш улов был бы далеко не таким щедрым. Так что мы и боимся этой стихии, и благодарим ее от всей души.

Отец брал нас с Джозефом на поиски окаменелостей при любой возможности. Даже в Рождество мы как-то раз отправились на берег, вооружившись молотками и корзинками. Вязаные шарфы не спасали от холода, и тогда мы с Джозефом затеяли шутливую драку, изо всех сил стараясь хоть немного согреться. Отец смеялся над нами: от холода наши зубы стучали так громко, что соседняя скала чуть не обрушилась прямо на нас! Мы неустанно трудились несколько часов кряду, пока не закончился световой день. Казалось, что удача, не покидавшая меня с нашей первой вылазки, теперь навечно меня оставила. В тот день нам попадалась по большей части «мелочовка», как называл ее отец. Хотя весной даже на ней можно было немного заработать. И потом, как опять же справедливо замечал отец, всяко лучше, чем ничего.

А вот матушка была в отчаянии.

— И о чем ты только думаешь, Ричард?! Рисковать жизнью

единственных наших детишек, да еще в Рождество! — причитала она, пока мы собирались на берег.

— Но мы и сами хотим пойти, — подал голос Джозеф. — Это ужасно интересно! К тому же всегда полезно немного прогуляться.

Не только матушку возмущали наши походы. Той же зимой к отцу подошла незнакомая женщина — наверное, она недавно переехала в Лайм-Риджис — и ткнула его в грудь своей тростью. Вероятно, она шпионила за нами, потому что накинулась на отца с обвинениями.

— Вы бы хоть постыдились, а!

— А чего мне стыдиться? — с изумлением переспросил он. — Что я такого сделал? Вы, часом, не обознались?

— Как же! — злобно проворчала она. — Превратили детей в прислугу и строите из себя саму невинность. Да будь они рабами в Новом Свете, там бы и то обращались с ними поласковее! Каждый день рисковать детскими жизнями, а все ради чего? Чтобы потуже набить свои карманы, будь они неладны!

Она еще разок с силой ткнула его тростью и решительно зашагала по Брод-стрит, недовольно что-то бормоча себе под нос.

Отец, совершенно потрясенный случившимся, застыл как вкопанный.

— Вы и впрямь считаете, что я делаю из вас прислугу? — спросил он. — Ваш старик в самом деле обходится с вами дурно?

— Нет! Нет! — наперебой заголосили мы.

Даже смерть страшила меня куда меньше, чем мысль о том, что отец больше не возьмет нас с собой к морю.

Мне очень нравились наши вылазки. В любую погоду. Я знала, что отец охотно дневал и ночевал бы на берегу, если бы не работа плотника. Ему часто приходилось на несколько дней отвлекаться от поисков окаменелостей, чтобы доделать какой-нибудь изысканный предмет мебели для очередного толстосума, которому некуда было девать деньги и который к тому же не желал платить за работу по справедливости.

— Куй железо, пока горячо, — любила повторять матушка, когда у отца появлялся достойный заказ.

В ответ отец только ворчал и становился мрачнее тучи, хоть и понимал, что работу и впрямь надо выполнить.

И все же нам было за что благодарить напыщенных аристократов, которые съезжались в наши края из Лондона и Бата с приходом тепла. Они важно расхаживали по залам городской ассамблеи. Прогуливаясь по Лайм-Риджису, они зажимали носы у пристани и брезгливо морщились при виде ящиков с дорогущей рыбой, которая только им одним и была по карману, тогда как

нам приходилось довольствоваться лишь жалкими остатками. Разодеты они были в шелка с оборками — более нелепые костюмы и вообразить сложно. Чего ради наряжаться в нежно-розовое платье, если его подол волочится по грязной земле? Зачем нужна шляпка с ленточками и перьями, если первый же порыв ветра непременно унесет ее вдаль? Если б пришлось выбирать между восхитительным нарядом и захватывающим приключением, я не задумываясь предпочла бы второе.

Конечно, мне никто и не предлагал выбирать. Справедливости ради стоит сказать, что, когда город наполнялся этими глупыми созданиями, наши диковинки наконец начинали продаваться и заработанных денег хватало, чтобы на какое-то время избавить матушку от волнений. Слухи об отце разлетелись далеко за пределы нашего города, и покупатели, живущие за много миль от Лайм-Риджиса, съезжались к нам, чтобы поглядеть на сокровища, разложенные на столике у входа в мастерскую. Мы с Джозефом страшно гордились, что среди них есть и наши находки. Разумеется, знатные гости трогали окаменелости не снимая перчаток, потому что страшно боялись грязи и пыли. Вот ведь бедняжки!

Впрочем, здравомыслия у них явно было куда больше, чем у тех безумцев, что приезжали в Лайм-Риджис зимой по совету некоего доктора Крэйна из Уэймута, который настаивал на том, что купаться в море в январе и феврале «чрезвычайно полезно для здоровья»! Ох и хохотала же я, глядя, как они, несмотря на страшный холод, сбрасывают одежду и бегут по камням в море, повизгивая, словно щенки! Как, вскрикивая от боли, ныряют в серую воду и сперва синеют от холода, а потом краснеют, точно вареные раки. Надолго они у нас не задерживались, уж поверьте, что же до пользы для здоровья… Чаще всего уезжали они от нас в деревянном гробу, а не в нарядном экипаже, так что «польза», как видите, налицо. Спроси они меня, я бы им сразу сказала, что ни к чему хорошему эта затея с купаниями не приведет, а денег за свой совет взяла бы куда меньше любого доктора. Порой я просто диву даюсь, сколь велика людская глупость!

Встречи со знатными богатеями меня мало интересовали, но была среди них одна, воспоминания о которой греют мою душу до сих пор. Я никогда не забуду тот день, когда состоялась моя первая сделка. Мне тогда было лет восемь, не больше. Незнакомый пожилой джентльмен взял со столика крошечный «бараний рог», который я отыскала на побережье и который потом отец отполировал до ослепительного блеска. Я стояла и наблюдала за тем, как он с нескрываемым восхищением вертит в руках эту окаменелость. Мое сердце колотилось как бешеное.

Я невольно потянулась к «змеиному камню», висевшему у меня на шее на кожаном шнурке. Это был тот самый камень, который подарил мне отец в наш первый поход к Черной Жиле. Он распилил его вдоль, одну из половинок отполировал до блеска с обеих сторон и проделал маленькую дырочку для шнурка рядом со змеиной головой. В лучах солнца украшение сияло золотисто-коричневым светом и, наверное, действительно приносило удачу. Во всяком случае, пожилой джентльмен успел заметить его золотистый блеск, прежде чем обратиться ко мне.

— Плачу за рог два пенса, — объявил он и протянул мне монетки.

— Он стоит шесть! — недолго думая, выпалила я.

Отец удивленно посмотрел на меня, не веря своим ушам. Сказать по правде, «бараний рог» тянул пенса на три, не больше.

— Высоковата цена для куска старого камня, юная леди, — заметил пожилой джентльмен.

— Никакой это не кусок старого камня! — возразила я. — Это настоящее сокровище! И я, рискуя жизнью, добыла его возле Черной Жилы, чтобы богатеи вроде вас могли на него как следует поглазеть!

Джентльмен рассмеялся. С виду он был человеком добрым и великодушным и совсем не походил на манерных, напыщенных лондонцев, с которыми мне нередко доводилось встречаться.

— Сговорчивой вашу дочурку не назовешь, — повернувшись к отцу, заметил он. — Но зато она понимает всю важность происхождения!

— Что такое «происхождение»? Это что-то вроде Провидения? — спросила я.

Конечно, с моей стороны приставать к джентльмену с расспросами было большой дерзостью, но меня всегда ужасно интересовало точное значение слов.

Покупатель вновь улыбнулся.

— Происхождение, моя милая, — это история возникновения кого-нибудь или чего-нибудь. Вот твои шесть пенсов. За них тебе нужно благодарить *Провидение*. Поешь на эти деньги досыта и накорми семью. — И обратившись к моему отцу, сказал: — Повезло вам с ней, сэр. Храбрая девчушка, ничего не скажешь! — Он убрал «бараний рог» в карман, приподнял шляпу и откланялся.

Казалось, сердце мое вот-вот взорвется от радости! У меня впервые купили окаменелость, да еще на глазах у отца! Теперь-то он поймет, как ловко я могу торговать диковинками!

Рассмеявшись, отец взъерошил мне волосы.

— Ну что же, Молния Мэри, малышка моя, вот ты уже и отца

превзошла! Видит бог, скоро мы разбогатеем!

Нет, мы не разбогатели. Да и как тут разбогатеть, когда все покупатели были удивительно скупыми людьми. Они придирчиво разглядывали наши находки, неодобрительно цокали языками, узнав о цене, а мои прямота и решительность трогали их далеко не всегда. Зато отец при желании мог уговорить кого угодно. Так что совместными усилиями нам удавалось заработать на хлеб, молоко и даже мясо.

— Эти богатеи, Мэри, только и думают, как тебя обвести. Всегда стой на своем! Смело гляди им в глаза и не верь всей той чуши, которую они несут! По-другому с ними нельзя, запомни! Впрочем, не мне тебя учить! Ведь передо мной самая упрямая торговка во всем Дорсете!

И он взъерошил мне волосы — как и всегда, когда хотел похвалить. И это было едва ли не единственное прикосновение, от которого совсем не хотелось уворачиваться.

4. Торговка и шпион

Игрушки и куклы никогда меня не интересовали. Главными сокровищами для меня были молоточек да кулон со «змеиным камнем». Я частенько гладила его, закрыв глаза, и представляла, как в одиночку или с отцом высматриваю на берегу среди водорослей, камней и грязи заветные окаменелости. Этот ритуал всегда меня успокаивал.

В воскресной школе меня (впрочем, как и всегда) дразнили обидными стишками:

Мэри Эннинг! Хлеба нет?
Что ж, ешь камни на обед!
Мэри камни есть не хочет
И о кости зубы точит!

Мои обидчики страшно собой гордились, придумав очередной стишок. Но, думаю, на самом деле им попросту было завидно, что у меня есть сокровища, а у них — нет.

Впрочем, мы и впрямь часто голодали. Но не мы одни — голодали все, кроме фермерских детей. Никогда не понимала, что же так манило сюда завоевателей-французишек, ведь в Лайм-Риджисе кроме грязи, умирающих от голода младенцев и бедняков, еле-еле сводящих концы с концами, поглядеть-то было не на что, особенно зимой!

Однажды в воскресенье — дело было в марте, за пару месяцев до моего десятилетия, — я решила после школы пойти на Черную Жилу одна. На расспросы девчонок я не обратила никакого внимания. Насмешки и издевки мальчишек пропустила мимо ушей. Оставив обидчиков далеко позади, я промчалась по городским улицам и свернула за церковью на тропинку, ведущую к берегу.

Меня вдруг охватило волнение. Казалось, что сейчас непременно повезет, и я найду нечто грандиозное и восхитительное, и никто меня не остановит!

Я нисколько не сомневалась, что отыщу окаменелость в два счета — и так оно и вышло! Очень быстро я наткнулась на большой ком глины — он будто нарочно поджидал меня на самом видном месте. Уверенными движениями я счистила слой ила и грязи и высвободила камень. Размером, да и гладкостью, он напоминал яйцо. Два бережных удара молоточком — и моему взору предстал один из прекраснейших «бараньих рогов», какие я

только видела в жизни. Я радостно вскрикнула, а потом огляделась, боясь, как бы меня кто не услышал. Хотя на самом деле подслушивать было попросту некому: Джозеф помогал отцу в мастерской, а других охотников до окаменелостей, кроме нас, в городе попросту не имелось. И все же краем глаза я уловила какое-то движение, а потом за камнем мелькнула чья-то белокурая голова.

— А ну, выходи! — крикнула я. — Я все вижу!

Но на мой зов никто не вышел. Послышались торопливые шаги, которые с каждым мигом становились все тише и тише: похоже, таинственный шпион, следивший за мной, убрался восвояси.

— Трусишка! — крикнула я вслед, гордясь тем, что прогнала чужака.

Я принялась разглядывать свою чудесную находку — ребристый и лихо закрученный «бараний рог» — такой и у настоящих баранов редко сыщешь!

Многие верят, что Господь и впрямь сотворил мир и его обитателей за шесть дней, как написано в Библии. Но, по словам отца, это все выдумки: ученые выяснили, что слово «день» не стоит воспринимать буквально и на самом деле Сотворение мира заняло куда больше времени — аж шесть тысяч лет, а то и все семьдесят пять, как считают некоторые. Мне было трудно представить столь долгий период, ведь порой даже один-единственный день тянется нестерпимо медленно.

Такие разговоры мы заводили только на берегу или в скалах, где нас не могли подслушать, — горожане, чего доброго, сочли бы отцовские идеи «клеветою бесовской», попирающей Слово Божие. Очень многое в Библии было (и до сих пор остается) мне непонятным, заставляя задуматься, все ли в этой книге правдиво. В Писании сказано, что Бог создал все и сразу, но почему же тогда некоторые существа в какой-то момент исчезли с лица земли? Почему мы сейчас находим «змеиные камни», скелеты древних каракатиц и так далее? Зачем творить существ, которым рано или поздно придет конец? Да еще таких прекрасных? Вот чего я никак не могла взять в толк.

И почему же камни не таят в себе человечьих, лошадиных, бараньих костей? Их останки встречаются только на берегу — временами море вымывает их из почвы, забирает себе, чтобы накормить своих подводных обитателей, а потом вновь выбрасывает на берег блестящими и гладкими, словно очищенный картофель. Глубоко под землю эти кости так и не уходят. Но почему тогда камни в свое время дали приют останкам древних существ? Как это произошло? Вот ведь загадка!

Я бережно погладила находку и понесла ее к воде, чтобы смыть остатки грязи. «Бараний рог» оказался размером с ладонь.

Он был так прекрасен, что я надолго замерла в восхищении, рассматривая свой улов.

Но потом меня захлестнула волна страха. Солнце уже село. Море подобралось угрожающе близко к берегу и щелкало своими огромными холодными челюстями у моих ног. Раньше надо было уходить! Успею ли теперь?

Я кинулась бежать что было силы, прижимая к груди находку. Пронеслась по скользкой тропе, взобралась на берег и влетела на кладбище при церкви, радуясь твердой земле под ногами. Но стоило мне обогнуть последнюю могильную плиту, как я врезалась в незнакомую даму, разодетую в пышное платье, и уронила свое сокровище… Прямо ей на ногу!

Дама тихонько вскрикнула, но до меня донесся и другой звук. Смех! Кто-то сдавленно хихикнул! Щеки мои залила краска, и я торопливо огляделась. Кто это надо мной хохочет?!

— Бог ты мой, да ты, никак, *страшно* спешишь? Да, малышка? — ласково спросила дама.

— Простите меня, госпожа, — едва слышно пробормотала я, уставившись на ноги незнакомки.

— Ну-ка, ну-ка, что тут у нас… — проговорила дама, нагнулась и подняла «бараний рог». — Какая красота! Откуда он у тебя?

Я окинула ее взглядом. Было понятно, что передо мной весьма благородная особа. Довольно юная. Ее наряд, судя по всему, стоил совсем недешево. На моем лице застыло серьезное выражение, которое, впрочем, соответствовало обстановке, ведь мы с незнакомкой столкнулись не где-нибудь, а на кладбище.

— Я не воровка, — сказала я и выхватила «бараний рог» у нее из рук.

— Разве я в чем-то тебя обвинила? — отозвалась дама и улыбнулась. Взгляд у нее потеплел. Наверное, она была доброй.

— Я нашла его сама. На берегу. На Черной Жиле. Впрочем, вам туда ходить не советую. Для таких, как вы, там слишком опасно. Да и… — я покосилась на ее симпатичные кожаные туфельки, — слишком грязно. Там ужас как грязно. Тем более в прилив.

Незнакомка рассмеялась.

— Какая ты забавная! Уверяю тебя, я вовсе не желаю рисковать *ни* жизнью, *ни* туфельками. Зато очень хочу себе эту диковинку. За сколько продашь? Шиллинга хватит? — спросила она и внимательно поглядела на меня. — О, по глазам вижу, что маловато. Тогда, может, полкроны? Устроит?

Полкроны! Я тут же представила, на сколько чудесных вещей можно потратить эту сумму. Во-первых, можно будет купить вдоволь еды, во-вторых, отец станет мной гордиться, в-третьих, Джозеф просто с ума сойдет от зависти и, наконец, в-четвертых, такой заработок порадует и успокоит матушку, которая наверняка устроила бы мне взбучку, узнав, что я одна ходила на Черную Жилу. Теперь-то уж точно она не станет меня наказывать!

— Хорошо, я уступлю вам рог за полкроны, но только потому, что уронила его вам на ногу и мне совестно, — ответила я. — А так он стоит пять шиллингов.

В кустах кто-то шумно ахнул, и я тут же обернулась.

Но дама, казалось, ничего не заметила. Она вновь рассмеялась, запрокинув голову так, что стали видны белоснежные зубы, — обычно знатные леди не позволяют себе ничего подобного! Потом засунула руку в свою шелковую сумочку и достала большую серебряную монету, которая легко утолила бы все матушкины печали.

— Держи, детка. Ты, как я погляжу, торговаться умеешь, несмотря на юные годы! Далеко пойдешь, помяни мое слово!

— Отец может расколоть рог надвое и отполировать. Как мою змейку, — показав из-под шарфа свое украшение, сообщила я даме.

— О нет, мне эта диковинка нравится в своем первозданном виде. Такой, какой ее сотворил Господь. Такой, какой ее нашла ты.

— Едва ли Господь сотворил ее мертвым камнем, — заметила я. — Там внутри наверняка кто-то жил — улитка или еще кто-нибудь.

— И все же пусть остается такой, как сейчас. Спасибо тебе, детка. Как же тебя зовут?

— Мэри. Мэри Эннинг. Мэри Первая сгорела и умерла. А мне уже почти десять. В детстве меня ударило молнией, но я выжила.

Сама не знаю, зачем я ей все это выложила, но мой рассказ, судя по всему, ее впечатлил.

— Ну и ну! Вот это история, Мэри! Что ж, тогда понятно, откуда в тебе эта сила духа! Смотри только, как бы она не довела тебя до беды! — с этими словами дама погладила меня по голове, словно собаку (признаться, это меня страшно разозлило), и ушла.

— Выходи сейчас же! Эй ты, негодяй! — крикнула я тут же, вновь повернувшись к кустам.

Из-за укрытия показалась уже знакомая белокурая голова. У моего преследователя было чистое лицо, залитое легким румянцем, — такие лица бывают у детей из богатых семей, где на мытье не жалеют воды и мыла. На меня смотрел мальчик в синей

бархатной куртке, старше меня года на два, а то и на три. Глаза у него были круглые, навыкате, как у кролика или скумбрии. Он уставился на меня как дурак, раскрыв рот. А потом бросился наутек. Опять!

— Трус! — крикнула я ему вслед уже второй раз за день.

***

Впрочем, меня и саму охватил страх, когда я пробралась домой через черный ход и сбросила перепачканные башмаки.

Матушка на кухне чистила репу. Лицо у нее было мрачнее тучи.

— И где это вы изволили пропадать, юная леди?

Она с такой яростью вонзила нож в репу, будто хотела ее прикончить.

Я достала монету, и она сверкнула у меня на ладони, точно зеркальце в лучах солнца. И тут же, словно по волшебству, матушкино лицо просветлело — так светлеет небо над Коббом, когда ветер разгоняет грозовые тучи.

Но радость оказалась недолгой.

— Где ты взяла эти деньги? — тут же строго спросила матушка.

Меня охватило чувство гордости.

— Я продала окаменелость! Нашла и продала! — вызывающе ответила я.

— Ты совсем стыд потеряла? Торговать находками в воскресный день! — вспылила матушка.

— Я совсем забыла про воскресенье, да и моя покупательница тоже. Это была знатная дама, и ей было все равно. Она выглядела очень довольной и сказала, что я далеко пойду!

— О, это уж точно, — мрачно съязвила матушка. — Далеко-далеко, прямиком в рундук Дэви Джонса![3] Во всем виноват твой папаша! Говорила я ему, что незачем брать вас на Черную Жилу да искать эти ваши камни! Добром это не кончится! Помяни мое слово!

— А разве… разве полкроны — не добро, матушка? По-моему, очень даже! Можно я завтра куплю немного баранины к ужину? Уж что-что, а торговаться я умею!

Матушка невольно улыбнулась, хоть и старалась сохранять грозный вид.

— Ладно уж! Может, эта твоя покупательница права и ты в самом деле далеко пойдешь. Вот только всегда смотри под ноги. Черная Жила, поди, не кусками баранины усеяна, а кое-чем

похуже, верно, юная леди? И не надо мне тут рассказывать про останки овец, упавших с утеса. Довольно с меня. Займись лучше делом и убери грязь, которую ты развела у порога.

***

На следующий день мы с наслаждением лакомились вкуснейшей тушеной бараниной, а все благодаря мне и моей драгоценной находке! Меня так и распирало от гордости, пускай это и грех. Было ли мне стыдно, спросите вы? Ничуть!

Вот только радость моя длилась недолго. Пока мы мыли и вытирали посуду, Джозеф то и дело больно пихал меня под ребра и заговорщически подмигивал. Судя по всему, мой братец и сам был неплохим шпионом. Когда матушка на что-то отвлеклась, он прошептал мне на ухо:

— Ба, да у тебя завелся поклонник!

Я собралась толкнуть его в ответ, но он, звонко смеясь, торопливо выскочил из кухни. Я кинулась следом — нужно было выяснить, что же ему известно.

Джозеф признался, что видел, как мальчишка-шпион бегал за мной, будто щенок, а потом принялся задавать мне дурацкие вопросы, которые я изо всех сил старалась пропускать мимо ушей. Понравился ли мне его бархатный наряд? Очаровали ли меня его кудряшки? Захотелось ли мне его поцеловать?

При этом Джозефу было прекрасно известно, что у меня нет времени на наряды и что франтоватые мальчишки казались мне еще глупее разряженных девчонок. А уж поцелуи… Бр-р-р! Я стукнула Джозефа кулаком и заявила, что мне нет никакого дела до того, кто прячется по кустам и шпионит за мной, и что я ничегошеньки о нем не знаю.

Когда матушка выглянула из столовой, я грозно посмотрела на брата и провела указательным пальцем по шее — намекая, что с ним будет, если он все ей расскажет.

Джозеф ухмыльнулся и снова подмигнул.

Ох уж эти несносные мальчишки!

5. Как поймать шпиона

Действительно ли я ничего не знала о загадочном мальчишке? По его одежде можно было догадаться, что он учится в школе для юных джентльменов, расположенной на холме, вдалеке от зловонных рыбных сетей и клетей, набитых раками. Он, вероятно, хотел стащить мои сокровища или же деньги, вырученные за них. Вот только зачем мальчишке из богатой семьи мои гроши? Впрочем, не было никакой возможности выяснить, что же у него на уме, ведь каждый раз, когда мне удавалось его застукать, он позорно сбегал. Какой трус, право слово!

А может, сумасшедший.

Я твердо решила поймать его и все разузнать. Он старше меня, стало быть, должен вести себя гораздо смелее, но куда там! Это был трус, каких поискать! У меня что, три головы? Или я плююсь огнем, как дракон? А жаль! Вот было бы здорово! Только вообразите!

В общем, я поняла: нужно придумать ловушку для моего преследователя.

***

Днями напролет я только и думала, как же его поймать. Всякий раз, когда мы с братом встречались взглядами, Джозеф выразительно стучал себе пальцем по носу и подмигивал мне, как будто читал мои мысли, и это страшно меня злило.

Опять настало воскресенье, я пошла в школу, но никак не могла сосредоточиться на уроках, поскольку все время думала о загадочном преследователе.

В воскресной школе я сидела за одной партой с Хэтти Боудич. Она была румяной, златовласой, как и мой шпион. Шел урок письма. Хэтти что-то гнусаво напевала, медленно-медленно выводя буквы в прописи и высунув от усердия кончик языка. Стоял первый теплый весенний день. Вдруг огромная муха с синеватым брюшком, поблескивающим, будто кусочек стекла на солнце, упрямо забилась в окно. Ее громкое жужжание слилось с гудением Хэтти. Казалось, еще немного — и моя голова вот-вот лопнет от шума.

— Да что же это такое, совсем не дают человеку сосредоточиться!

Увы, эти слова сорвались с моих губ прежде, чем я успела

сдержаться.

Наша учительница мисс Эванс подняла от книги встревоженный взгляд. Она недовольно нахмурилась.

— Мэри Эннинг! — воскликнула она. — Замолчи и не мешай остальным!

— *Уже* замолчала, — заметила я, потому что в тот миг, когда мисс Эванс потребовала «не мешать остальным» (как она выразилась), я и впрямь сидела тихо.

Порой люди и сами не замечают, какие глупости говорят. Увы, такое творится на каждом шагу.

— Вон! Вон из класса, грубиянка!

Мои одноклассники захихикали — сперва едва слышно, в кулачки, потом громче и наконец расхохотались в голос. Мисс Эванс залилась краской и стала краснее морского петуха! (Это рыба такая, если вы вдруг не знали.)

— Не понимаю, за что, мисс, — отозвалась я, потому что и впрямь не понимала, отчего она вдруг так разозлилась. — Я ведь проронила всего несколько слов и сразу замолчала — еще до того, как вы сделали мне замечание!

— Упрямая девчонка! Еще и препираться со мной будешь?

— Буду, если вам так угодно! — ответила я. Честное слово, я не понимала, чего ей от меня надо, но вникать не собиралась, поскольку все мысли были заняты планом поимки загадочного шпиона.

Мисс Эванс решительно направилась ко мне по узкому проходу между рядами парт. По пути она сшибла грифельную доску Билли Стиклэнда и наступила на ногу Эндрю Халлетту, не обратив никакого внимания на его сдавленный писк. Лицо у нее было мрачнее сам*о*й Черной Жилы.

Мисс Эванс подошла к моей парте, схватила меня за руку и грубо вывела из класса.

— Вернешься, когда научишься себя вести! Скажи спасибо, что отделалась таким легким наказанием. Пусть это будет тебе уроком.

Она захлопнула дверь у меня перед носом, и я осталась наедине со своими мыслями.

Первым делом я решила, что «учиться себя вести» мне ни к чему, это я и так умею. Мисс Эванс, конечно, поступила ужасно несправедливо, выдворив меня из класса, но вместе с тем оказала мне большую услугу, ведь остаток дня теперь можно посвятить поимке шпиона!

***

Пройти мимо матушки, когда она возится дома с младенцем, всегда нелегко. Но когда младенца нет и никто не отвлекает ее внимание — почти невозможно. В дом вела всего одна дверь, и, даже если мне удавалось проскользнуть внутрь незамеченной, ступеньки под ногами каждый раз скрипели, будто палуба корабля в сильный шторм, а ведь слух у матушки был острый, как у зайца!

Понятное дело, она не обрадуется, узнав, что меня выгнали из школы, но я никак не могла придумать себе оправдание. Ну не умею лгать, совсем не умею, и все тут. Множество раз отец с Джозефом бранили меня за то, что я выдавала всю правду, вместо того чтобы подыграть, скрыть от матушки наши проделки. Вечно они забывали, что лгать — выше моих сил!

Однажды Джозеф чуть ли не на коленях упрашивал меня сказать матушке, что я своими глазами видела, как он поскользнулся и расквасил нос, хотя на самом деле он подрался с Итаном Кумбсом… и, надо сказать, победил его. Матушка с большим неодобрением относилась к дракам, и Джозеф опасался последствий.

— Так что с тобой приключилось? — спросила она в тот день, оттирая засохшую кровь с его лица.

— Ничего такого, мамочка, просто поскользнулся и упал. Мэри может подтвердить, правда, Мэри?

— Ну же, Мэри? Твой брат, часом, не врет? — строго спросила матушка.

Джозеф умоляюще уставился на меня своими щенячьими глазами, большими и влажными, как у спаниелей, частых спутников знатных дам. Одними губами он прошептал: «*Ну пожалуйста!*», но все было напрасно. Тайное всегда становится явным… особенно если о нем расспрашивают меня.

— Все было не так! Он начал смеяться над Итаном, и тот ударил его в нос. А потом Джозеф так врезал, что Итан упал. И Джозеф победил! — уточнила я в полной уверенности, что последнее обстоятельство утешит матушку.

— Мэри! — с отчаянием вскричал Джозеф. — Неужели так сложно выручить?!

— Если бы ты сам во всем сознался, — недовольно проворчала матушка, — никто бы не стал расспрашивать Мэри. Отец с тобой серьезно поговорит, Джозеф. Мне за тебя стыдно! Затевать драки в столь юном возрасте! Иди чистить картошку. Но помни, сам ты ее не получишь.

Джозеф больно ущипнул меня за руку, но я не пискнула — как не стала и жаловаться на него матушке, ведь она меня ни о чем таком не спрашивала. Я вовсе не ябеда, и если меня не

спрашивают, я молчу, но если уж спросили, то лгать не стану.

Отец рассказывал, что бывает ложь во спасение. Например, когда тебе задают вопрос и ты понимаешь, что правдивый ответ прозвучит грубо или кого-то обидит, — но даже в таких случаях я всегда говорю правду. Как-то раз матушка спросила, вкусный ли был ужин, и я честно ответила, что мне он совсем не понравился, но я съела его, потому что надо было подкрепиться и ничего другого у нас не было. На это матушка заметила, что если я не могу сказать ничего хорошего, то лучше бы вообще помалкивала. С тех пор я сделалась молчаливой — впрочем, мне это даже нравится. Болтать попусту — все равно что переливать из пустого в порожнее. Бесполезное занятие, если подумать.

Я остановилась у двери, понимая, что мне ни за что не пробраться мимо матушки незаметно. Солгать ей, если она вдруг спросит, почему я не в школе, тоже не получится. Оставалось только одно: смело зайти в дом, и будь что будет.

Дома было тихо как в могиле. В котелках на кухне не булькала вода. Не слышалось раздраженного ворчания матушки, засевшей за штопку или принявшейся за уборку. Ее вообще не было дома. Вот так удача!

Я разыскала свой молоточек и прихватила с собой мешочек с окаменелостями. Он пригодится мне для ловушки! Ради поимки шпиона придется пожертвовать несколькими находками.

***

Я сосредоточенно прислушивалась, силясь уловить шаги таинственного мальчишки, но вдруг поняла, что еще слишком рано. В этот час мой шпион, должно быть, сидел за обеденным столом и резал серебряным ножиком нежнейший ростбиф или запеченную курочку — или же черпал ложечкой поссет. Волнение, с которым я представляла поимку этого трусишки, вдруг рассеялось, как морской туман. Мой тщательно продуманный план теперь не имел, казалось, никакого смысла! Я оставила за собой следы из окаменелостей, но что, если их растащат другие люди? К тому же мне не хотелось долго и терпеливо ждать, изнывая от скуки! Я ненавижу резко менять планы, но тогда даже мысли о поиске новых сокровищ, которые всегда, словно по волшебству, поднимали мне настроение, меня не радовали. Я принялась собирать окаменелости, которые прежде с таким тщанием разложила на своем пути.

Внезапно я наткнулась на свежую могилу, на которой возвышалась гора рыхлой земли, и остановилась, чтобы прочесть

имя на маленьком деревянном кресте. Эми Мартин. Имя было совершенно незнакомым. Девушка погибла в семнадцать лет. Наверное, ее погубила страшная болезнь. А может, тяжелые роды. По спине пробежали мурашки. Если и мне суждено умереть в столь юном возрасте, значит, я уже прожила полжизни. Как же мало времени отведено! Слишком мало, чтобы тратить его на поимку глупого шпиона. Труса, который и лица своего показать не смеет! Я убрала в мешочек последние окаменелости, оставшиеся на моем пути.

— Может, я и глуп, но не *настолько*! И знаю, что на траве такие сокровища не валяются! — заявил кто-то позади меня.

Я так подскочила от неожиданности, что выронила парочку «ногтей дьявола».

Резко обернувшись, я яростно уставилась на незнакомца.

— Как тебе не стыдно тайком подкрадываться к людям! Да еще на кладбище! — возмущенно воскликнула я, а потом вдруг узнала стоящего передо мной человека.

Это был точно мой шпион!

Он хохотал. Такого я стерпеть никак не могла. Я кинулась на него, словно разъяренный бык, ударила головой в грудь и повалила на землю.

Шпион мгновенно затих, пошатнулся и рухнул. Падая, он беспомощно размахивал руками, но его это не спасло. О землю он ударился с жутким глухим стуком и закрыл глаза. Все случилось стремительно — и вдруг время замедлилось.

Я убила его!

Такой была первая мысль, пришедшая мне в голову. Наверное, он слишком сильно ударился головой и погиб!

Я убила его! Убила мальчика из богатой семьи, который, по сути, ничего плохого мне не сделал, разве что без конца докучал! Убила одним ударом!

И теперь уж меня наверняка вышлют из страны — или даже повесят!

6. Французишка Генри вовсе не из Франции

Я застыла над телом мальчика из богатой семьи. Убитого мною мальчика.

Лицо у него было белым, как грудь чайки. Кудри рассыпались по земле, словно русалочьи локоны.

Я не знала, что делать.

А потом мальчик вдруг задрожал всем телом. В уголках глаз появились крохотные морщинки. Плечи запрыгали по земле, то поднимаясь, то опускаясь, и послышалось громкое фырканье — так иногда фырчат свиньи.

Мальчик открыл небесно-голубые глаза. Потом сел и принялся стряхивать травинки с волос.

— Вот вы и попались! О месть! Как ты сладка!

Я вам уже рассказывала, что ненавижу, когда надо мной потешаются? Так вот, это чистая правда. Просто терпеть не могу. Мне ужасно захотелось еще разок его ударить. На этот раз — со всей силы. Он увидел гнев в моих глазах и улыбнулся, протянув мне белую ладонь.

— Генри де ла Беш к вашим услугам, мэм. Пожмите же мне руку!

— Не буду я французишке руки пожимать, — отрезала я. В этот момент меня никто не разубедил бы. Все мы наслышаны о том, что творилось на войне с Бонапартом (или стариной Бони, как мы его называли). Он провозгласил себя великим императором, хотя росту в нем было всего три фута. Чуть ли не каждый день жителям напоминали о том, чтобы они были осторожнее, потому что ночами по нашим берегам бродили шпионы, притворяясь рыбаками и английскими моряками.

Мальчик поднялся и отряхнулся.

— Я такой же англичанин, как и вы. Мой род уже много поколений живет в Англии.

— Так я тебе и поверила! Чего же ты тогда за мной по пятам ходишь? Да еще прячешься? А потом убегаешь! Ты *самый настоящий* шпион! Шпион и трус!

— Уверяю вас, это вовсе не так.

— Зачем ты тогда вечно за мной таскаешься как приклеенный, все время подглядываешь, а потом даешь деру? Зачем следишь за каждым моим шагом? Нет, ты точно шпион!

Мальчишка пожал плечами.

— Простите. Я немного застенчив, только и всего. А вы вечно

так заняты… то копаете, то торгуете.

— Так, значит, ты и впрямь видел, как я продала той леди «бараний рог»! Признавайся, ты хотел выкрасть мои находки? И деньги!

— Нет же! Нет! Просто мне ужасно интересно, чем вы занимаетесь. Вот я и…

— Что?! — так свирепо, как только могла, спросила я.

Он убрал волосы со лба и посмотрел мне в глаза.

— Надеялся, что вы разрешите вам помочь. Сопровождать вас. Я бы охотно у вас поучился! Вы настоящий мастер своего дела! А я… глупец.

— Ну уж с этим никак не поспоришь. Невежда, каких поискать, — согласилась я, хотя, признаться, мне было приятно услышать просьбу о помощи от того, кто старше и богаче меня. — Всему, что я знаю и умею, меня научил отец. Пусть и твой тебя научит!

Лицо его вдруг приняло странное выражение. Казалось, он вот-вот расплачется. Еще и нюня!

— Мой отец погиб, — ответил он.

— Как?

Генри вскинул на меня взгляд — пронзительный, почти гневный.

— Не стоит задавать таких вопросов.

— Но почему? Мне очень хочется узнать правду, а кроме тебя мне ее никто не расскажет!

Он со вздохом опустился у самой могилы и тут же подскочил, словно ошпаренный. Мне вновь показалось, что он вот-вот разрыдается.

— Мы с матушкой об этом не говорим. Никогда. — Он и впрямь начал плакать, а лицо у него побагровело и покрылось пятнами.

Я снова не знала, как поступить. Мальчикам ведь не пристало реветь. Джозеф никогда не плакал.

Генри утер лицо большим носовым платком. Я все ждала разъяснений, и, наверное, он почувствовал мое нетерпение, потому что с трудом пробормотал, шмыгая носом:

— Что-то вы не слишком любезны. А для девочки — особенно.

— Что-то ты не слишком храбрый. А для мальчика — так тем более, — тут же отозвалась я. — И вообще, кто сказал, что девочки всегда должны быть любезными?

Он еще раз шумно втянул носом воздух и принялся яростно тереть глаза:

— Кто сказал, что мальчики всегда должны быть храбрыми?

Очень надеюсь, что вы так и не узнаете, каково это — потерять отца.

— Нет, ну это уж полная чепуха! Мой отец не вечен. Ничто не вечно. Вот только слезами отца не вернешь. Матушка днями напролет рыдает об умерших младенцах, но ни один из них еще не ожил. Смерть есть смерть. С ней ничего не поделаешь, так что надо просто жить, пока живется.

— Вот это сила духа, — отозвался он. — Вас, наверное, так же трудно сломать, как эти ваши окаменевшие «сокровища».

Я пропустила его замечание мимо ушей.

— Так как он погиб? — повторила я свой вопрос.

Отец частенько говорил, что я упряма и если уж за что-то взялась, то никогда не отступлюсь — словно собака, не желающая никому отдавать свою кость. В тот миг я и впрямь чувствовала себя собакой и не собиралась уступать свое лакомство. Недаром упрямство — мое главное качество, и так будет всегда.

Лицо у Генри вновь раскраснелось — но уже не от слез, а от злости.

— Если вам интересно, он умер от лихорадки. На Ямайке. Во время первой поездки на нашу плантацию. Заболел и умер. Это была страшная и мучительная смерть. Его постоянно тошнило. Он метался по постели в агонии. Все тело горело и лихорадило. А потом… его не стало! Ну что, вы довольны? А еще вас, наверное, позабавит новость о том, что корабль, на котором мы с матушкой возвращались в Англию, потерпел крушение и мы едва не утонули! Так-то! Ну что? Довольно трагедий или еще подавай?

Я была поражена. Рассказ о смерти отца меня не слишком впечатлил, но тот факт, что Генри выжил после кораблекрушения, меня прямо-таки восхитил. Мне страшно захотелось во всех подробностях расспросить его о случившемся. Казалось, он прочел мои мысли, потому что продолжил:

— Вижу, вам это все интересно до жути, будь оно неладно. Тогда потрудитесь вообразить, каково это — когда у тебя сначала отнимают отца, когда матушка рыдает не переставая, отказывается от еды и чахнет день ото дня, когда вам с ней приходится похоронить отца на чужбине и отправиться по морю домой, а потом… — Он ненадолго прервался и высморкался. — А потом вы попадаете в чудовищную бурю и гигантские волны размером с утес бросают ваше судно из стороны в сторону, швыряют его на коралловые рифы вместе с пятью другими кораблями. В тот день море кишмя кишело останками людских тел, изрезанных кораллами на мелкие кусочки, а мы с горсткой других выживших цеплялись за скалы и в ужасе смотрели, как акулы лакомятся погибшими.

Не считая истории о Всемирном потопе и Ноевом ковчеге, это был самый захватывающий рассказ из всех, которые я когда-либо слышала! Тем более что приключения Ноя казались мне куда скучнее: в них не было акул, пожиравших несчастных, которым не хватило места на ковчеге. Генри явно заметил мой восторг и продолжил свой рассказ. Я заметила, что он и сам уже начал забывать о печали — в его покрасневших глазах даже вспыхнул огонек.

— Да у вас кровь так и застыла бы в жилах, если бы вы только услыхали крики несчастных! Как они пытались защититься от гигантских акул с огромными зубами и мощными хвостами! Море было красным, как закатное небо! От крови, само собой. Я своими глазами видел, как волны выбрасывают на берег людские головы и конечности. Видел, как огромные морские птицы выклевывают людям глаза и с жадностью пожирают плоть. Видел, как моряков тошнит от страха и мерзости вокруг. Видел…

— Довольно! — вскричала я. Меня и саму замутило. — Как же тебе удалось спастись? Или это все выдумки, наглая ложь?

Он слегка покраснел.

— Ну, на самом деле акул было не так уж много, но кораллы и впрямь изрезали нескольких бедняг на кусочки. Моряки наверняка съели бы меня и еще одну маленькую девочку, если бы сам командующий не услыхал о нашем бедствии и не отправил на помощь корабль.

— Съели бы?! — в изумлении повторила я.

— Да! Съели бы! Они были голодны как волки! И глядели на нас как на пирожки. Один из них как-то ущипнул меня за руку, проверяя мою упитанность. Матушка тут же кинулась на него и он отскочил, но мы были вот на столечко… — он свел вместе большой и указательный пальцы, оставив между ними крошечный просвет, — от гибели! Нам наверняка перерезали бы глотки, а тела поджарили на раскаленных камнях!

— Бр-р-р! Вот ведь мерзость!

— А вы еще меня в трусости обвиняли! — победно выкрикнул он.

— Да ни капельки не напугала меня твоя история, — воскликнула я. — Просто подумалось, какой ты, наверное, противный на вкус!

На самом деле услышанное повергло меня в ужас. Что такое голод, я знала не понаслышке. Мне часто доводилось его испытывать. Но разве он бывает настолько сильным, что может даже захотеться съесть другого человека? По спине у меня пробежали мурашки.

Генри де ла Беш не сводил с меня взгляда, будто ожидая, что

я еще что-то добавлю.

— Занятная история. Думаю, у нас с тобой много общего, ведь и мне довелось пережить страшную бурю, — ответила я. — И теперь понятно, почему твой отец не смог тебя научить всему, что знал сам. Еще бы, ведь он погиб! — Я заметила, как поморщился Генри, услышав эти слова, но что поделать: правда есть правда. — Но скажи, какая мне польза в том, чтобы учить тебя своему мастерству?

Он сунул руку в карман и достал небольшой блокнот, туго перевязанный ленточкой.

— Держите, — сказал он и протянул его мне.

Я развязала ленточку и пролистала страницы.

Внутри оказалось множество рисунков: растения, птицы, собаки, кошки и, самое главное, камни. Рисунки были прекрасные и очень точные. Все на них выглядело как настоящее. Генри явно обладал талантом, которого я была начисто лишена.

Я почувствовала на себе его пристальный взгляд. Он ждал моего ответа. Возвращая ему блокнот, я старалась скрыть свой восторг, совсем как моя матушка, которая часто притворялась рассерженной, когда в глубине души была очень мной довольна.

— Что ж, так и быть. Ты и впрямь мне пригодишься. Только для рисунков понадобится отдельный блокнот. Понятно? Не хочу, чтобы мои сокровища мешались со всякими цветочками да кошечками.

Он широко улыбнулся.

— Понял! К вашим услугам, капитан… Как вас величать?

— Для тебя — мисс Эннинг. Хорошего дня. Завтра же приступим к работе.

С этими словами я развернулась и ушла. А он так и стоял, расплывшись в улыбке.

7. Первый настоящий друг

Я не стала рассказывать отцу про Генри. Джозефу в конце концов надоело меня дразнить, и он отстал. К тому же мой братец поступил на обучение к драпировщику и теперь дни напролет мастерил мягкие сиденья для холеных аристократических пятых точек, так что свободного времени у него не было. И я начала ходить на побережье без него. Зато с новым спутником.

Я всегда предпочитала одиночество, но, сказать по правде, рядом с Генри мне было гораздо спокойнее искать окаменелости у подножия Черной Жилы. В любую минуту скала могла обрушиться. Да и неужели Господь, который спас Генри от акул и моряков-каннибалов, допустит, чтобы он погиб под оползнем? Я считала Генри своим талисманом, и, возможно, это было взаимно — во всяком случае, он стал куда веселее, чем в нашу первую встречу.

С началом летних каникул Генри ходил со мной на берег чуть ли не каждый день. Для меня это была работа, для него — приятное времяпрепровождение. Все это очень меня забавляло. Наверное, для меня таким же отдыхом стала бы учеба, если б вдруг пришлось ходить в школу каждый день, а не только по воскресеньям.

Конечно, у него были недостатки. Больше всего меня раздражало, что он очень рассеянный. Как-то знойным июльским днем один джентльмен по фамилии де Люк (тоже француз, судя по всему, хотя Генри сказал, что он из Швейцарии) остановился, чтобы пожелать Генри доброго дня и перекинуться с ним парой фраз. Разумеется, со мной он и словом не обмолвился, а не то я быстро закончила бы этот разговор. Но нет, он принялся увлеченно разглядывать камни и рассказывать Генри о земных пластах и о том, как же они возникли. У меня не было никаких сомнений, что это случилось благодаря морю: оно каждый день то уносило что-нибудь с собой, то возвращало украденное, а то и выбрасывало на берег что-нибудь новенькое. Я искренне верила, что именно море находит и являет миру останки давным-давно вымерших существ — а значит, и время здесь играет немаловажную роль.

У нас дома долгое время на подоконнике лежала мертвая оса, погребенная под толстыми слоями песка, пыли, сухих листьев — и снова пыли. Все эти слои очень напоминали мне пласты камней, найденных на берегу. Я то и дело разгребала слои, чтобы проверить, что стало с тельцем осы. В конце концов оно превратилось в хрупкий и тонкий, как бумага, остов, утративший

все свои соки и все же не рассыпавшийся в прах. Если слой грязи смог сохранить осиное тельце, то какие же крупные скелеты можно отыскать в скалах!

Швейцарец болтал без умолку. За работой я урывками слушала его «проповедь». В ней то и дело звучали какие-то длинные и сложные слова, но Генри делал вид, что все понимает. А может, и впрямь понимал.

Генри показал джентльмену несколько зарисовок Черной Жилы, и тот пришел в неописуемый восторг. Мне подумалось, что если Генри удастся продать швейцарцу свои рисунки, то выручкой следует поделиться со мной. Ведь благодаря тому, что я знаю тайные тропы и время отливов с приливами, он может спокойно рисовать на берегу!

Но Генри не предложил де Люку купить рисунки и, когда тот наконец ушел в Чармут, подбежал ко мне. Его глаза сияли…

— Мистеру де Люку страшно понравились мои рисунки, и он подал мне просто великолепную идею! — с восторгом сообщил он. — Предложил сделать альбом, посвященный геологии наших островов!

— Геологии? — Мне не хотелось говорить, что я не знаю этого слова. Генри, будучи богатым и образованным, наверняка начнет смеяться надо мной.

Но этот страх, как обычно, оказался напрасным. Генри был добрейшим мальчиком. И в моей памяти он навсегда останется таким.

— Геология — это наука о Земле, мисс Эннинг. Это термин. Притом греческий! «Гео» значит «Земля», а «логос» — «учение». Геология изучает строение Земли, а тот, кто ей занимается, зовется геологом. Стало быть, вы геолог! Вы настоящий ученый!

Меня обуяла бескрайняя гордость, но вместе с ней в душе вспыхнула и тревога.

— Тс-с! Ни слова о науке! Нас могут услышать! — предупредила я. — Ты ведь не хочешь разозлить Господа? Или, чего еще хуже, горожан?

— Но ведь среди ваших покупателей немало ученых, — заметил изумленный Генри. — Да вы ведь и сами ученый!

— Вовсе нет. Никогда я такого не говорила. Я — искательница сокровищ. И охочусь за деньгами, а не за знаниями. Что же до покупателей — не мое дело, почему их привлекают диковинки. Мое дело — торговля. Главное — любыми путями заработать денег. В отличие от тебя, моей семье живется несладко.

Генри покраснел. С ним часто такое случалось. Он стыдился своего богатства, и мне это в нем очень нравилось.

— Мне жаль, мисс Эннинг, что деньги достаются вам таким трудом. Может, есть более безопасные способы подзаработать?

— Чушь! На что мне твоя безопасность? Да и потом, лучше уж искать окаменелости, чем продать все свои волосы, как бедняжка Фанни Гудфеллоу, — заметила я. В самом деле, что может быть хуже?!

— Продать волосы? Зачем? — спросил Генри. Вид у него был озадаченный, как, впрочем, у любого состоятельного человека, который не имеет ни малейшего понятия, на что приходится идти, чтобы выжить. А может, он просто не понял. Слишком резко я сменила тему разговора. Так уж работает мой ум — я всюду вижу взаимосвязи.

Я рассказала ему, что у бедняжки Фанни были самые длинные и красивые волосы в городе — великолепные кудри цвета спелой ржи, но их отрезал цирюльник — безжалостно, под самый корень, да так неаккуратно, что кожа кое-где покраснела и стала болеть. Голову Фанни щедро натерли маслом, но девушку все равно донимали боль и зуд. Ей пришлось проходить всю зиму в колючей шерстяной шапке, а новые волосы начали расти далеко не сразу: пару недель на голове у бедняжки торчало всего несколько тонких волосинок, похожих на выбившиеся из-под снега травинки. Кудри пришлось продать, чтобы выручить денег на дрова. Фанни знала, что через год цирюльник опять к ней заглянет и отстрижет все, что успело отрасти за это время.

— Наверняка сейчас какая-нибудь старая, лысая и беззубая богачка щеголяет в парике из волос бедняжки Фанни! Даже думать противно! — воскликнула я.

Когда я поведала эту историю Джозефу, он рассмеялся.

— Ну, на твои-то коричневые кудряшки вряд ли кто позарится, пусть они и длиннющие, — шутливо заметил он. — К тому же никакой цирюльник их в жизни не расчешет!

А вот Генри мой рассказ ужаснул.

— Хорошо, что тебе не смешно, как Джозефу. Остаться зимой без волос… в этом нет ничего забавного. Бедняжка Фанни очень мерзла, а еще над ней и по сей день потешаются. Даже больше, чем надо мной!

— А кто над вами смеется, мисс Эннинг? — спросил Генри, внимательно посмотрев мне в глаза.

— Ой, да все кому не лень, — отмахнулась я. — Но мне, честно сказать, все равно. С меня как с гуся вода.

Мне не хотелось показывать свою слабость — нет, я этого не любила. Я была ничем не хуже других мальчиков и девочек, да и взрослых мужчин и женщин, и твердо решила, что им никогда не сломить меня своей глупостью и жестокостью. Решила, что не

позволю клеветать на моего отца, который дал мне столько знаний, сколько вовек не даст ни одна школа! Я ведь теперь и сама могу учить других — вот хотя бы этого бледного богатенького мальчишку, который, будучи куда старше и образованнее меня, не знает о жизни бедняков ровным счетом ничего.

— Как мне жаль, — сказал Генри, понурившись.

— С чего бы? Ты тут вообще ни при чем.

— Если вас это утешит, надо мной тоже без конца смеются, — признался он, мгновенно покраснев.

— Над тобой?! Но почему?

— Потому что я дружу с вами.

«Дружу»? Честно сказать, другом я Генри не считала, впрочем, друзей у меня вообще не было. Он стал мне хорошим помощником, спору нет. Но слова о дружбе пробудили во мне противоречивые чувства.

— Какая чушь! Наверняка им не нравится мое низкое происхождение или что я девочка, да еще к тому же младше тебя.

— Думаю, дело и впрямь во всем этом. И еще в другом.

Его ответ не на шутку меня озадачил. Во всем этом и еще в другом? Как это? Я мрачно покосилась на Генри. Я страшно не любила всякие непонятности — примерно так же, как разговоры о дружбе.

— Вы же знаете этих задир. Им непременно надо кому-нибудь досадить. Чаще всего тому, кто на них не похож. И кому они втайне завидуют — такое тоже бывает.

Я не удержалась от смеха.

— Завидуют? Мне? Нашли кому завидовать! Таких глупцов, как они, и бояться нечего! Не стоит на них внимание обращать.

— Постараюсь взять с вас пример, мисс Эннинг.

Мне не терпелось выспросить, кто же эти глупцы, и проучить их, но внезапно внутри вспыхнуло новое жгучее желание, от которого не удалось отмахнуться. Мне захотелось сделать для Генри что-нибудь хорошее, что-нибудь доброе.

— Можешь звать меня Мэри, если хочешь. Раз уж мы, как ты говоришь, друзья.

Он с улыбкой протянул мне свою холеную белую ладонь. Я задержала на ней взгляд, но потом протянула свою в ответ, и мы обменялись торжественным рукопожатием. Может, и впрямь неплохо, когда у тебя есть друг. По телу разлилось приятное тепло. Нет, все-таки занятное это чувство, спору нет!

8. Из грязи к сдобе

— Смотри, какое голубое небо! Вот так бы нежиться целый день на солнышке и ничего не делать. Наконец-то этот противный дождь кончился! Я уж думал, он теперь навечно!

Генри лежал на краю поросшего травой глинистого выступа, прикрыв руками глаза от яркого солнца. Внизу темнел Монмутский пляж. Небо над нами было лазоревым, внизу искрилось и весело плескалось море. Временами на Генри нападала жуткая лень, и я, нисколько не стесняясь, говорила ему об этом прямо в лицо.

— А кое-кому надо работать, — ворчливо напомнила я и на этот раз, стиснув зубы. — Не все могут позволить себе валяться на траве и часами глазеть на небо!

Генри сел и принялся вытаскивать из волос травинки, глядя на меня. У него был такой вид, прямо как у теленка! Смешное сравнение. Впервые я услышала его от матушки — по ее словам, телячьи глаза бывали у отца, когда он возвращался от своих друзей — «безмозглых балбесов, у которых одна выпивка на уме», как говорила про них матушка. Она их недолюбливала.

Впрочем, Генри больше походил на собачку, которая однажды нап*и*сала на человека. Я своими глазами видела! Клянусь! Это случилось неподалеку от Кобба. Нарядно одетая дама вышла из экипажа и передала своего питомца лакею. (Это был мопс с плоской мордой и таким длиннющим языком, что без труда мог бы лизнуть самого себя в глаз.) Тот опустил собачку на землю. Мопс смерил его презрительным взглядом, а потом без тени смущения поднял заднюю лапу и окатил золотистой струйкой блестящие лакейские туфли. Но лакей не проронил ни слова. Он просто стоял, весь красный как рак. А собачка неожиданно одумалась, и вид у нее сделался такой жалостливый. Ну, как у собаки, которая только что оп*и*сала человека. Хозяйка схватила мопса и принялась ругать, словно он понимал людскую речь. А я смотрела и хохотала так громко, что на меня даже стали недобро коситься.

Так вот, Генри выглядел точь-в-точь как тот мопс.

Потом он улыбнулся.

— Но ты ведь *любишь* свое дело, так? Значит, работа тебе в радость.

Раздраженно застонав, я схватилась за здоровенный пласт мокрой глины, который ночью смыл ливень со скалы. Длиной он был чуть ли не с кровать, а толщиной — с мою руку. Внутри — точно цветок меж книжных страниц — было зажато что-то

блестящее. Я хотела положить пласт плашмя, чтобы расколоть его точным ударом молоточка, но он прочно завяз в грязи и мне никак не удавалось за него ухватиться. В такие моменты отец обычно ругался, я тоже прошептала несколько крепких словечек — и мне, если честно, тут же полегчало.

— Давай помогу, — крикнул Генри. Он уже успел подняться на ноги и теперь широко улыбался, как дурачок. — Тяжеловата ноша для девчонки!

Ох, как же я тогда разозлилась! Пришла в такую ярость! Загребла хорошую горсть земли и швырнула в Генри. На белой рубашке грязные пятна особенно заметны, уж поверьте. Он поднял на меня изумленный взгляд, но потом вновь улыбнулся.

— О, мисс Эннинг… Вернее, Мэри! Как легко тебя вывести из себя! Ты быстро теряешь самообладание. А я ведь просто хотел подразнить тебя, только и всего. Прекрасно знаю, как ты не любишь, когда тебя называют девочкой.

— Ты меня не девочкой назвал, а девчонкой — это уж совсем наглость! Девочки ничем не хуже мальчиков, к твоему сведению. Раз ты знаешь, что я ненавижу, когда меня так называют, зачем дразнишь? — возмущенно спросила я, споласкивая руки от грязи в глубокой луже. Я кипела от ярости, но старалась не подавать виду.

— Просто ты очень смешная, когда злишься. Глаза сверкают, как у дракона, того и гляди из ноздрей огонь повалит!

Хм-м-м. Сравнение с драконом мне польстило, и я с трудом сдержала улыбку.

А потом вновь повернулась к земляному пласту.

— Иди сюда, бездельник! Помоги мне повернуть эту громадину, чтобы удобнее было ее разбить.

Несмотря на нежные, как у холеной дамы, руки, Генри (а кудри! точь-в-точь как у херувимов на фресках) обладал недюжинной силой. Он внимательно наблюдал, как я ударила молотком по камню и пласт тут же распался надвое. Теперь это был не камень, а гигантская Библия, раскрытая посередине.

Мы уставились на черную поверхность. В солнечном свете замерцали сотни крошечных кружочков, похожих на лепестки.

Какая красота!

Что за бесценное сокровище!

— Боже мой, — вскричал Генри, и его глаза распахнулись от изумления. Нет, ну он и впрямь дурачок! — Что это такое? Похоже на звезды на ночном небе.

— Это рыбья чешуя, недотепа. Только и всего. Гляди! А вот несколько рыбьих косточек.

Я была страшно разочарована. Еще до удара у меня возникло

странное предчувствие. Казалось, я случайно проглотила пчелу и та беспокойно металась у меня внутри, силясь выбраться. Моя находка оказалась ерундовой. Никчемной.

— Как жаль, Мэри, — подал голос Генри и потянулся ко мне, но я быстро отпрянула. — Ты, наверное, думала, что внутри крупный улов, который можно будет выгодно продать.

Да. Я в самом деле так думала. Но меня ожидало разочарование. Куда печальнее было то, что предчувствие подвело меня. Что если я утратила свое диковинное чутье? Что если я в жизни больше не найду ничего стоящего?

— Ну же, Мэри! — ободрил меня Генри. — Однажды ты отыщешь волшебное чудище, которое прославит и озолотит тебя! Ты станешь хозяйкой огромного состояния.

— Ну вот еще! У таких, как я, не бывает огромного состояния. Состояние не сколотишь за один миг. Оно передается от родителей к детям, притом только в богатых семьях. Взять, к примеру, тебя. Ты не знаешь голода, каждый день у тебя чистая рубашка и мягкая постель. Так будет всегда. Тебе никогда не придется думать, как заработать на кусок хлеба. Что же до славы…Славы мне не видать! Ну кто обратит внимание на меня, девочку из бедной семьи? Я и гроша ломаного не стою! Вот ты зовешь меня другом, а в гости так ни разу и не пригласил. Стыдишься меня, да? Конечно, как это маленькая нищенка в лохмотьях осмелится переступить порог вашего великолепного дома и заговорить с твоей знатной матушкой!

Сама не знаю, с чего я вдруг на него набросилась, — мне ни капельки не хотелось к нему в гости. Но Генри тут же покраснел от стыда, и я была этим очень довольна.

— Вообще-то *ты* меня к себе тоже ни разу не приглашала! — рассерженно бросил мне Генри. — Да и вряд ли ты согласилась бы сначала умыться и причесаться, а потом вести себя вежливо с моей матушкой, которая тебе, несомненно, показалась бы пустоголовой, и вообще…

Нет, я ошиблась. Он покраснел вовсе не со стыда, а от злости и не собирался молча глотать мои оскорбления.

— И вообще, твой отец жив, так что не смей жаловаться, как тебе тяжело! Я охотно отдал бы все богатства на свете, лишь бы отец вернулся к нам целый и невредимый. Может, вы и бедны, мисс Эннинг, но вам дано куда больше, чем мне. Только вы этого не цените!

И он кинулся в сторону города, не оглядываясь и утирая на ходу глаза рукавами. Что за странное создание! Его отец вот уже много месяцев как мертв, а он все плачет о нем, будто это случилось вчера. Этого я никак не могла понять. Отец погиб, его

уже не вернуть, а слезами — тем более. Как же, наверное, утомительно быть таким впечатлительным. Если б в моей семье так убивались по каждому умершему младенцу, мы бы давно потеряли все силы и стали бы ни на что не годны.

Но, пока я смотрела, как он неуклюже бредет по каменистому пляжу, то и дело оскальзываясь на мокрых водорослях, мной овладела странная грусть. Наверное, стоило быть с ним помягче. Но он должен понять, что я всегда говорю все как есть и ничего кроме этого! Факты есть факты. С ними не поспоришь!

— Французишка! — крикнула я ему вслед во все горло. — Эй ты, французишка!

Он обернулся и замер. Его глаза были красными от слез. Потом слегка приподнял плечи, словно спрашивая, зачем я его позвала.

Вдруг его рот стал похож на большую букву «О». И он кинулся ко мне со всех ног, что-то крича и размахивая руками.

Я вдруг поняла, чего он так испугался.

За спиной раздался грохот. А потом скрежет. И звучный треск.

Шум нарастал, земля под ногами содрогнулась.

Я подняла глаза.

От утеса, нависшего надо мной, откололся огромный кусок и летел прямо на меня.

Гигантские комья грязи, осколки камня, вырванные с корнем кусты — все это катилось вниз, стремительно набирая скорость. Кровь застыла у меня в жилах.

— Беги! — проорал Генри. — *Скорее*!

И я побежала — так быстро, как еще в жизни не бегала. Грудь жгло огнем, сердце бешено колотилось, я изо всех сил старалась не поскользнуться на водорослях.

Ровно в тот миг, когда я наконец добежала до Генри, на берег с оглушительным грохотом рухнул град из камней, грязи и осколков скалы, сотрясая землю у нас под ногами.

Генри прижал меня к себе, да так крепко, что чуть не задушил.

— Слава богу! — вскричал он. — Слава богу!

Представляете, он не отпускал меня целую вечность! В конце концов мне стало жарко и я начала вырываться у него из рук — крепкие объятия мне никогда не нравились. Я чувствовала себя словно пойманный в клетку зверек и потому со всей силы отпихнула Генри.

Ну и вид у него был! Глаза красные, лицо перепачкано, на щеках — грязные дорожки от слез, вся рубашка — в темных пятнах (моя вина, признаю). Выглядел он как заправский

оборванец. Удержаться от смеха было невозможно. И я, конечно же, не сдержалась.

Генри с изумлением уставился на меня, а потом засмеялся. Мы стояли и хохотали как дураки. Хохотали так, что аж за животы схватились и повалились навзничь.

Неужели нам и впрямь было настолько весело, или мы просто радовались, что выжили? Кажется, я знаю ответ.

— Ты была на волоске от гибели, — заметил Генри, когда мы наконец успокоились.

— Ерунда! Я и не из такого выпутывалась! — похвасталась я. Сама не знаю, зачем соврала. Может, из гордости.

Какое-то время мы молча лежали на земле. Я понимала, что должна поблагодарить Генри, но никак не могла подобрать нужные слова. Честно говоря, мне совсем не понравилось, что спасать пришлось меня. Куда больше мне хотелось бы кого-нибудь спасти самой. Ведь эти утесы — почти мой дом! А я хозяйка берега, это мое царство. Меня охватила злость.

Молчание наше продлилось долго. Наконец Генри сел и окинул взглядом море.

— Не заглянешь ли к нам на чай, а, Мэри? — спросил он, вытирая лицо ужасно грязным платком.

— Опять ты надо мной смеешься! — возмущенно ответила я, в глубине души надеясь, что это не так.

— Вовсе нет! Пойдем! Надо отпраздновать!

— Отпраздновать что? — уточнила я. — Мы ведь так ничего и не нашли!

— Ой, подумаешь. Зато я спас тебе жизнь, и неважно, что ты даже спасибо мне не сказала. Пойдем! Может, дома будут сладкие булочки! — Он встал и протянул руку, чтобы помочь подняться. — Кстати… Матушки нет дома, так что можем спокойно пить чай сколько вздумается!

И тут я пожалела, что завела весь этот разговор. Я совсем не хотела к Генри в гости. Мне было страшно. Признаюсь. На берегу я была королевой своего мира, а Генри — моим верным помощником. Я решала, когда и куда мы отправимся, как он должен мне помогать. Но у Генри в доме моя роль изменится. Я уже не буду хозяйкой. От этих мыслей стало не по себе.

Но… разве я не Молния Мэри? Разве в Лайм-Риджисе есть кто-нибудь храбрее меня? И тогда я подумала о сладких булочках. Как ни крути, булочки — это веский повод позабыть о страхе.

Сделав глубокий вдох, я вскочила на ноги и стряхнула с платья песок и комья грязи.

— Ну что ж, пойдем, раз ты так хочешь. Не будем тянуть.

Генри расхохотался.

— Нет, Мэри, ты и впрямь удивительная!

— Да, — кивнула я. — Попрошу впредь об этом не забывать!

***

Как же не похож оказался дом Генри на нашу лачугу на Кокмойл-сквер с ее убогой кухонькой и почерневшей плитой! Со стропил не свисали панталоны и сорочки, развешанные для просушки, а на огне не бурлил чан с тушеной капустой, наполняя весь дом нестерпимой вонью. (Как если бы Джозеф не сдержался и снова испортил воздух — он часто это проделывал и страшно гордился собственным остроумием.) В доме Генри была кухарка в белоснежном фартуке, которая усердно поливала гору свежеиспеченных булочек сладкой глазурью из большой серебряной кастрюли. Кругом царили порядок, чистота и изобилие. Над безупречно чистой плитой сушились травы. Полки, висящие на стенах, были уставлены всевозможными баночками, бутылочками и мешочками. Вишни и сливы громоздились на хрустальном блюде, искрящемся в лучах солнца, которое светило в большое окно. Подумать только, стоит лишь немного пройтись по Сильвер-стрит — и попадешь в совсем другой мир!

Потом кухарка ушла, оставив нас наедине. Когда она увидела, какие мы грязные, у нее от изумления аж глаза на лоб полезли, но она промолчала. Заварив чай и поставив перед нами по тарелке с булочкой, она удалилась.

Я в жизни не держала в руках столь изысканной чашечки. И ни разу не пробовала сладкого чая. Дома у нас почти *никогда* не водилось сахара, а Генри щедро насыпал мне в чашку аж две полных ложечки. Все это было мне в диковинку. Я дважды обожгла язык. Чай был вкусный и сладкий, как соцветие клевера (а это лакомство что надо, уж поверьте).

Допив чай, я остановила взгляд на булочках, не в силах отвести глаз. Живот тут же свело от нестерпимого голода — казалось, внутри меня сидело разъяренное чудище.

— Ну же, Мэри, угощайся! — Генри придвинул ко мне тарелку. — Выпечка чудо как хороша!

Лакомство было щедро усыпано сахаром. Сладкие крупинки поблескивали, как рыбьи чешуйки. Ужасно хотелось их слизнуть, но я сдержалась. Генри откусил кусок от булки, и я последовала его примеру. В жизни не пробовала ничего вкуснее! Мне стало так совестно, хотя любопытство все-таки взяло верх. Я слышала столько историй о добыче сахара, а Генри наверняка знал об этом

все, раз жил там, где его добывали. Тем более у его отца была своя плантация. На ум приходили все новые и новые вопросы — я едва успевала задавать их.

— Это правда, что сахар добывают тысячи чернокожих? А богачи в самом деле покупают работников на рынках, как коров и овец, а потом держат в оковах и не платят им за их труд? А листья тростника действительно острые, как бритвы, и рассекают людям руки, и ноги, и лица? А у твоего отца рабы были? Он жестоко с ними обходился? Он их бил, если они плохо работали?

Генри отвел взгляд, делая вид, будто не слышит моих вопросов. Потом поставил тарелку на стол и спрятал ладони. Наверное, ему было стыдно. А может, он держал себя в руках, чтобы не накинуться на меня с кулаками, хотя вообще-то он и мухи не обидел бы. Или все-таки рассердился? Трудно сказать.

— Да. У нас были рабы. Это правда.

— И что, вы дурно с ними обходились? Не ты, конечно. Твой отец.

— Нет. Он не был жесток с ними. И мы тоже. Именно поэтому отец и решил вернуться в Англию. Он был против рабства. На дух его не переносил. Ему было больно видеть, как другие хозяева плантаций обходятся со своими работниками. И он был счастлив, когда наш парламент два года назад запретил продажу рабов. Но отец считал это недостаточным. Он хотел, чтобы они жили так же, как рабочий люд, и могли сами решать, трудиться им на хозяина или нет.

— А рабочий люд, по-твоему, что-то решает сам? Мы беремся за любую работу и еще должны спасибо за это говорить, — отозвалась я.

Генри странно улыбнулся.

— Да, Мэри, знаю. Но вами никто не *владеет,* как владеют собакой или лошадью. Вас никто не покупал, никто не поступает с вами как вздумается. Ты не представляешь себе, какова она — рабская жизнь. Даже я не представляю, хоть и видел ее своими глазами. Вообрази, что было бы, если б я стал твоим хозяином!

Я вскочила из-за стола. Лицо у меня горело, в глазах полыхал гнев.

— Нет уж, этому не бывать! В жизни никому не покорюсь! Ни за что!

Генри рассмеялся.

— Я так и думал. Нет на свете таких оков и упряжи, которые удержали бы тебя. Но представь, что я твой хозяин. Что ты служишь моей семье. Откуда я бы тогда узнал, в самом ли деле мы дружим или ты говоришь со мной лишь потому, что боишься наказания?

— Да какая разница почему? Главное, что говорю. Что еще нужно?

Мое наблюдение, казалось, слегка смутило Генри.

— Да, но… А вдруг ты притворяешься? Мы не смогли бы с тобой стать друзьями. Неравенство бы помешало.

Теперь уже я расхохоталась.

— А сейчас мы, по-твоему, друг другу ровня? Да ты совсем с ума сошел, месье Генри де ла Пляж!

— Нет, мы и сейчас неровня, — подтвердил Генри. — Когда дело доходит до поиска сокровищ, я во всем тебе подчиняюсь, о капитан!

— Вот именно! — подтвердила я, в душе обрадовавшись, что он не до конца понял, к чему я клоню. — Доедай скорее свою булочку, а не то я сама ее съем!

Генри с готовностью выполнил мой приказ. Я была очень довольна.

Вернувшись домой, я никому не рассказала, где была: ни матушке, ни отцу, ни Джозефу. Положила на стол несколько булочек и таинственно улыбнулась — все так и застыли посреди кухни, удивленно раскрыв рты, словно морские петухи.

9. Плоды дружбы

С этого дня Генри стал часто приносить на берег булочки, завернутые в бумагу. Я делала вид, что меня нисколько не интересовало лакомство. Вот еще, я же не какая-нибудь бродячая собака, которую можно прикормить! Тогда Генри садился на большой камень и начинал медленно слизывать с булочки сахар, то и дело посмеиваясь над моим напускным равнодушием.

— Я знаю, Мэри, ты гордячка, но наша кухарка испекла эти булочки специально для тебя. Ну же, возьми их, — сказал он и протянул мне угощение.

Терпеть голод всегда непросто, особенно когда желудок будто вот-вот съест сам себя. Но к голоду можно привыкнуть. Точнее, приходится, а иначе так и будешь целыми днями думать только о еде — пользы от этого никакой.

Я взяла булочку. Генри улыбнулся. Я его отлично понимала: кормить других приятно. Но мне не хотелось, чтобы он чувствовал власть надо мной, так что я не стала благодарить его за угощение, хоть это и было жутко невежливо.

— Мэри, я знаю, что мне в жизни повезло. Во многом это везение досталось мне по родству, так уж вышло, — начал Генри, жалобно глядя мне в глаза, словно моля о снисхождении.

— «Так уж вышло», — передразнила я с набитым ртом.

— А еще я знаю, что ты гордая и не любишь, когда тебя жалеют, — да и сама никого не жалеешь, — продолжил он.

Я облизнула губы.

— А вот и неправда. Мне жаль тех, кто терпит лишения ни за что! В Лайм-Риджисе таких бедняг очень много. Рыбаки, которые запутались в сетях и потеряли пальцы. Моряки, которым оторвало ноги французскими ядрами. Осиротевшие дети, — ответила я. — А вот к тем, у кого денег куда больше, чем ума, и кто рискует жизнью без всякой нужды — как те дуралеи, что купаются в море зимой или лазают по здешним утесам, ничегошеньки о них не зная, — я жалости не чувствую!

— Но ты тоже рискуешь жизнью! — заметил Генри. — Выходит, я не должен тебя жалеть, если ты погибнешь во время оползня или если волны унесут тебя в море? Как знать, вдруг в следующий раз я не смогу тебя спасти?

Заслышав его рассуждения, я невольно улыбнулась. Подумать только, он спас меня однажды и уже возомнил, что спасет снова! Вот еще! Я и сама могу о себе позаботиться. В тот раз я попросту отвлеклась на него, глядя, как он уходит весь в слезах, и не заметила, что начался обвал.

— Жалеть меня не нужно, спасибо! Обойдусь! — отозвалась я. — Лучше себя пожалей — ты еще не нашел ни одной окаменелости! А я отлично знаю, что делаю!

Я вскочила на ноги и принялась за горку камней, которые собиралась расколоть. Генри со смехом последовал моему примеру, но так ничего и не нашел — как я и предсказывала.

Я и впрямь превосходно знала, что делаю. Знала, когда приходить на берег и где именно искать. Умела определять на вид, в каких камнях есть сокровища, а в каких нет. Каждый день я училась чувствовать настроение моря, а уж в умении торговаться с покупателями мне вообще равных не было! Ни Джозеф, ни Генри не умели продавать, хотя они все время вели друг с другом ожесточенную борьбу, думая, что я этого не замечаю. Джозеф, назвав цену, упирался и не желал идти навстречу покупателям, так что те зачастую теряли терпение и уходили. Генри, напротив, встречал их с широкой улыбкой и охотно соглашался на первую же предложенную ими сумму. В конце концов я вовсе запретила ему торговать вместе с нами. Из-за его бесконечных «Как поживаете?» вкупе с обходительностью и неумением назначить выгодную цену мы только теряли деньги.

Как правило, Джозеф в упор не замечал Генри, но за его спиной часто позволял себе обидные высказывания о его происхождении, наряде и способностях. Как-то раз, когда Генри начал перекладывать окаменелости, разложенные на нашем столике для продажи, Джозеф обратился к нему напрямую:

— Сдается мне, столь знатному джентльмену не пристало заниматься торговлей, — насмешливо заметил мой брат.

— Может, ты и прав, Джозеф, — невозмутимо отозвался Генри. — Я еще не определился со своей *métier*.

— С чем с чем? — переспросила я, впервые услышав это слово.

— С *métier*… С делом, которому посвящу жизнь. Это французское слово. Извините!

— Ага! Всегда знала, что ты французишка! — воскликнула я. Впрочем, Генри понимал, что я просто дразню его, только и всего.

— Тогда не лезь не в свое дело, французишка, — подхватил Джозеф и вернул все диковинки на прежнее место. — Не твое это «мы-тье», или как его там.

Генри вдруг стал похож на побитого пса, но ничего не сказал. Махнув мне рукой, он молча ушел.

— Это было грубо, — заметила я.

— От него никакой пользы! Ты же сама видишь! — вскричал Джозеф. Лицо у него в один миг стало пунцовым.

— А вот и есть! — воскликнула я. — Он меня всюду

сопровождает, а еще помогает донести домой находки! — Я едва не проболталась о вкуснейших булочках, которыми Генри угощал меня. Но в последний момент сдержалась, решив, что это только сильнее разозлит Джозефа.

— Как же ему, наверное, славно живется, раз не приходится в поте лица зарабатывать на хлеб. Не то что нам! Раньше мы с тобой были не разлей вода, Мэри. А сейчас в вашей сладкой парочке я третий лишний, вот оно как вышло!

Так, значит, все дело в ревности!

— Кто тебе мешает по вечерам ходить с нами на берег? — спросила я.

— А ничего, что после работы я страшно устаю, а? — огрызнулся он.

Да уж, есть люди, которым не угодишь.

***

Матушка любила повторять: «Не делай добра — не получишь зла». Она была совершенно права. Следующие три дня Джозеф ходил на берег с нами, и за это время мы преуспели в работе куда меньше, чем если бы я трудилась одна. Мальчики без конца препирались и соревновались: кто поднимет самый тяжелый камень или кто быстрее вскарабкается на самый отвесный утес.

Меня это раздражало и очень злило. Они ужасно шумели, словно чайки, дерущиеся за кусок хлеба. И зачем мальчишкам надо вечно друг перед другом выделываться, точно петухам в курятнике? Неудивительно, что в мире так часто случаются войны: если даже жители одной страны не способны ужиться между собой, то, уж конечно, никто из них не упустит возможности повоевать с иноземцами.

Меня с малых лет пугали французами: рассказывали, как они жестоко обходятся с пленными, да и к тому же питаются всякой гадостью — лягушачьими лапками, улитками. Но что если они просто очень бедны и ужасно голодают? А может, им нравится такая пища? В конце концов, едим же мы сердцевидок и прочих моллюсков — а это те же улитки, только морские. Впрочем, съесть лягушачью лапку меня не заставил бы даже самый лютый голод. В этом я не сомневалась.

Как бы там ни было, я молилась, чтобы Генри и Джозефа никогда не отправили воевать. Джозеф вообще был большим любителем помахать кулаками. Всякий раз, когда по округе разносилась весть о прибытии специальной группы людей, которые собирали флот и принудительно отправляли юношей на

войну с Наполеоном, матушка запрещала Джозефу выходить на улицу. Она боялась, что его схватят. Матушка прекрасно понимала, что если эти люди поймают Джозефа, то домой он вернется покалеченным и беспомощным. В худшем случае мы больше никогда его не увидим. Для простых моряков война не была захватывающим приключением. То ли дело для разряженных офицеров, которым она приносила немалый доход, несмотря на все ужасы. Однако в Лайм-Риджис редко заглядывал кто-то из служащих, поэтому Джозефу ничего не угрожало.

Когда Джозеф устал от нашей компании и решил, что лучше посвящать вечера рыбалке, у меня словно гора с плеч свалилась. На берег вернулись тишина и покой.

Я люблю тишину. Порой, когда силишься выкопать ценную находку или роешься в грязи, выискивая камни, внутри которых могут скрываться диковинки, раздражает даже плеск волн. В такие минуты в голове проносится множество мыслей и вопросов. Там словно просыпается толпа маленьких Мэри Эннинг, которые беспокойно мечутся из стороны в сторону, следят за происходящим, думают, гадают, пытаются разобраться, что делать дальше. Любой посторонний шум, пусть и слабый, выводит их из себя. Понимаю, звучит странно, но уж как есть — порой даже едва уловимый писк сбивает меня с мыслей, когда нужно сосредоточиться.

Порой я так углублялась в размышления, что не замечала течения времени. И забывала обо всем на свете. Забывала о жажде и голоде (что было весьма кстати, потому что пить и есть все равно было нечего, если только Генри не приносил с собой угощения). Забывала даже справить нужду и потому по возвращении домой кидалась на поиски ночного горшка — никаких сил терпеть уже не оставалось, и самой себе я казалась огромной переполненной бутылью. Знаю, настоящие леди о таком умалчивают, но мне очень хочется объяснить, что я чувствовала. Да и потом, я вовсе не леди, как вам уже известно.

У Генри была одна славная черта. Узнав мои странности, он научился с ними мириться. Например, ему нравилось напевать себе под нос за рисованием, а меня это, напротив, выводило из себя. Когда он впервые что-то неразборчиво загудел, словно пчела, я посмотрела на него так свирепо, как только могла. Потом швырнула в него ком грязи. А когда и это не помогло, подскочила к нему и больно стукнула — тогда-то он наконец замолчал. С того дня достаточно было кинуть на него злобный взгляд, и Генри тут же затихал. Со временем он и вовсе перестал гудеть, во всяком случае пока мы были на берегу вдвоем. Когда же к нам присоединялся Джозеф, Генри напрочь забывал об установленных

мною правилах. Мальчишки шумели так, что у меня просто голова трещала, — иной раз приходилось отходить от них подальше, чтобы не слышать этот гам.

Короче, я искренне радовалась обществу Генри, если с нами не было Джозефа. А все потому, что Генри и впрямь оказался отличным помощником. Он мастерски зарисовывал мои находки, и на бумаге они выглядели точь-в-точь как в жизни. Он измерял окаменелости и записывал их точные размеры, а еще тщательно соблюдал пропорции в своих рисунках. Такой подход Генри называл научным (это слово я всегда старалась пропускать мимо ушей) и говорил, что мы непременно должны тщательно записывать, где именно и что нашли.

А еще Генри зарисовывал те участки берега, где мы вели поиски, чтобы можно было без труда их найти, если вдруг понадобится. Обычно я очень хорошо помнила интересные места с находками, но, разумеется, море, ветер и дождь делали свое дело и порой меняли береговой пейзаж до неузнаваемости даже летом. Если не случалось страшного шторма или мощного оползня, верхушка утеса сохраняла прежний облик, и потому Генри каждый раз выискивал наверху какой-нибудь ориентир вроде кривого дерева, куста причудливой формы или необычного камня, похожего, скажем, на человеческое лицо. Он зарисовывал такие вот ориентиры и оставлял коротенькую приписку, например: «*от этого места — три шага вдоль моря*», а потом помечал направление маленькой стрелочкой.

Генри и меня учил рисовать и подписывать свои рисунки. Мне ужасно нравились его работы — такие они были точные и понятные. Он называл их набросками, а я свои — нацарапками: острие перьевой ручки громко царапало бумагу, пока я писала, и рвало ее, словно кошачий коготь. Казалось, вот-вот — и оно продырявит страницу! Мне очень хотелось писать так же красиво и убористо, как Генри, но не хватало умения и опыта, и потому я старалась как могла, учась новому день ото дня.

После удачного дня мне нравилось сидеть на берегу и разглядывать все, что мы отыскали, сортировать находки и записывать их размеры и количество.

— А что это такое? — как-то спросил меня Генри, когда мы, стоя на мели, отмывали от грязи недавно найденные диковинки. Я поглядела на находки, лежащие у него на ладони.

— «Ногти дьявола» и «чертовы пальцы», конечно, — отозвалась я. — Ты же и сам знаешь! — Даже странно, что он задал мне такой вопрос. Ведь он уже раз двадцать, а то и тридцать их зарисовывал.

— Но ведь на самом деле ни дьявол, ни черти не теряли

никаких ногтей и пальцев, правда? Сколько вообще у дьявола ногтей? Разве у него не копыта, как у козла? Тогда что *это* такое? Ты видела у кого-нибудь такие ногти?

— И без тебя знаю, что никакие это не ногти. Просто камни похожи на них, а богатым людям нравится думать, что они держат в руках ногти самого дьявола. Ты же замечал, как вскрикивают и морщатся знатные дамы! Им хочется, чтобы их пугали. А «чертовы пальцы» такие темные, что и правда похожи на чертовы. Не «дамскими пальчиками» их же называть.

— Это я знаю, — нетерпеливо отмахнулся Генри. — Но нам нужен научный подход! Что это такое? «Ногти дьявола», как по мне, больше похожи на устриц или моллюсков, но на самом деле это что-то совсем другое. Кроме внешнего сходства, тут ничего и нет. Вот ты когда-нибудь видела такую устрицу в Лайм-Риджисе? Нет! И я не видел. Это точно какое-то древнее создание, умершее сотни лет назад!

— Никто нам не станет платить за древнюю устрицу. Ты ведь знаешь, по каким законам живет торговля, — уточнила я.

— Да, но еще я знаю, что ты всем сердцем любишь правду и, как мне кажется, предпочла бы разобраться, что это за штука, а не просто продавать ее под лживым названием. Вот это, — он набрал полную горсть «ногтей дьявола», — никакие не ногти, а это, — он указал на аккуратно разложенные по земле кучки, — никакие не змеи, не «дамские пальчики» и не «крокодиловы зубы», правда ведь? Так что же это такое? И где они теперь? Я имею в виду живых существ, конечно же.

Я и сама не раз задавала себе эти вопросы. Меня одновременно и обрадовало, и раздосадовало, что Генри тоже об этом думает. Обрадовало, потому что, выходит, мы мыслим одинаково, а раздосадовало потому, что раньше я ни разу не заговаривала об этих загадках и теперь, когда я начну делиться своими идеями, Генри запросто может подумать, что я за ним повторяю.

Он пристально посмотрел на меня, ожидая ответа, но я не знала, что сказать. Моя голова сначала опустела, а потом вновь наполнилась самыми разными идеями, которые замелькали так быстро, что я не успевала их запоминать.

— Впрочем, ты права, — со вздохом продолжил он. — Люди верят в то, во что хотят верить. Мэри, *мы* непременно станем настоящими учеными, начнем свое исследование и выясним, что же это за существа и что они могут поведать нам! — Он повернулся и указал на море, на небо, на утес. — О нашем мире, о жизни на нашей планете!

Ученые! Слово, которое нельзя произносить вслух. Слово,

которое ничем не лучше разговоров о дьяволе. И все же оно пробудило во мне не только страх. В груди словно полыхнул огонь, а мысли озарила яркая вспышка — как если бы меня во второй раз ударила молния. Наверное, что-то такое отразилось и на моем лице, потому что Генри посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ага! Вижу, ты со мной согласна! Так вот, Мэри, давай заключим договор. Мы пообещаем друг другу, что станем учеными — втайне от всех, если хочешь, — и будем вместе отгадывать загадки. Ты великолепно умеешь находить улики, а я — их зарисовывать и описывать. Вдвоем мы точно сможем разобраться, что же это все значит. Ну что, по рукам?

Он протянул мне ладонь (уже не такую белую и изнеженную, как когда-то), и я пожала ее. Пожатие Генри было крепким и уверенным, и я тоже изо всех сил стиснула его руку, показывая ему, что чувствую то же самое. Подумать только! Мы втайне от всех станем учеными!

10. Дружбе конец

Уже через неделю от моего воодушевления не осталось и следа.

Закончился первый день «научного исследования», о котором мы с Генри договорились еще совсем недавно. Осень принесла с собой дожди и ветра, из-за которых мы несколько дней все никак не могли выйти на берег, а почва размокла настолько, что число наших находок резко сократилось, несмотря на мой талант к поиску окаменелостей. Домой мы шли, можно сказать, с пустыми руками, и настроение мое оставляло желать лучшего.

Я шагала стремительно, как, впрочем, и всегда, а Генри бежал за мной, силясь догнать.

— Мэри! Погоди! Я должен тебе кое-что сказать. Хотел тебя поблагодарить. Я столько интересного узнал за последние месяцы, что совсем позабыл о своем горе, — и все благодаря тебе! Спасибо огромное. Ты и представить себе не можешь, как я тебе благодарен.

— Что ж, я рада, — ответила я. — Как по мне, горевать — лишь попусту время тратить. Печалью мертвого не оживить, да и живому она не в радость.

Он едва заметно улыбнулся — видимо, за несколько месяцев так и не привык к моей простой и прямолинейной речи.

— Вот, это тебе, — сказал он и протянул мне небольшой альбом в кожаном переплете с рисунками, сделанными на берегу во время наших многочасовых поисков.

Я быстро его пролистала.

— Почему ты мне его отдаешь? — спросила я. — Тут еще остались чистые странички, к тому же мы только начали исследование.

Генри опустил глаза.

— Я кое-что от тебя скрыл. Не хотел все портить. Я скоро уезжаю. С января я начну учиться в Королевском военном колледже в Грейт-Марлоу. Мы с матушкой на днях возвращаемся в Лондон, чтобы навестить родню и подготовиться к моему отъезду. Нужно столько мундиров пошить, а еще закупить снаряжение. Буду нарядный, как попугай!

— Но ты же еще ребенок! — воскликнула я.

В самом деле, Генри выглядел младше Джозефа, хотя был на целых два года старше. Наверное, сходство с ребенком ему придавали белокурые локоны.

— Джозеф уже не первый месяц учится ремеслу и работает. Чем я хуже? Мне скоро четырнадцать, пора браться за дело. К

тому же сейчас война. Я должен исполнить свой долг.

— Но ты хотел стать ученым! Мы оба хотели! А теперь метишь в военные! Как же твое обещание?! И наш уговор! Ты обещал!

Он отвел взгляд.

«Опять плачет, наверное», — подумалось мне.

— Это не мой выбор, Мэри. Но именно этого от меня ждут. И требуют. Прости. Для меня это все стало таким же потрясением, как и для тебя. Но нельзя всю жизнь прожить без забот. Ты как никто это знаешь.

На меня нахлынуло странное чувство. Я и сама не понимала — и до сих пор не знаю, — что это было. Меня вдруг замутило: казалось, что я вот-вот упаду в обморок. Мне хотелось закричать во все горло и выкинуть что-нибудь… грубое. Резкое. Не успев опомниться, я со всей силы ударила Генри в грудь, он покачнулся, а потом начал кашлять.

— Ну и пожалуйста! Скатертью дорожка, иждивенец! — Это сложное и красивое слово я впервые услышала от матушки. — Я даже рада избавиться от такой обузы! И каракули свои дурацкие забирай! Мне они не нужны!

Я швырнула в него альбом с рисунками. Но Генри не стал его ловить. Книжечка рухнула в грязь, а он лишь печально на нее посмотрел.

— Я буду по тебе скучать, Мэри. Ты стала мне настоящим другом. Я никогда тебя не забуду. Никогда. Однажды ты станешь великим ученым, помяни мое слово. Знаменитым геологом. Ты обязательно узнаешь, как останки древних существ оказались в плену у камней, и разгадаешь тайну зарождения жизни на Земле. Отыщешь множество диковинных созданий и сокровищ, каких еще свет не видывал. Я в этом не сомневаюсь. Ну же, Мэри! Неужели ты даже руку мне не пожмешь? Давай расстанемся друзьями. Прошу тебя.

В его голосе звучала мольба. Обычно я стараюсь не поддаваться порывам, но в тот раз на меня обрушился шквал чувств. Я не сознавала, что делаю. Протянула ему руку, грязную, покрытую царапинами, с черными от глины ногтями, а потом резко отдернула.

— Ты же сказал, что мы оба станем учеными! Ты *обещал*! Неделю назад! Всего неделю! Лгун!

Я швырнула на землю несколько окаменелостей, которые мы отыскали в тот день, и они упали рядом с альбомом. Потом приподняла подол платья и кинулась бежать.

Генри что-то кричал мне вслед. Кажется, обещал писать. Но я ни разу не обернулась, и его слова растворились в свисте ветра в

моих ушах.

Я бежала со всех ног, то и дело спотыкаясь и оскальзываясь на мокрой грязи. Во мне кипела жгучая ненависть к утесам, к Генри и ко времени, которое было потрачено на первую в моей жизни дружбу. Потрачено, как оказалось, совершенно впустую.

Когда я влетела на кухню, матушка попыталась было меня задержать, но я пронеслась мимо. Рухнула на кровать, уткнулась в одеяло и зарыдала. Слезы текли рекой, не желая останавливаться. Я не понимала, откуда во мне столько боли. Ведь на моем теле не было ран. Все кости были целы. Но боль не отпускала. Я плакала долго и безутешно, не в силах остановиться.

Но в конце концов рыдания стихли. Казалось, я наплакалась на целую жизнь вперед. Слез больше не осталось. Я уснула и видела удивительные сны. Будто на нас с Генри сошел оползень. Генри сумел выбраться и стал громко меня звать. А я тонула в грязи, тщетно пытаясь спастись.

На следующий день я пошла к Черной Жиле и отыскала его альбом. Он валялся в грязи, и странички слегка разбухли от влаги. Земля вокруг была усеяна нашими вчерашними находками. Альбом я спрятала в дыру в кладбищенской ограде, где впервые встретила Генри де ла Беша. Моего французишку.

Я уже успела по нему соскучиться.

11. Коварство Черной Жилы

После расставания с Генри мне расхотелось искать окаменелости. Он уехал, а отец был вечно занят в мастерской — изготавливал обеденный стол и стулья для сквайра Стока и его супруги. Я совсем перестала ходить на побережье и слонялась по дому без дела. В конце концов матушка, удрученная донельзя моим видом, отправила меня к Гарри Мэю, отцовскому приятелю-рыбаку, узнать, не одолжит ли он нам несколько скумбрий.

Нашла я его на Коббе. Он сидел с рыбацким ножом и угрем в руках. Острое лезвие стремительно ударило по морской твари, обезглавив ее, но змееподобное тело вывернулось у Гарри из рук и ускользнуло в воду, словно живое, хотя, по его словам, угорь был уже мертв. Его бездыханное тело теперь, должно быть, лежало на дне морском, среди ила, а жуткая зубастая голова, хищно скалясь, истекала кровью на высоком каменном волнорезе. Гарри страшно злился на себя, и это было видно. Злился и ругался, как пьяные матросы. Некоторые из них, как и угорь, *тоже* идут ко дну и гибнут.

— А ведь он мог бы досыта накормить нескольких человек, — расстроенно заметил Гарри.

До того как отсечь морской твари голову, он пообещал угостить меня кусочком, если я захочу. Но угорь аппетита во мне не пробудил — он походил на змею, да и к тому же был скользким, как целое ведро слизней. Так что, когда длинное тело свалилось обратно в море, я нисколечко не пожалела.

Но зато никак не могла отвести глаз от головы.

— А можно я ее заберу? — спросила я.

Гарри взглянул на меня как на полоумную, честное слово!

— Ты хочешь… голову? — уточнил он.

— Да. Можно?

Я и сама не знала зачем, но чутье — то самое, что помогало отыскивать сокровища на берегу, — подсказывало: голова угря мне и впрямь нужна. Возможно, в тот миг я почувствовала себя ученым, как бы сказал Генри.

— Ты всегда была чудаковатой девчушкой, но вот чего-чего, а кровожадности я в тебе не примечал. Впрочем, забирай, конечно, только сперва моя жена сварит из нее похлебку. Зайди за головой через пару дней, но учти — останется только шкелет.

Вероятно, он имел в виду череп, но поправлять я его не стала. Как раз череп мне и был нужен, а вовсе не зеленовато-черная шкурка, не слой серой слизи, не плотная вязь кровеносных сосудов, пронизывающая всю голову, и не огромные мертвые

глаза. Мне хотелось разобраться в строении головы с ее гигантскими зубами и челюстями.

Я согласно кивнула и направилась домой. В голове вертелись все новые и новые идеи. Мне доводилось видеть множество рыбьих скелетов, а в траве за кладбищем я находила немало овечьих и коровьих черепов. И по сравнению с обликом живых зверей выглядели они довольно странно. Мне всегда казалось, что у овцы очень маленький рот. Если понаблюдать за тем, как та жует, то кажется, что она лишь легонько подергивает носом, словно младенец, лакомящийся грудным молоком, или моя матушка, жующая хлеб с закрытым ртом. (Не то что Джозеф — он ел так, что было отлично видно кусочки хлеба у него во рту. Они метались, будто комья водорослей в волнах.) Но если повнимательнее рассмотреть череп овцы, становится ясно: длинный ряд зубов начинается аж от огромных глазниц. А иногда в траве удается разыскать нижнюю челюсть, отвалившуюся от черепа. Зубы у овец плоские, как жернова на городской мельнице. А если пощупать свои собственные челюсти, пока что-нибудь жуешь, становится понятно, что они начинаются у самого уха и крепятся на какой-то шарнир, словно крышка сундука. Как соединяются верхняя и нижняя челюсти? И почему распадаются после смерти?

Я знала, что череп угря поможет мне найти ответы на эти вопросы. И все гадала, сколько же у него зубов и как широко он может раскрыть пасть.

Когда я вернулась домой, матушка сидела на стуле и штопала отцовскую рубашку. Увидев меня, она улыбнулась и подвинулась, приглашая сесть рядом.

Я знала, что это значит. Матушка хотела опять завести ненавистный мне разговор. Я остановилась подле нее, но садиться не стала, хотя она выразительно похлопала по сиденью.

— Иди ко мне, дочурка. Какая ты уже большая! У меня славные новости! — провозгласила она и попыталась притянуть меня к себе.

Я высвободилась из ее объятий, гадая, что же будет дальше.

— О, Мэри! Весной у тебя появится маленький братик. Или сестренка. Слава Божьему милосердию! — сообщила она, поглаживая себя по животу.

Так вот что у нее за новости. Скоро на свет появится новый человек. Новый рот, который нужно будет кормить.

Наверное, у меня вытянулось лицо, потому что матушка поспешно добавила:

— Когда у тебя появятся свои дети, ты меня поймешь, Мэри.

Я пропустила ее слова мимо ушей. На детей уходит столько

денег и времени! Я уже давно решила, что не стану их заводить, — некогда мне. А еще решила говорить лишь о том, что интересно мне самой.

— Я сегодня видела, как угрю… морскому угрю… отрубили голову. А тело уползло в море… прямо так, без головы… Так вот, череп я заберу себе. Гарри разрешил.

Матушка вздохнула и покачала головой:

— О, Мэри… Что с твоей бедной головушкой сделала эта гадкая молния? Какое же ты у меня диковинное создание.

Я улыбнулась. Мне нравилось быть странной, нравилось, что все вокруг обыкновенные, а я нет. Еще бы. Ведь я ученый, пускай и втайне.

***

В ту неделю погода окончательно испортилась. На побережье обрушились октябрьские бури, да такие мощные, каких наш край не видывал уже много лет. Море было то серым, то черным, то зеленым, то снова черным. Оно ревело, стонало и с силой билось о Кобб. Дождь лил как из ведра. Река Лайм вновь вышла из берегов и устремилась к морю, заполонив собой Кумб-стрит.

Отец запретил мне ходить на поиски окаменелостей — причем не только в одиночку, но и вместе с ним!

— Особенно теперь, когда ты осталась одна-одинешенька, — подмигнув мне, заметил он. — Да-да, моя маленькая Молния! Не думай, что я не знаю о твоем сообщнике! Как бы там ни было, он уехал и ходить на побережье теперь слишком опасно. Ужасно опасно. Твоя матушка ни за что меня не простит, если я тебя отпущу. Так что будь умницей. Рассортируй-ка лучше для меня все наши находки. Я покажу тебе, как пользоваться зубилом, и тогда ты сможешь сама зачищать наши диковинки.

Он поставил передо мной большое ведро с камнями, которые отыскал утром после одной из самых сильных бурь за последние дни.

— Вот. Я не могу отпустить тебя в горы, но представь, что они сами пришли к тебе в гости. Поглядим, как ты справишься. А вечером я еще что-нибудь принесу. Бури — наши помощники! Сколько богатств они нам дарят!

Значит, снова был страшный обвал и идти туда очень опасно. Но сколько же сокровищ выкинуло на берег!

— Нет, Мэри. И не надейся меня переубедить, — сказал отец, заметив мой взгляд. — Тебе со мной нельзя. Оставайся дома. Я дал твоей матушке обещание и не могу его нарушить. Ты же у

меня умница.

— А можно я схожу к Гарри и заберу у него череп угря? — спросила я. — А то вдруг он подумает, что череп мне больше не нужен.

— Завтра. Если пойдешь сегодня, матушка решит, что ты ушла со мной, и ее уже не переубедишь.

— Разве она не знает, куда ты идешь? — спросила я.

— В том-то и дело, что нет. Не вздумай ей рассказывать, моя Мэри, а не то она сварит меня заживо!

Он взъерошил мне волосы, взял свой мешок и направился к церкви и прибрежной тропе.

Надо было напомнить ему об опасности, попросить беречь себя, но в тот миг я об этом не подумала.

Я взяла молоток, налила воды во второе ведро и села у порога. А потом начала разбирать комья глины и камни. У меня получилось три кучки. Слева я положила «пустышки», в которых, на мой взгляд, точно ничего не было. Справа — камни, в которых наверняка таились сокровища. А посередине — те экземпляры, которые еще надо было проверить. С этой-то кучки я и начала.

С каждой находки я первым делом смывала грязь, а потом осторожно била по ней молоточком. Итого три «крокодиловых зуба» и один «чертов палец». Судя по всему, у чертей бессчетное множество рук — или пальцев, потому что мы с Генри нашли их более сотни! Чем не научное доказательство, что на самом деле никакие это не пальцы?! Некоторые наивно зовут их «громовыми стрелами», но уж я-то в молниях понимаю куда больше и могу вас заверить, что для громовых стрел они маловаты. Еще я нашла щиток — такой же, как в тот раз, когда отец впервые взял меня с собой на берег. Только сейчас он меня совсем не восхитил.

В той кучке не обнаружилось ничего особенно ценного, но я все равно вымыла все находки и отложила их в сторону.

Я долго думала, за что же мне приняться дальше. Что будет приятнее? Отыскать сокровища там, где я и не ожидала их увидеть, или ничего не найти в кучке, где, как подсказывало чутье, непременно должно лежать нечто ценное? И то и другое совсем не радовало. И то и другое означало бы, что чутью доверять нельзя. В душе замерцала слабая искорка страха, и вдруг все кругом помрачнело, словно на небо набежала черная туча.

Мной овладело странное чувство. Временами, когда на матушку нападала дрожь, она говорила: «Гусь прошел по моей могиле». Эта поговорка всегда казалась мне страшно глупой, потому что ни в какой могиле матушка не лежала, а если бы и лежала, с какой стати ее потревожило бы появление гуся?! Но

в тот миг я почему-то сразу вспомнила об этой птице. Мне живо представился гусь, который пристально глядит на меня желтыми глазами, но вскоре это видение рассеялось.

Начался дождь. «Чертовы пальцы» быстро намокли и заблестели. Казалось, они вот-вот расползутся в разные стороны. Я торопливо собрала их в подол и юркнула в дом.

Матушка стояла у стола, неподвижная, как статуя, и смотрела на меня невидящим взглядом.

— Матушка? — позвала я ее.

— Мэри! — наконец она меня заметила. — Только что по моей могиле прошел гусь!

Я не верю в чертей и призраков, не верю людям, которые заявляют, что умеют предсказывать будущее или еще какую-нибудь ерунду, но от матушкиных слов по спине пробежал холодок. От страха меня даже замутило.

Матушка заметила, как изменилось мое лицо после ее слов. Она тут же кинулась ко мне и едва не задушила в объятиях, а ведь я их, как вы уже знаете, не слишком люблю. Но я не стала вырываться, хоть объятия и оказались такими крепкими, что было трудно дышать. Окаменелости, которые я прижимала к себе, больно врез*а*лись в кожу. От матушки пахло луком, а еще от нее исходил какой-то противный кисловатый запах — так иногда пахнут носки Джозефа, — и потому я затаила дыхание. Через минуту-две матушка меня отпустила. Я пошатнулась, и щиток с «чертовыми пальцами» полетел на пол. Но не успела я собрать рассыпавшиеся окаменелости, как матушка схватила меня за плечи и заглянула мне в глаза.

— Мэри, где твой отец? — строго спросила она.

— А если скажу, ты и впрямь его заживо сваришь? — спросила я. Мне страшно хотелось угодить им обоим.

Матушка сощурилась и отпустила меня.

— Небось, он снова на этом проклятом побережье?! Опять камешки свои собирает, не ведая забот, а я сиди дома и дожидайся его, сходи с ума от беспокойства! Ну что за человек такой! Так бы и пришибла, ей-богу!

Мне не терпелось заметить, что если матушка и впрямь хочет его пришибить, то даже хорошо, что он не возвращается домой, но я вовремя прикусила язык.

Матушка сорвала с себя фартук, швырнула его на пол — да с такой силой, что в воздух поднялось облачко пыли, — а потом принялась пинать окаменелости, разметав их по всей кухне. Я внимательно следила за тем, куда разлетались наши находки, потому что хотела потом их собрать. Оставалось только надеяться, что они не расколются.

А потом матушка разрыдалась. Ее всю затрясло, дыхание сделалось громким и судорожным, а плечи заходили ходуном. Наконец она повернулась ко мне. Лицо у нее покрылось красными пятнами, а глаза так опухли, что их почти не было видно.

— Меня мучают дурные предчувствия, Мэри. Очень дурные. Знаю, что и тебя тоже. Я все поняла по твоему лицу.

— Но это же не значит, что непременно случится что-то плохое! — заметила я.

— Может, ты и права. Но вдруг оно уже случилось? Что тогда?

— Если так, то ничего не поделаешь, — ответила я. Но то были лишь храбрые речи, за которыми я прятала страх. Стараясь успокоиться, я остановила взгляд на разбросанных по полу диковинках. — И потом, ты же сама хотела «пришибить» отца, а в этом тоже хорошего мало.

Матушка застонала от отчаяния.

— Да это же просто слова, — устало ответила она. — И не надо делать вид, будто ты не поняла.

Но я уже не слушала ее. Матушка заметила, что взгляд мой прикован к щитку, застрявшему под шкафчиком с посудой.

Ее лицо тут же раскраснелось от злости.

— Убери эти треклятые камни с глаз моих!

Я послушно собрала окаменелости, отнесла их наверх, в спальню, и спрятала под одеялом с той стороны кровати, где обычно спала, а потом вернулась на кухню.

Матушка немного успокоилась — во всяком случае, плакать перестала — и начала готовить жаркое из картошки и остатков лука-порея, но думала явно не об обеде. Мне казалось, что если она и дальше будет так же рассеянно орудовать ножом, то точно отрубит себе палец (и это станет единственным кусочком мяса в нашем жарком). Я хотела спросить у нее разрешения сходить к Гарри, чтобы узнать, не сварила ли его жена Криста голову угря и нельзя ли забрать череп, но потом решила, что сейчас не стоит оставлять матушку одну.

Мне по-прежнему было не по себе. Несмотря на свои храбрые речи и на то, что я не верила россказням о гусях и могилах, в глубине души я чувствовала: случилось что-то страшное. Я не позволяла себе расплакаться — сидела неподвижно и старалась думать только о черепе угря.

Неожиданно мне вспомнился Генри. На память пришли его слова: «Очень надеюсь, что вы так и не узнаете, каково это — потерять отца». А ведь я тогда подняла его на смех… Конечно, однажды отец умрет. Все живое в один прекрасный день — или ночь — погибает.

Лишь бы только не сегодня.

Пожалуйста.

Когда Джозеф вернулся с работы, за окном было темно — хоть глаз выколи. Он тут же бросился в мастерскую, надеясь найти там отца, но я точно знала, что тот еще не пришел.

В голову лезли жуткие мысли. От них не было спасения.

Мне представлялось, как отец лежит в грязи, а глаза, уши, нос и рот у него забиты тиной и илом. Он ничего не видит. Он не в силах дышать. И кричать тоже не в силах.

Или отца поглотила морская пучина.

Или мощная волна унесла его в море, а потом выбросила на острые камни, разбив, как глиняную чашу.

Как я ни старалась отогнать от себя эти мысли, у меня ничего не получалось.

Наконец стук в дверь прервал поток моих кошмаров наяву.

На пороге стояли двое мужчин. Я узнала лишь одного из них, Гарри. Крепкого седовласого рыбака, безжалостного палача угрей. Лицо у него было такое загорелое, что походило на кусок задубелой кожи. Мне всегда очень нравились его лучистые голубые глаза, но в тот поздний вечер они не сверкали. Он был бледен и встревожен. И явно пришел к нам домой вовсе не для того, чтобы вручить мне череп угря.

— Здравствуй, малышка Мэри. Скажи, а Молли дома?

Матушка тут же подошла ко мне, второй раз за день обхватила меня за плечи и крепко прижала к себе. Я затаила дыхание.

— Гарри, с Ричардом что-то случилось? Неужели он… неужели…

Матушка не в силах была произнести это слово, это страшное слово, которое могло в один миг уничтожить все надежды на счастье.

— Нет. Нет… — к счастью, Гарри не сказал это страшное слово. Вот только в голосе рыбака звучало едва уловимое «но».

— Молли, случилась большая беда. Ричард, судя по всему, взобрался на самую вершину Черной Жилы. Наверное, решил срезать путь, чтобы поскорее вернуться домой. И упал. С огромной высоты. Горожане несут его сюда. Крепитесь, вас ждет страшное зрелище. Хвала Небесам, Ричард жив, но… Искалечен. Чудовищно искалечен.

Матушка так сильно сжала мне плечи, что я едва не вскрикнула, но вовремя прикусила губу. Слезы я презирала. Нет, я не заплачу. Никогда.

За спиной у Гарри замаячили незнакомые фигуры. Четверо мужчин несли за уголки большой кусок парусины, провисающий

под весом лежащего на нем человека.

Отец!

Его занесли в дом и положили на стол. В бледном свете лампы я разглядела, что он был весь в грязи с головы до ног, а по щекам у него алыми ручейками струилась кровь.

Матушка схватила первое, что попалось ей под руку, и кинулась вытирать ему лицо. Это был мой передник, в котором я ходила в воскресную школу. Матушка принялась стирать с отцовской кожи кровь и грязь с такой нежностью, какой я в ней отродясь не замечала.

— У него огромная рана на лбу, Молли, — сообщил один из незнакомцев. — Наверное, сильно ударился о камни и лишился чувств.

— Разума, — вздохнула матушка. — Разума он лишился еще в тот день, когда ему впервые взбрело отправиться на Черную Жилу. Опаснее места не придумаешь! Я ведь его предупреждала, это все знают. Говорила, что однажды скалы погубят либо его самого, либо наших детей. Но он меня не слушал. Упрямец, каких поискать! И он поплатился за свое упрямство, видит Бог! Я всегда говорила, что на Черной Жиле царствует смерть, недаром скала усеяна трупами! Как в воду глядела! Теперь он и сам почти труп…

Отчаянно рыдая, матушка стирала грязь с отцовского лица. Под спутанными волосами я увидела глубокую рану.

— Наверное, ее надо зашить? — спросил Джозеф, уже успевший вернуться на кухню.

— Нет у нас денег на докторов, Джо, — печально ответила матушка. — Придется ему довольствоваться сиделкой Молли. Спасибо вам, друзья и соседи, за то, что принесли его домой, — сказала она, повернувшись к мужчинам. — А теперь выйдите, пожалуйста, мне нужно хорошенько его вымыть. Джо позовет вас, когда можно будет переложить его в постель.

— Мы подождем в пабе, — сообщил Гарри, но, заметив, как изменилось матушкино лицо, поспешно добавил: — Только потому, что он тут по соседству! Обещаю, мы не возьмем в рот ни капли спиртного, пока не уложим Ричарда в постель.

Я ласково погладила отца по голове. В тот миг мне больше всего на свете хотелось, чтобы он открыл глаза. Когда-то давно, когда меня ударила молния, он так же сидел рядом и молил Бога о том, чтобы я пришла в себя.

— Ну же, отец! Проснись ради своей Мэри!

На краткий миг его ресницы затрепетали, словно крылья бабочки, а потом он вновь погрузился в глубокий сон.

12. Битва жизни со смертью

Генри рассказывал, как неожиданно умер его отец: казалось, только сегодня он был жив, а на следующий день его не стало. Генри жалел, что не успел попрощаться с ним.

Мой же отец угасал медленно — неделями, и все же не умирал, хотя временами казалось, что от него уже ничего не осталось. Он смотрел прямо перед собой невидящим взглядом, ничего не ел, молчал, не двигался. Матушка приподнимала ему голову и по каплям вливала воду в его приоткрытые губы. Что-то он глотал, а остальное выливалось изо рта и стекало по бороде.

Я думала о Генри и о внезапной смерти его отца. А вдруг судьба дает мне шанс проститься со своим? Но мне казалось, что, если я воспользуюсь таким шансом, это будет означать, что я прощаю и отпускаю отца, а ведь он нам нужен живым и здоровым! И потому я не стала с ним прощаться. Брала отца за руку, вытирала пот у него со лба, показывала ему свои находки и разговаривала с ним так, словно он меня слышал. Подумывала даже прочесть ему какое-нибудь письмо от Генри, но он мне так и не написал.

Мы все стали спать на одной кровати, чтобы отец не мерз. Пришла зима, а вместе с ней и долгие морозные ночи. Впрочем, короткие мрачные дни были нисколько не теплее. Мы все страшно уставали, но спали помалу. Ночами отец стонал, кричал, мочился прямо в постель, потому что не мог встать на горшок, и мы лежали без сна, чувствуя, как по простыне растекается горячая влага, прислушиваясь к его стонам и матушкиным приглушенным рыданиям.

Мне было больно видеть немощь отца. А ведь я помнила его таким сильным! Он без труда сажал меня на закорки. Сам грузил на тележку распиленные бревна. Огромные глыбы на пляже передвигал легко, словно мелкие камешки. А теперь не мог поднять собственной головы, заросшей грязными седыми волосами, спутанными и затвердевшими от пота и слез. Руки у него отощали и ослабели, кожа пожелтела и обвисла, и под ней отчетливо просвечивали белые кости — их легко можно было пересчитать, чем я порой и занималась.

Как-то раз мне подумалось, что череп угря, возможно, заинтересует отца и он проснется. Гарри скрепил кусочком проволоки верхнюю челюсть с нижней, и я научилась ловко щелкать этими острыми зубами потехи ради. Что это были за зубы! Передние — длинные и острые — загибались внутрь. Один раз я сунула палец угрю в пасть, чтобы выяснить, сможет ли

рыбка вырваться, если он ее схватит. Стоило зубам сомкнуться на пальце, стало понятно, что пути назад нет. У меня на костяшках остались крошечные царапинки — такими острыми оказались зубы угря. А за рядом передних зубов, напоминавших маленькие кинжалы, поблескивал ряд тонких «иголочек» для измельчения плоти, и он тянулся до самой глотки, расположенной куда дальше огромных глазниц. Я провела по ним пальцем и вновь поранила руку до крови.

Я села рядом с отцом и принялась щелкать рыбьими челюстями, представляя, что было бы, окажись угорь в два, а то и в три раза крупнее! Какое страшное из него вышло бы чудище! Под стать жуткому змею, с которым бился сам святой Георгий!

Как жаль, что Генри не было рядом! Я бы показала ему угря. Он бы зарисовал его для меня. Я бы рассказала ему про отца. Может быть, он бы даже помог мне советом.

Впрочем, кое о чем я бы умолчала. Я не стала бы рассказывать, что отец ходит под себя и пускает слюни, или что он ужасно похудел и сделался почти прозрачным, или что от него плохо пахнет, хотя матушка моет его всякий раз, когда мороз ослабевает. Уверена, он и сам не стал бы меня о таком расспрашивать, зато помог бы укрепить мою веру, что отец поправится. Я в этом нисколько не сомневалась. Хотя, возможно, я и не получу больше весточек от Генри. Недаром говорят: «С глаз долой — из сердца вон».

Впрочем, поводы для радости тоже были. Как ни странно, жители Лайм-Риджиса в большинстве своем начали вести себя куда добрее, чем раньше, когда отец еще был здоров. Наконец стало понятно, кто настоящий друг, а кто нет. Некоторые особенно благочестивые горожане помогали нам из желания переманить нас в свою церковь, чрезвычайно заботясь о своем христианском долге и не скрывая истинных намерений. Невероятно тяжело было брать хлеб и деньги у тех, кто никак не мог обойтись без колких замечаний о том, что отец «сам во всем виноват» и что «Господь всегда карает грешников» (тут, судя по всему, имелись в виду диссентеры). Или о том, что мы — «невинные бедняжки, страдающие из-за упрямства своего отца». Джозеф строго-настрого наказал мне держать язык за зубами и ничего на это не отвечать, хотя по моему лицу все было понятно. Во всяком случае, так выразилась одна неприятная дама из церкви Святого Архангела Михаила, сунув мне в руки вялую репку и две морковки.

— Я сама все видела! — торжественно провозгласила она, и глаза ее сверкнули, как частички кварца в камне. — Видела, как он поднимался по Черной Жиле в день воскресный! И тащил вас,

бедняжек, за собой, совлекая невинных детей с пути праведного! Пусть эта беда станет ему уроком. Господь пощадил его, чтобы он узрел Его милость и вернулся в лоно истинной церкви! Слава Богу за все!

Пока я забирала из рук дамы овощи, Джозеф, стоявший позади, ущипнул меня за спину. Меня так и подмывало ей ответить. Сказать, что после смерти она вряд ли попадет в рай, а еще что я жду не дождусь, когда же окончится ее земной путь. И что морковью меня не задобрить. Но я сдержалась и промолчала. Дама все же заметила выражение бескрайней ненависти, застывшее на моем лице, словно черная грозовая туча над морем, и ткнула в меня костлявым пальцем.

— Сколько же в тебе неблагодарности, дитя! Никак сам сатана поработил твою душу! Вот уж и впрямь истинная дочь своего папаши! О, какой кошмар, какой ужас!

Ее слова меня ни капли не тронули. Пускай видит, какой огонь полыхает у меня внутри! Мне безумно хотелось спустить ее с лестницы.

— Она желает нам добра, — сказал Джозеф, когда дама ушла.

Хм-м-м. Ну конечно. Если это — добро, то какое же зло, интересно?

Хоть матушка терпеть не могла подачки, потому что была очень гордой, как и я, но корзинки с едой, которые нам отдавали, называла даром Господним. Сказать по правде, в те дни мы порой ели куда сытнее, чем раньше, а это шло только на пользу всей нашей семье, в том числе и еще не рожденному малышу. Думаю, матушка и сама уже не видела в ребенке, растущем у нее во чреве, знак милосердия Божьего, но считала, что ради него отец непременно поправится.

Два-три раза в неделю Гарри Мэй приносил нам немного соленой рыбы, и так на протяжении чуть ли не месяца. Это было очень великодушно с его стороны, потому что затянувшаяся непогода мешала рыбной ловле, а значит, Гарри приходилось делиться с нами своими последними припасами, заготовленными на зиму. Даже в самом конце зимы рыбакам не давали выйти в море весенние бури, как до этого — снег и лед. Людям приходилось питаться остатками зимних заготовок — маринадами, соленьями и тому подобным.

Сквайр Сток, один из отцовских клиентов, время от времени присылал нам яйца, сыр и молоко. Хорошо, что дни стояли холодные, и потому молоко подолгу сохраняло свежесть, а не скисало и не сворачивалось, как летом. Матушка подогревала его и по чуть-чуть давала отцу, стараясь не переживать, когда оно проливалось ему на сорочку. Иногда ей удавалось скормить ему

кусочек яйца всмятку. Отец ел мало и страшно худел, но в нем все еще теплилась жизнь.

Когда мне не надо было сидеть с отцом, а Джозефу — идти к драпировщику, мы изо всех сил старались пополнить наш запас сокровищ на продажу.

Ссорились мы крайне редко, но я чувствовала: Джозефа страшно раздражало, что ценные диковинки будто сами прыгали мне в руки, тогда как ему, сколько бы он ни копался в грязи и ни скреб найденные камни, не попадалось ничего стоящего. Конечно, я радовалась, что у меня было такое чутье. Я и по сей день очень его ценю. Но я никогда не хвасталась этим. Джо до сих пор припоминает мне тогдашний успех. Дескать, так нечестно — еще бы, ведь его обскакала девчонка, да еще и младшая сестра! Впрочем, первое обстоятельство задевало его куда сильнее. А я никогда не понимала, какая, в сущности, разница. Наверное, начни Джозеф шить платья или пеленать младенцев, многие сочли бы это странным, но почему одни дела предназначаются лишь для мальчиков, а другие — только для девочек, я никак не могла понять. Как по мне, это ужасно нелепо. Например, драться я умела не хуже любого мальчишки, в чем Генри и сам убедился, но дело не только в этом. Так было во всем. Девушкам суждено было всю жизнь провести в стенах дома, готовить для мужчин и убираться. Рожать или хоронить младенцев.

Новая жизнь, зародившаяся в матушке еще до трагедии на берегу, погибла, не успев появиться на свет. Однажды я застала матушку у нас в спальне: она забилась в угол и стонала, прижимая к себе что-то маленькое, завернутое в окровавленные тряпки. Мне и раньше доводилось видеть это горе, но на сей раз оно принесло и боль, и избавление. Матушка уже порядком настрадалась. Она любила детей. А вот я — ни капельки. Мне стало немного легче: в доме не появится плачущий младенец, который получит все матушкино внимание и отнимет у нее все силы. Я никак не могла понять, почему эти младенцы так много для нее значат. Оставалось только смириться. Последние месяцы обернулись для матушки сплошными страданиями, и я не хотела, чтобы они продолжились.

— Нужно устроить для него похороны, да? — спросила я как можно мягче.

Но матушка покачала головой:

— Нет, детка. Он и вырасти-то толком не успел. Крошечка моя бедная…

Я не стала спрашивать, почему же она тогда так убивается, раз это всего лишь «крошечка». Я оставила ее наедине с горем. Когда пришла пора ложиться спать, в комнате уже не было ни

следов крови, ни тряпок, ни младенца. Не думаю, что отец о нем знал — как о том, что он должен появиться на свет, так и о том, что он не родился. Это было матушкино горе и больше ничье.

Конечно, матушка, вновь потеряв ребенка и оставшись с больным, почти неживым мужем, была против того, чтобы мы ходили на восточные пляжи под Черной Жилой и на западные берега Монмута. Однажды я и Джозеф вернулись с тридцатью «змеиными камнями» и огромной сверкающей окаменелостью, которую мы прозвали «крыльями ангела». Матушка тотчас же стала в уме подсчитывать прибыль от продажи этих диковинок и немного смягчилась — я заметила это по ее лицу.

Я потащила «крылья ангела» по лестнице, чтобы показать отцу. Огромный золотой камень был величиной с два моих кулака, соединенных вместе. Выглядел он очень необычно: казалось, сначала деревянные стружки, стеклянные осколки, головки гвоздей и пуговицы воедино сплавились, а потом их как будто покрыли золотом. Рассмотрев окаменелость повнимательнее, я заметила, что она похожа на уголь. Золотой уголь! Что за диковинка! Будь я настоящим ученым, я бы обязательно выяснила, что же это такое.

Сперва я хотела положить находку отцу на грудь, но она оказалась такой тяжелой, что могла сломать ему ребра, — кости у него стали хрупкими, как у птички. Поэтому я отдернула занавеску — лучи солнца упали на «крыло ангела», и по всей комнате заплясали золотистые отблески.

— Отец, гляди! К нам в гости пришел ангел!

Он открыл глаза, но тут же снова зажмурился — казалось, яркий свет ослепил его. Я отошла от окна.

Он снова открыл глаза. И улыбнулся. Слабо, едва заметно.

А я ведь целую вечность не видела его улыбки!

Он зашевелил губами, будто пытаясь что-то сказать, но они все растрескались и пересохли. Я положила свой трофей и дала отцу воды. Он проглотил все, не пролив ни капли. А потом попытался сесть, но сил не хватило.

— Мэри… — позвал он еле слышно.

Я забралась на кровать и приблизила ухо к его губам.

— Молния Мэри, малышка моя, — прошептал он, поднял костлявую руку и протянул мне. Я взяла ее. На ощупь она напомнила пучок тоненьких веточек. Ладонь была влажной и холодной. Ее прикосновение сперва вызвало во мне ужас, но потом я почувствовала, как его костлявые пальцы смыкаются вокруг моих.

— Ты непременно поправишься! — сказала я. — Я боялась, что ты не выживешь, но прошло уже столько времени, а ты по-

прежнему с нами. Я начала верить, что ты выкарабкаешься. Я и матушке об этом говорила, но она все равно так переживает. Ох и несладко нам пришлось, отец… Знаешь, а ты ведь ходишь под себя, пускаешь слюни и стонешь всю ночь напролет, так что даже заснуть невозможно, а еще тебя ни капли не заинтересовал череп угря и…

Он слабо сжал мою ладонь.

— Тише… Тише… — прошептал он.

Отец вновь закрыл глаза, и на миг мне подумалось, что это и был мой шанс попрощаться, а я растратила его на пустую болтовню.

Но тут он снова открыл глаза и улыбнулся.

— О, Мэри! Всегда оставайся такой!

— Обещаю! — ответила я.

— Моя ты девочка!

Он снова закрыл глаза и отпустил мою руку. Я вытерла ее о юбку — после отцовского прикосновения она стала холодной и липкой.

— Хочешь, я тебе череп угря покажу? — предложила я, но отец слабо покачал головой.

— Устал. Завтра. — И он провалился в сон.

Я пошла вниз, чтобы рассказать о случившемся матушке.

— Отец заговорил! И хочет завтра посмотреть на череп угря! Нужно дать ему сегодня яйцо, чтобы у него сил прибавилось.

— Да-да, конечно, сейчас, — засуетилась матушка. — Вот только яиц у нас осталось всего два. Я думала накормить вас с Джозефом, а то ведь вы у меня растете не по дням, а по часам.

— Отдай мое яйцо отцу, ему нужнее. Я больше не хочу расти. Мне и так уже жмет одежда. Платье стало таким тесным, что дышать тяжело, да и коленки оно теперь едва прикрывает.

Мои немногочисленные платья и впрямь стали невыносимо тесными, и носить их было сплошным мучением.

Матушка окинула меня долгим внимательным взглядом. Казалось, она вот-вот расплачется.

— Ты превращаешься в женщину, Мэри. И скоро будешь уже совсем взрослая. У тебя появятся свои детишки и муж, который станет о тебе заботиться.

В этот миг в дом вошел Джозеф, и очень вовремя, потому что я с трудом сдерживалась, чтобы не закричать от злости. Матушка прекрасно знала: я терпеть не могу все эти разговоры о детях и мужьях.

— Мэри никогда не выйдет замуж, — сказал Джозеф. — Она рядом с собой никого не потерпит, не считая нас троих и этого ее расфуфыренного кавалера.

Мое лицо тут же покраснело от ярости, но я прикусила язык и промолчала — если честно, попросту не знала, что ответить. Меня страшно рассердило, что Джо так грубо отозвался о Генри, и в то же время почему-то захотелось плакать.

— Не дразни ее, Джо! Ей непременно встретится хороший парень. Очень скоро она выйдет замуж и родит своих деток.

— Ни за что, — прошептала я и сжала кулаки. Я готова была закричать на Джозефа или матушку, если они продолжат этот гадкий разговор. — Ни за что и никогда я не выйду замуж. И не буду прислуживать мужчине. Не хочу быть толстой, как бочка, из-за младенца. Не стану готовить и убираться днями напролет, гадая, когда же муженек вернется домой. Как какая-нибудь рабыня, у которой нет своей жизни, а есть лишь обязанности перед каким-то мужланом! — выпалила я. Изо рта у меня брызнуло несколько капель слюны и упало прямо на пол. Джо заметил это и расхохотался, что только сильнее меня разозлило. — Безмозглый мужлан вроде тебя, Джозеф Эннинг! — Я кинулась к двери.

— Нет уж, барышня, постойте-ка! — крикнула матушка. — Не смей так разговаривать со мной и с братом!

— Это почему же? — спросила я, резко обернувшись. — Потому что ты старше? Точнее, потому что ты уже *старая*, да?

— Мэри, Мэри… — с тяжелым вздохом сказала матушка. — Для нас настали трудные времена, и мы все страшно устали от тревог и забот, поэтому и не думаем, что говорим.

— Только не я! Я говорю лишь то, что думаю. Всегда. Слышите? Всегда! — С этими словами я выскочила из дома и громко хлопнула дверью.

Что на меня нашло? Разве отец не вселил в меня надежду, что он и впрямь поправится? Разве я не видела, как матушка устала за ним ухаживать? Разве не знала, что совсем недавно она потеряла еще одного своего драгоценного ребенка? А Джозеф разве не трудился в поте лица, лишь бы овладеть мастерством, которое поможет ему прокормить нашу семью? А мой горячо любимый отец — он ведь тоже мужчина, и притом лучший в мире, так в чем же дело?

Я побежала на Кобб. Гарри вместе с другими рыбаками готовил лодки к весне — покрывал их липкой черной смолой, чтобы вода не просачивалась внутрь.

— Неужто к нам пожаловала сама мисс Эннинг! — воскликнул Гарри и посмотрел на меня своими лучистыми голубыми глазами. — Как себя чувствует твой отец?

— Он заговорил! Со мной! — выпалила я и вдруг разрыдалась. Я все плакала и плакала, так долго и горько, что,

казалось, никогда не остановлюсь.

Гарри положил кисточку и вытер руки о свой грязный рабочий халат. Я думала, что он бросится меня обнимать, но старый рыбак, судя по всему, знал меня куда лучше, чем я думала. Он взъерошил мне волосы — отец тоже часто так делал до своей болезни.

— Так оно всегда бывает, — ласково сказал он. — В минуты горя, тоски и бедствий мы храбро смотрим в лицо невзгодам, не даем слабины, делаем вид, будто все хорошо. А когда все и впрямь налаживается, та печаль, которую мы столько сдерживали — в точности как Кобб сдерживает натиск бури, — внезапно прорывается наружу и захлестывает нас. И ты, малышка Мэри, никак не можешь поверить, что твое горе миновало, — вот почему ты плачешь. Так оно всегда и бывает, — повторил он и последний раз провел рукой по моим волосам.

Я утерла глаза и нос рукавом и расправила плечи, отчего платье стало только туже. Гарри был прав. Глупо, конечно, но так и есть. Мы таили в себе печаль, старательно делали вид, что все наладится. Но теперь-то так и будет! Непременно!

— Спасибо вам. И за соленую рыбу спасибо. Она очень нас выручила. И за череп угря. Это моя любимая вещь, не считая кулона и молотка, и завтра я покажу ее отцу.

— Вот умница, — Гарри одобрительно улыбнулся, взял кисточку и вернулся к своей лодке. — Славная ты девчушка, Мэри, пускай и с причудами.

Гарри был хорошим человеком. Как и Генри. Может, тот мне еще напишет. Мысль об этом грела меня, и на душе стало легко. Но потом я вспомнила, что если письмо и придет, то платить за него придется мне. И тогда я решила, что лучше пусть писем вообще не будет — нет у меня денег на такие пустяки. Что верно, то верно: нет бедняцким тяготам конца и края. Неужто так будет всегда?

13. Весточка из прошлого

Отец после того разговора со мной начал идти на поправку. С каждым днем он стал все сильнее походить на себя прежнего. Пожелтевшая кожа побелела, а потом и порозовела, кости перестали просвечивать сквозь нее, копну спутанных волос вымыли и подстригли, как и бороду.

Первое время отец передвигался по дому очень медленно, держась за кого-нибудь из домочадцев или за стену. Он подолгу сидел у задней двери в лучах слабого весеннего солнца и читал какие-то брошюры о Господе, церкви и науке. Судя по всему, прихожане церкви Святого Архангела Михаила не смогли переманить его к себе, как ни пытались. Им бы эти брошюры наверняка не понравились. В них говорилось о том, что далеко не всему в Библии стоит верить на слово и что наука помогает лучше понять, как был сотворен наш мир. Впрочем, брошюры были довольно скучными. Во всяком случае, я ни разу не замечала, чтобы отец перелистывал страницы. Я решила, что он только притворяется, будто читает. Улыбка, тронувшая его губы в тот день, когда он впервые после падения заговорил, пропала с его лица.

Временами я садилась рядом с ним и начинала разбирать ведро, полное грязных камней, принесенных мной с Черной Жилы. Мне хотелось развлечь его, вновь зажечь интерес, который когда-то в нем пылал, но он не удостаивал мои находки даже взглядом.

— Отец, ты боишься возвращаться на берег? — спросила я как-то раз, когда мы сидели вдвоем.

Отец глубоко о чем-то задумался, я вертела в руках два «крокодиловых зуба», гадая, а зубы ли это — или, может быть, кости?

Он не ответил. Отец смотрел прямо перед собой. Туда, куда вела улица, словно видел на ней что-то незримое для всех остальных.

— Ну же! — упрямо продолжила я. — Скажи! Боишься? А я вот не боюсь. Я теперь хожу к морю совсем одна! Могу и тебя взять с собой, если вдруг тебе страшно. Прихватишь с собой тросточку, а там, где тропа чересчур уж извилистая и скользкая, будешь держаться за меня. А на берегу сядешь на камни и станешь высматривать окаменелости.

Но он по-прежнему молчал и неподвижно смотрел перед собой.

— Отец, ты что, оглох? — спросила я и потянула его за рукав.

Казалось, он был где-то очень далеко, в тысяче миль от меня. Он поднес руку к белому шраму на голове, похожему на след червя, ползущего по ракушке. — Голова по-прежнему болит?

Ответа не было.

Продолжать разговор с тем, кто не отвечает ни на один вопрос, казалось бессмысленным. Я глубоко задумалась. Возможно ли, чтобы человек вдруг перестал быть тем, кем был раньше, изменился в одночасье до неузнаваемости? Тот, кого я видела перед собой, необычайно походил на моего отца. И пах в точности как мой отец (что очень радовало, ведь еще совсем недавно, когда он все время лежал в постели, от него исходило такое зловоние, что к нему и приближаться-то не хотелось). И все же передо мной сидел не мой отец. А кто-то другой. Подобно чайке, сожравшей моллюска и опустошившей его раковину, болезнь выела отца изнутри, не оставив ничего, кроме тела, в котором он когда-то жил.

Внезапно меня захлестнула волна гнева. Для чего же он тогда выжил, если теперь от него нет никакого толку? Для чего нужна эта жизнь, если он только и может, что сидеть в тишине, есть наш скудный хлеб и часами напролет лежать в постели? А как же работа, как же деньги, которые он мог бы принести в семью? Теперь он даже порадовать никого толком не способен! Он потерял интерес к жизни, да и сам стал неинтересен. Мы были так счастливы, когда он немного оправился после падения, но эта радость успела померкнуть. В мою голову даже закрались ужасные мысли: не лучше было бы, если б он умер и нам не пришлось тратить так много сил и времени, сходить с ума от горя, терпеть прочие беды — и все ради того, чтобы он теперь сидел на ступеньке, грелся на солнышке и молчал?

Я ткнула его в ребра — они по-прежнему торчали, словно остов погибшего корабля. Он тоненько взвыл от боли, но даже не поднял на меня глаз.

— Отец, — позвала я так яростно, как только могла. — Прекрати сейчас же. Конечно, не мне тебя отчитывать, но мы все порядком измучились. Так что… — Я примолкла в нерешительности. На языке вертелась ужасная грубость, которую я когда-то услышала от женщины, кричавшей своему мужу-пропойце: «Ты уж, это, либо делай дела, либо с горшка проваливай».

Я не сумела сдержаться. И сказала это отцу. Когда-то услышав эти слова, я не поняла, что имела в виду та женщина. В конце концов, ее муж ни на каком горшке не сидел, а стоял посреди улицы. Но теперь-то мне все стало ясно. Этим она хотела ему сказать: «Либо возьми себя в руки, либо признай поражение»,

и ту же мысль я старалась донести до отца. Хватит уже быть обузой для себя самого и для нас.

Я всматривалась в его лицо, надеясь, что он меня понял. В уголке глаза заблестела слезинка, а потом скатилась по морщинистой щеке и исчезла в бороде. Она напомнила мне дождевую каплю, сбегающую по окну. Этот миг длился, казалось, целую вечность. Но мне не было его жаль. Во мне уже не осталось горя.

Я хотела было снова его ткнуть, как вдруг губы отца тронула слабая улыбка. По-прежнему глядя прямо перед собой, он потянулся ко мне, схватил меня за руку и крепко ее сжал.

— О, Мэри! — воскликнул он, наконец повернувшись ко мне. — Что ты за дивное создание! Ну кто еще, кроме моей малышки, Молнии Мэри, мог бы вытащить меня из пучины отчаяния? Не стану спрашивать, где это ты научилась так выражаться, но твои слова попали точно в цель! Ты права. Прошло и впрямь много времени. Слишком много. Я очень виноват перед тобой, твоей матушкой и Джозефом и прошу меня простить. Но вам еще придется немного со мной повозиться. Я по-прежнему слаб, но ты совершенно права. Пора браться за дело.

Вот уже много месяцев он не произносил таких длинных речей. В его голосе угадывались былая решимость и задор.

— Я тебе помогу! — пообещала я. — Весна вот-вот настанет. В Лайм-Риджис уже съезжаются богатеи. Я могу продавать наши диковинки, пока ты мастеришь мебель. Твои клиенты ждут не дождутся, так что, если вернешься в мастерскую, непременно сможешь подзаработать!

Отец взъерошил мне волосы. Я почувствовала, что по-прежнему его люблю.

— Так тому и быть, Мэри. Так тому и быть.

И так оно и стало. Отец вернулся в мастерскую и, несмотря на огромную слабость, медлительность и приступы сильного кашля, от которого не было спасения, начал понемногу зарабатывать. Этого хватало, чтобы прокормиться.

После того как матушка поняла, что у нее скоро будет ребенок, она вновь начала улыбаться. А вот меня это обстоятельство совсем не обрадовало, но я ничего не могла поделать. Я уже рассказывала, какие чувства во мне пробуждают подобные темы. И все же это означало, что наша жизнь вернулась в привычное русло и стала почти такой же, как до катастрофы.

Но в этой череде привычных дней выдался один необычайный. Прошел уже почти год с нашего знакомства с Генри. И больше полугода с того дня, как он покинул Лайм-Риджис.

Я начала помогать миссис Сток, супруге сквайра Стока. Когда отец заболел, она отнеслась к нашей семье с большой добротой и взялась подыскать нам оплачиваемую работенку. Мне очень повезло, что она доверила мне закупать в городских лавочках и на рынке то, что ей было нужно, а ей очень пригодилось мое умение торговаться. Пускай миссис Сток и платила мне пенсы, а порой и шиллинги, благодаря огромным скидкам, которых я добивалась у продавцов, она с успехом экономила приличные суммы, а то и вовсе ничего не тратила. Ее супруг владел большим участком земли неподалеку от города, а отец, как я уже упоминала, когда-то мастерил для них мебель. Миссис Сток не отличалась высоким ростом и была из тех беспокойных, порывистых женщин, которые вечно куда-то спешат и так тараторят, что за их речью не угонишься. Многие ее слова я пропускала мимо ушей — они накатывали на меня волной, как прибой на берег, и утекали вспять. Но все ее наставления и просьбы я, само собой, выслушивала очень внимательно. Так вот, в тот особенный день она показалась мне еще взволнованнее, чем обычно: она встретила меня ослепительной улыбкой, ущипнула за щеку и велела подняться по Сильвер-стрит и зайти к миссис де ла Беш.

Сердце так и замерло у меня в груди. Я уставилась на миссис Сток, распахнув рот, словно скумбрия, выброшенная волной на берег.

— А что дальше, мэм? — наконец выдавила я из себя. — Забрать для вас какую-то вещицу?

Миссис Сток, очень довольная собой, вновь ущипнула меня за щеку.

— Нет же, детка. Для меня ничего забирать не нужно. А вот *тебя* ждет небольшой сюрприз. Вот увидишь, он сказочно тебя обрадует! Я в этом уверена. После всех тех бед, что на тебя свалились, ты заслуживаешь радости. Ну же, беги! Чем скорее доберешься до места, тем быстрее получишь сво… Ах, что же это я! Молчу! А не то испорчу твой сюрприз, голубушка.

Она вновь потрепала меня по щеке, подмигнула и удалилась.

Хм. Наверное, мне наконец пришло письмо от Генри. Что еще меня может ждать? Славно, что он позаботился о том, чтобы мне не пришлось платить за доставку. Славно и вместе с тем разумно — если бы письмо пришло на Кокмойл-сквер, мне пришлось бы от него отказаться, а это было бы очень обидно!

Я поспешила в гору, на Сильвер-стрит, к дому, полному сладких булочек. Конечно, я не рассчитывала, что сегодня меня ими угостят. Я приоткрыла высокую калитку из кованого железа и прошла по подъездной дороге к парадному входу. На мгновение

я задумалась: а не лучше ли обойти дом и постучаться с черного хода, как обыкновенно делают торговцы и посыльные? Но передумала: все же торговцем я не была, во всяком случае официально, а с Генри мы заходили в дом именно через парадную дверь.

Я позвонила в колокольчик, висящий над дверью, и стала ждать. Мне страшно хотелось поскорее получить письмо.

Но ответа не было. Я взялась за ручку и как можно громче постучала. И вновь тишина. Неужели миссис Сток подшутила? Я прижалась к двери ухом и чуть было не рухнула в прихожую, когда мне открыла женщина примерно одних лет с матушкой, в черном шелковом платье. Я торопливо выпрямилась и смерила ее взглядом.

— Как-то вы слишком нарядно одеты для служанки, — заметила я. — Знаю, ваши хозяева выступают против рабства — наверное, потому они так хорошо с вами обращаются. Впрочем, кухарка у них есть, а значит, они ничего не имеют против прислуги. Так что же это, выходит, все их разговоры о вреде рабства — полная чушь?

Женщина попыталась скрыть улыбку, показавшуюся мне довольно дерзкой. В конце концов, это я здесь гость, а не она!

— Я пришла к миссис де ла Беш по просьбе миссис Сток. Будьте так любезны, сообщите, что я здесь, — заявила я.

Примерно так ведет себя богатый люд, когда снисходит до того, чтобы лично заглянуть к отцу в мастерскую. Я вытянулась во весь рост, мысленно жалея о том, что край платья тоже приподнялся, обнажив коленки, — но с этим уже ничего нельзя было поделать.

— Да вы сами ей об этом сообщили. Она перед вами! — воскликнула женщина, давясь от смеха. — Вы, наверное, та самая мисс Эннинг, о которой Генри мне все ужи прожужжал? Добро пожаловать, Мэри. Можно я буду обращаться к вам на «ты»?

Я была очень недовольна, что с самого порога меня ввели в заблуждение.

— Зачем же вы притворяетесь другим человеком? Что ж вы мне сразу не представились? И почему сами встречаете посетителей? Это никуда не годится!

Тут дама не сдержалась и расхохоталась.

— О, детка. Генри рассказывал мне, какая ты упрямая и что тебе палец в рот не клади! Как точно сказано! У нас нет прислуги, Мэри, только кухарка — да и она скорее старый друг семьи, чем обслуга, так что разговоры о вреде рабства для нас, как видишь, никакая не чушь. Пойдем, у меня для тебя письмо.

Она повернулась и скользнула в просторную залу,

уставленную уютными креслами. Посреди комнаты стоял рояль, а рядом с ним — деревянная скамеечка.

— Присаживайся, Мэри. Чаю хочешь?

— С удовольствием! И сладкую булочку, пожалуйста. — Эта просьба слетела с губ, не успела я опомниться.

Дама вновь рассмеялась. Я не удержалась и спросила:

— А вы еще горюете по мужу? У меня вот несколько месяцев назад едва не умер отец. Сейчас ему лучше, он почти оправился, но если бы он погиб, я бы уже не горевала. Вы столько смеетесь, значит, вам теперь не так грустно, да? А еще скажите, неужели акулы и впрямь съедали моряков, когда те тонули? А море в самом деле было красным от крови? Генри во всех подробностях рассказал мне о кораблекрушении, но мне показалось, что он немного привирает. Он вообще любит повыделываться, особенно рядом с Джозефом, но иногда…

Я вовремя остановила себя, почувствовав, что внутри бурлит поток слов и вопросов, который того и гляди выплеснется наружу.

На миг лицо моей собеседницы стало печальным, а потом она сложила руки на коленях и склонилась ко мне.

— Вот что, Мэри. Раз уж мы с тобой говорим по душам, то слушай — скажу как есть. Я все еще горюю по мужу, но куда больнее мне от того, что Генри нет рядом. Хоть он и в последнее время постоянно пропадал с тобой на берегу. Я открою тебе еще одну тайну — как женщина женщине. Это самое удобное и роскошное мое платье. Обожаю черный цвет, и он мне очень идет, как думаешь? Вот я и ношу его на радость себе — и только себе. Уверена, ты меня понимаешь, а, Мэри?

— Ну, мне-то наряды выбирать не из чего, сами видите, — призналась я, тщетно пытаясь натянуть край платья на колени — грязные и покрытые царапинами от ползания по камням. — Но скажите, неужели Генри мне не соврал про акул? Неужели моряки и впрямь хотели его съесть?

И вновь этот звонкий смех.

— Мэри, Мэри! Ты лучше любого лекарства! — заметила она, а потом задумчиво постучала пальцем по носу и ответила: — Сказать по правде, Генри и впрямь немного преувеличил — чтобы тебя впечатлить, разумеется! Только пускай это останется между нами. Там были голодные акулы — да и моряки тоже, но голод они утоляли галетами из корабельных запасов, не более того! А вот и твое письмо. Держи. — Она взяла конверт с каминной полки и протянула мне. — Можешь его прочесть, пока я завариваю чай. Это я умею, не сомневайся! Сегодня кухарки нет, но она оставила вкуснейший сливовый пирог. Хочешь попробовать кусочек? А остальное я заверну тебе с собой.

Я энергично закивала, хотя все мое внимание было сосредоточено на печати, скреплявшей конверт, на котором аккуратным почерком Генри было выведено мое имя!

А ведь мне еще никогда не писали писем!

Я распечатала конверт и развернула письмо. Посередине был очень забавный рисунок, изображавший Генри в нарядной форме верхом на лошади. И все бы ничего, да только сидел он задом наперед — лицом к хвосту, а несчастное животное, обернувшись, с ужасом глядело на его пятую точку.

Свой рисунок Генри подписал в той же манере, в какой подписывал наши находки:

> *Генри де ла Беш, кадет кавалерийского полка при полном параде.*
>
> *Конь Трой. Славный малый, который отнюдь не в восторге, что ему в хозяева достался вышеупомянутый кадет. Известно, что он неоднократно кусал кадета за пятую точку.*
>
> *Обратите внимание: при посадке на коня кадет допустил одну важнейшую ошибку. Сможет ли величайший ученый всех времен и народов ее отыскать*?

Само письмо оказалось совсем коротким.

> *Дорогая Мэри!*
>
> *Надеюсь, ты меня простила. Я уже и так порядком наказан. Белый свет мне теперь не мил! Чувствую себя как рыба, выброшенная на берег, в чем ты легко можешь убедиться, если посмотришь на рисунок чуть выше. По-моему, я заразился от тебя своеволием, и теперь меня без конца наказывают за неповиновение и дерзость. Если не знаешь, что такое «неповиновение», у матушки лучше не спрашивай — это ее только встревожит. Впрочем, надеюсь, что слово тебе знакомо*.

О да, еще как.

Я продолжила чтение.

> *Нарываюсь ли я на исключение? Возможно. Это довольно опасная тактика, потому что она очень расстроит матушку и лишит меня многих перспектив, но я убежден, что пришел в этот мир вовсе не для солдатской службы.*
>
> *Пора заканчивать. Матушка рассказала мне, а ей — кухарка, что твой отец совсем занемог. Мне жаль его,*

тебя, всю вашу семью. Я попросил матушку помочь вам, но она редко бывает в городе, так что, наверное, обратится за содействием к миссис Сток.

Пожалуйста, ответь мне, расскажи, как твои дела, как продвигаются исследования, как отцовское здоровье. Матушка даст тебе перо и бумагу, если понадобится.

Расстались мы как-то совсем не по-дружески, и мне очень от этого горько, но, надеюсь, однажды мы встретимся вновь, и ты, как и прежде, найдешь во мне послушного слугу и верного товарища в научных изысканиях!

Пока я складывала письмо, в комнату вошла миссис де ла Беш. В руках у нее был поднос, который она опустила на маленький столик у своего кресла.

— Как он? Все хорошо? — спросила она. — Мне он уже несколько дней не писал.

К счастью, она не стала спрашивать, послушно ли Генри себя ведет.

— Да, все в порядке.

Я очень надеялась, что она не продолжит расспросы — и, кажется, она это почувствовала.

— Перед уходом напомни мне про письменные принадлежности. Они же тебе понадобятся?

— Да. Спасибо.

Речь моя стала сухой и отрывистой, потому что десятки Мэри в моей голове разом начали думать о множестве вещей — и каждой хотелось остаться со своими мыслями один на один. Наука. Дружба. Отец. Миссис Сток. Генри. Послушный слуга! И притом замечательный!

Я улыбнулась про себя и рассеянно принялась за пирог, который поставила передо мной матушка Генри. Странное дело, я ведь даже и не заметила этого! И не поблагодарила ее за угощение!

14. Кровь

Вскоре после моего одиннадцатого дня рождения, который, конечно, никто не праздновал, я по просьбе миссис Сток отправилась за килькой. (Между прочим, для ее *кота!* А ведь есть люди беднее нас, которые охотно съели бы даже кота, не то что кильку.) По пути я заметила, что на окраине Кобба толпится народ. Любопытство пересилило, и я подошла поближе. Хотела узнать, на что это все так таращились. Был отлив, и я подумала, что, наверное, какой-то дурак завяз в иле и тине и не может выбраться.

Приблизившись, я заметила в толпе городских богачей со своими женами — они брезгливо морщились и указывали на что-то, а дамы еще и зажимали носы и рты кружевными платочками. Наконец и я разглядела причину их омерзения. На мачту одной из лодок была подвешена за ногу мертвая лошадь. Кожу с нее уже содрали, и мясо казалось ярко-розовым в лучах солнца. Рыбаки отрезали от безжизненного тела куски плоти и насаживали их на крючок как наживку.

Труп ужасно смердел, и я впервые в жизни поняла, что чувствуют знатные дамы. Но, как ни безобразны были вся эта картина и вонь, лошадь меня зачаровала. Мне еще не доводилось видеть трупы, которые так хорошо сохранились. Я разглядывала плотные жгуты мышц на бедрах, плечах и шее зверины. И белые нити потоньше, соединяющие суставы. Наверное, они действуют наподобие нитей кукловода — благодаря им животное приподнимает копыта, сгибает ноги в коленях. Прямо у нас на глазах рыбаки отрезали лошади ногу, и конечность рухнула на палубу, щедро оросив ее кровью и звучно громыхнув костями.

Одна из дам тут же лишилась чувств, упала и непременно ударилась бы головой о мостовую, если б ее в самый последний момент не успели подхватить. Зачем она вообще осталась на берегу, если подобные зрелища так ее страшат, — ума не приложу. Я, конечно, и сама решила остаться — но только потому, что я ученый! А она или любовалась видом мертвого животного, или нарочно смотрела на то, что страшно ее пугало. Как бы там ни было, ей здесь не место. Тушу повесили вовсе не на потеху зевакам — хотя поди пойми этих лондонцев с их чудачествами.

Я подошла еще ближе, чтобы получше разглядеть тушу. Отцовская болезнь наглядно показала, как ослабевает и уменьшается тело, истощенное недугом, и это меня уже не удивляло. В конце концов, череп угря тоже был гораздо меньше,

чем голова живой морской твари. По рыбьему скелету в общем можно догадаться, сколько мяса на нем было до того, как рыбу сварили и съели. Многочисленные Мэри у меня в голове тут же всполошились и начали строить всевозможные догадки о диковинных окаменелостях, о том, как скреплялись между собой кости, сколько их было в теле загадочных древних существ и сколь крупными были эти самые существа с учетом мяса, кишок, кожи и так далее. Я пожалела, что не захватила с собой перьевую ручку и бумагу, чтобы зарисовать лошадь для Генри.

Я так погрузилась в размышления, что подскочила от неожиданности, когда меня тронули за плечо.

Обернувшись, я увидела мужчину. Лицо у него было очень знакомое, но не успела я вспомнить, где же его видела, как он представился сам. Это оказался тот самый мистер де Люк, который минувшим летом так восхищался рисунками Генри.

— О! Вижу, ваша страсть к поиску окаменелостей переросла в увлечение анатомией. Что за макабрический предмет изысканий для столь юной леди!

— Во-первых, я понятия не имею, что такое ваша ана-что-то-там. Во-вторых, я не знаю, что такое «макербический». В-третьих, я вовсе не леди — уверена, это уж вам прекрасно известно. Может, вы объясните, что имели в виду? — спросила я. Узнать парочку новых слов мне точно бы не повредило. Можно будет упомянуть их в письме Генри, чтобы ему тоже было о чем поразмыслить!

— Анатомия. *А-на-то-ми-я*. Это наука о строении организмов… живых существ… и о том, как работают их органы. А макабрический — это… Признаться, английское слово вылетело из головы… Жуткий? Мрачный, тревожный, связанный со смертью… А вы, несомненно, юная леди для любого истинного джентльмена, а я себя таковым считаю. Удовлетворяет ли вас мое объяснение?

— Вполне. Но я в первую очередь ученый, — сказала я, понизив голос, чтобы посторонние точно меня не услышали.

Он удивленно вскинул брови. Ну почему взрослые вечно ведут себя так?! Сил моих больше нет!

— Я ученый, — повторила я гораздо увереннее, — и потому меня интересует все на свете. — Мне вдруг пришло в голову, что он может мне помочь еще кое в чем. — Отыскав лошадиную кость, череп угря или челюсть овцы, человек без труда определит, чьи они, потому что видел всех этих существ живыми. Как вы думаете, а можно ли понять, кому принадлежат кости, если он не видел существо живьем? — спросила я. — Точнее, если его живьем вообще *никто* не видел?

Он задумчиво потянул себя за длинные усы и намотал кончики на палец.

— Полагаю, это возможно, но сперва придется рассмотреть множество других существ, чтобы собрать достаточно сведений, и только потом выступать с догадкой. Это будет именно догадка, милая юная леди, — о том, что же это было за неизвестное создание и как оно выглядело. Предположу, что нужными знаниями может обладать лишь тот, кто сам видел и восстановил множество скелетов, — сказал он и ненадолго умолк. — Вы, наверное, имеете в виду свои «диковинки»?

— Возможно, — осторожно ответила я, потому что мне совсем не хотелось, чтобы он крал мои идеи, и в то же время не терпелось поразмыслить над его словами о других скелетах. — А вы тоже ученый?

Казалось, мой вопрос очень его обрадовал.

— О да. Я занимаюсь наукой, которой, скажу не без гордости, сам же и дал название. Назвал я ее не «де Люк», разумеется. А «геология».

— Наука о Земле! — перебила его я. — Мой друг Генри тоже геолог. Ну, то есть, он им будет. Пока что он показывает чудеса неповиновения верхом на лошади, но как только закончит, непременно станет геологом.

Мистер де Люк счел эту историю весьма забавной. Она и в самом деле была такой, особенно если вспомнить потешный рисунок Генри.

— Ну надо же! Какая вы разумная леди! Чрезвычайно рад нашей новой встрече, мадемуазель. Желаю вам успеха на научном поприще! Вы, наверное, учитесь в передовой школе?

— О нет, после того как отец упал, я вообще перестала в школу ходить. А раньше я училась только по воскресеньям — грамоте и всему такому. Но теперь на учебу нет ни денег, ни времени. Я сама учусь, когда и где могу.

Джентльмен серьезно посмотрел на меня. Однако в его глазах читалась доброжелательность.

— Мне жаль, что с вашим отцом случилась беда. Надеюсь, он поправится. Вы чрезвычайно смышленая и предприимчивая юная леди! Буду с нетерпением ждать статей о ваших открытиях!

Он приподнял шляпу в знак прощания и зашагал вдоль Кобба в сторону города.

Вот как! Так, значит, я «чрезвычайно смышленая и предприимчивая юная леди»! Будет что рассказать Генри. Вот это я понимаю — плодотворный день!

Я с трудом заставила себя оторваться от несчастной лошади, выбраться из толпы и пойти наконец за килькой для кота миссис

Сток. Мне удалось сэкономить для нее целый пенс, а то и два — мистер Сэмвэйз отдал мне задаром горстку рыбешек, случайно упавших в опилки, когда он раскладывал свой товар. Я отмыла рыбок на водокачке, и они стали очень даже ничего, разве что слегка помятые. Ну, кот как-нибудь да съест и вряд ли будет привередничать.

Я наконец дошла до дома миссис Сток — до него нужно было шагать больше двух миль по Рэд-Лейн. Миссис Сток возилась в саду: подбирала палочки, чтобы подвязать стручковую фасоль.

Увидев меня, она распрямилась.

— Мэри, детка моя! — с улыбкой воскликнула она. — А я уж гадаю, что с тобой приключилось! Принесла Зебедии ужин?

Я показала ей мешок, из которого сочилась благоухающая вода с рыбой, оставляя позади меня влажный след.

— Вот умница. Он непременно скажет тебе спасибо!

В этом я очень сомневалась, поскольку Зебедия все-таки не умел разговаривать.

— Работы просто непочатый край, а время так и летит! — пожаловалась миссис Сток, поднимая с земли ножницы и моток бечевки, которой она подвязывала растения. — Ты вот тоже растешь как на дрожжах!

Последнее время все кому не лень так и норовили мне сообщить, как сильно я выросла. Я никак не могла взять в толк, почему их это так восторгает, — да и теперь, признаться, не понимаю. Но что я знала наверняка, так это то, что одежда стала мне до безобразия тесна.

Это заметила и миссис Сток.

— Я вот думаю, что надо бы нам подобрать тебе платья, подобающие юной леди. Ну же, Мэри, брось хмуриться! Я знаю твой вкус и не рискну предложить тебе муслин в цветочек, хотя, как я слышала, это последний писк моды. О, вижу-вижу, как ты морщишься! Детка, не стоит так волноваться. Подыщу для тебя простое повседневное платье из моих старых нарядов — какое-нибудь серое или коричневое. Договорились?

Видимо, миссис Сток и впрямь хорошо знала мои вкусы. Я прошла следом за ней в дом и подошла к лестнице.

— Мэри! — воскликнула она, обернувшись. — Рыбу оставь внизу. Положи ее в кладовку. И не забудь закрыть дверь, а то плутишка Зебедия не преминет этой рыбешкой угоститься!

Зебедия был огромным толстым рыжим котом с порванным ухом и розовым носиком. Дружелюбием он не отличался. Мне не понять, зачем держать дома зверя, который больно кусается, царапается и которого вдобавок нужно кормить килькой, потому что он слишком толст и ленив, чтобы ловить крыс и мышей.

Несмотря на то что день был теплым, он лежал, свернувшись калачиком, у кухонной плиты. Едва я вошла в комнату, он приоткрыл один глаз, поводил носом, принюхиваясь, а потом в мгновение ока вскочил и начал тереться о мои ноги, мешая идти. Мне даже пришлось пару раз его пнуть. Но его это нисколько не смутило. Я заглянула в кладовку, проворно бросила рыбу на полку и захлопнула дверь, пока он не проскользнул внутрь. Кот тотчас же превратился из льстивого друга в рассерженного врага, недовольно заурчал и с размаху цапнул меня за ногу. На коже выступили капли крови.

— Ах ты негодник! — зашипела я. Но тот лишь уставился на меня желтыми глазищами и как ни в чем не бывало вернулся на свое насиженное местечко. — Избалованный, наглый котяра, вот ты кто!

Он принялся невозмутимо умываться, вытянув вверх заднюю лапу, как заправский танцор. Мне очень понравилась такая его невозмутимость — это вам не собака, которая вечно требует похвалы да ласки. Наверное, я сама была больше похожа на кошку, чем на собаку, хотя ни килька, ни жар, исходящий от плиты, меня особенно не прельщали.

— Мэри! — крикнула откуда-то сверху миссис Сток. — Мэри! Погляди, что я для тебя нашла!

Я облизнула палец, стерла с ноги капельки крови и поднялась на второй этаж. Наверняка миссис Сток очень нравилось ее жилье. Пожалуй, и впрямь очень здорово, когда у тебя есть своя комната и удобная кровать, но до чего же пестро и вычурно был украшен дом! Почти вся мебель уставлена какими-то безделушками, фарфоровыми вазочками и статуэтками, а стены от пола до потолка завешаны портретами родственников, детей и кошек. От такого многообразия разбегались глаза, у меня даже голова закружилась. Я пошла на голос миссис Сток и вскоре оказалась в просторной комнате, где возвышался огромный платяной шкаф, который, как я с гордостью отметила, смастерил мой отец.

Миссис Сток протянула мне два платья — темно-зеленое и светло-серое. Оба выглядели довольно удобными.

— Примерь-ка их, Мэри! Если будут великоваты, их можно ушить. До моих-то размеров ты вряд ли располнеешь. Повезло хоть, что рост у нас одинаковый, — уж кем-кем, а великаншей меня не назовешь!

Меня нисколько не тревожило, что платья оказались широки. Лишь бы они были длинными и прикрывали колени, чтобы люди перестали надо мной смеяться, а я наконец смогла свободно дышать, не опасаясь, что швы того и гляди разойдутся.

— Славная девушка из тебя получится, Мэри, — продолжала миссис Сток. — Умелая, крепкая. Ты, конечно, не красавица, это верно, но годика через три-четыре станешь кому-то прекрасной супругой, это уж наверняка.

Я тихонько зашипела от злости — совсем как Зебедия.

— Мне всего одиннадцать! Почему мне без конца напоминают о свадьбе? Только и слышу: *«Вот-вот, и ты пойдешь под венец!»* — воскликнула я, передразнивая вкрадчивый тон таких разговоров. — Или даже: *«Скоро у тебя появятся свои детишки!»* Какая чушь!

Миссис Сток похлопала меня по руке:

— Ну будет, будет. Я вовсе не хотела тебя обидеть. Верно подмечено: ты и впрямь еще мала. Но об этом так легко позабыть, Мэри, ведь ты взросла и мудра не по годам, и это проявляется во многом. Немало тягот выпало на твою долю: отец болен, да и матушка нездорова, к тому же опять ждет ребенка… Ладно. Примерь-ка вот это платье, а о взрослении говорить больше не станем. Уж повзрослеть-то ты всегда успеешь. Давай-ка лучше глянем, пойдет ли тебе зеленое платье! А старое — с глаз долой, оно свое отслужило.

Миссис Сток не стала отворачиваться, пока я не без труда стягивала с себя старую одежду, стараясь, чтобы сорочка не задралась. Последнее время с моим телом творилось что-то неладное. Нечто такое, что мне совершенно не нравилось и что никому не хотелось показывать. Я торопливо натянула зеленое платье, которое было мне велико — пожалуй, даже слишком, — зато прикрыло меня целиком. Оно слегка полиняло от стирки, но нигде ничего не сдавливалось и не чесалось. Платье, сделаное из добротной мягкой шерсти, было довольно длинным, но не настолько, чтобы мешать ходьбе. Такой наряд можно носить долго.

— Поглядись-ка в зеркало, Мэри! И скажи, что думаешь.

Что думаю? Вот так вопрос! Я уставилась на свое отражение и увидела очень бледное и изможденное лицо. Да, я и впрямь не красавица, ну и что с того? Я вижу, слышу и говорю не хуже других, а мистер де Люк даже назвал меня «чрезвычайно смышленой и предприимчивой юной леди». Генри и вовсе окрестил гением. Для чего еще нужны голова и лицо? Уж точно не для красоты. Голова — это хранилище мозга, ни больше ни меньше.

Платье бесформенно свисало с плеч, мастерски скрывая мою анатомию (как здорово, что я запомнила это слово!), и внизу виднелись только носки башмаков, а вовсе не разбитые и ободранные коленки.

Миссис Сток, стоявшая позади, окинула меня внимательным взглядом. Я видела ее отражение в зеркале. А потом она заговорила — тихо-тихо, почти шепотом, словно боялась, что нас могут услышать, хотя в доме больше никого не было.

— Уверена, твоя матушка обстоятельно поговорит с тобой о превращении в женщину. Да, я обещала больше не говорить о взрослении и свое слово сдержу. Просто хочу напомнить тебе, что ты всегда можешь обратиться ко мне за помощью, Мэри. Ты ведь знаешь об этом? Видит Бог, уж я в воспитании девочек кое-что понимаю — у меня и самой дочки. Так что не стесняйся!

К чему это она? Судя по доверительному тону и готовности помочь мне советом, речь идет о чем-то невероятно таинственном и секретном. Чем же еще чревато взросление, кроме свадеб и рождения детей? Не припомню, чтобы в последние месяцы матушка о чем-нибудь таком заикалась. Однако меня почему-то встревожил наш разговор, и я принялась теребить пуговицы второго платья.

Миссис Сток забрала у меня наряд и аккуратно сложила его.

— Думаю, и это тебе подойдет. Я могу их ушить, чтобы они сидели на тебе получше, но, чувствую, ты против.

Я кивнула.

— Миссис де ла Беш расспрашивала меня о твоих делах, — сообщила она, наконец сменив тему. — Бедняжка! Сколько всего ей пришлось пережить! Уверена, вы обе скучаете по Генри. Может, ты снова ее навестишь? Она наверняка обрадуется!

— Посмотрим, — ответила я. — У меня куча дел.

Я едва не проговорилась о том, что собралась заняться научными изысканиями. Упоминать о науке в разговоре с тем, кто считал ее занятием небогоугодным, было опасно, и я промолчала.

Когда я вернулась домой, матушка одобрительно кивнула, увидев мой новый наряд, а Джозеф расхохотался и заявил, что в нем я похожа на деревянную ложку, торчащую из мешка, но я нисколько не обиделась — скорее обрадовалась.

А вот отец промолчал. Я рассказала ему о лошади, и он ответил, что тоже ее видел. Этот разговор совсем его не заинтересовал, так что и про джентльмена из Швейцарии я ему сообщать не стала.

Отцу день ото дня становилось все хуже. Это было очевидно. И сколько я ни пыталась отогнать от себя эти мысли, они причиняли страшную боль. Впрочем, от правды уже было не спрятаться. За последние несколько недель кожа у отца вновь стала бледной как бумага, а под глазами залегли иссиня-черные круги. Он жутко похудел. Кости снова стали просвечивать под кожей, как прошлой зимой. Вернулся кашель. Порой эти

приступы затягивались на несколько минут. Они протекали очень болезненно и отнимали у отца все силы.

Во время кашля матушка не сводила с отца глаз, и я стала поступать так же. Я понимала, что именно она высматривала.

Кровь.

На тряпице, которую он прижимал ко рту. На подушке и рядом. На грубой льняной сорочке.

Мы все знали, что предвещают такие вот пятна.

Страшную болезнь. Чахотку.

И смерть.

Некоторые, конечно, выздоравливали, но таких счастливчиков было крайне мало. Мне вспомнился день, когда я чуть не наступила на могилу Эми Мартин. За время, прошедшее с тех пор, на тот свет ушли десятки несчастных. Неужели и отца тоже вскоре ждет могила? Зачем же Господь сохранил ему жизнь? Чтобы теперь ее отнять? Ради ребенка, который должен родиться незадолго до Рождества? Ради Джозефа? Ради меня? Бессмыслица какая-то.

И тут отец громко закашлялся, будто прочитал мои мысли. Кашель раздирал ему грудь, он стонал и метался, не видя и не слыша нас. Он извивался, будто угорь, насаженный на нож.

Мои ладони сжались в кулаки, и я стала неистово колотить себя по бокам. На глаза навернулись горячие гневные слезы.

И вдруг приступ закончился — так же внезапно, как и начался. Отец опустился на стул, согнулся пополам, обхватил руками голову. Грудь сотрясали тяжелые прерывистые вздохи. Через пару мгновений он встал.

— Извините. Наверное, пыль в горло попала. Уже все прошло.

Он лгал. И я это видела. Я посмотрела на матушку. Но та лишь покачала головой и продолжила штопать его чулок как ни в чем не бывало.

— Ну что, Мэри! — воодушевленно воскликнул отец, до боли напомнив себя прежнего. — Расскажи-ка еще разок, чем тебя так привлек труп несчастной лошади, а? Уж не вампирчик ли ты часом, моя малышка Молния? Ба! — воскликнул он, заметив на мне другое платье. — Да у тебя новый наряд! Ну подойди же, обними своего старика отца, умница моя!

Он крепко прижал меня к себе, и я вновь уловила знакомый кисловатый запах. Меня терзал страх. И гнев. Он был сильнее всех других чувств. Неужели беда вернулась и нас снова ждут тяготы и невзгоды?

В ту ночь я молилась так горячо, как только умела. Я просила Бога о том, чтобы Он спас отца. Предлагала Ему сделку: пусть отец выживет, а я пострадаю, или пусть умрет быстро и

безболезненно. Все что угодно, лишь бы только наша жизнь вновь не перевернулась с ног на голову непонятно зачем.

Утром обнаружилось, что отцовская сорочка залита кровью спереди, а моя — сзади, чуть ниже поясницы, словно я ненароком села на распотрошенную рыбу. Казалось, Господь решил умертвить нас обоих.

15. Матушка прерывает молчание

К полудню в крови было уже все мое нижнее белье. Откуда она шла, я не понимала, но чувствовала страх и стыд, а еще ноющую пронзительную боль где-то внизу живота. Казалось, меня кто-то ел изнутри.

А что если я умру от потери крови? Что если Господь наказывает меня за то, что я назвалась ученым? Что если я заключила договор не с Богом, а с самим дьяволом? Я взяла у матушки пеленку, в которую она обычно кутала младенцев, и попыталась остановить кровь. А потом тайком ушла стирать ночную сорочку и нижнее белье во дворе, но матушка все-таки нашла меня.

Она оттащила меня от таза, в котором я стирала одежду, и крепко обняла. А потом поцеловала в макушку и тихо промолвила:

— О, Мэри… малышка моя… Как же быстро нынче взрослеют дети! Пора знакомиться с радостями и тяготами женской жизни, моя девочка… точнее, девушка — теперь тебя надо звать так.

Я вывернулась из ее рук и вернулась к стирке.

— Я что, умру? — тихо спросила я. — Или скоро рожу ребенка?

— Боже, нет конечно! Ты стала девушкой, только и всего! Такова наша природа!

— Почему ты меня заранее не предупредила? — спросила я, стиснув зубы, а бесчисленные Мэри в моей голове бросились врассыпную, истошно кудахча, как куры с отрубленными головами.

— Я и не думала, что это случится так скоро! Ты всегда вела себя по-мальчишески, но женское бремя тебя не минуло. Однажды Господь одарит тебя и женской радостью. И ты поймешь, что оно того стоит. — Матушка нежно погладила округлившийся живот.

И тут во мне вспыхнула ярость. Я принялась исступленно оттирать пятна с мокрого белья, а по щекам побежали горячие слезы и закапали в покрасневшую воду в тазу.

— Пойдем, — сказала матушка и мягко потянула меня за собой. — Пусть одежда пока замачивается. Ты так в ней дырку протрешь. Давай посидим и поговорим. Я расскажу, что тебя ждет.

Я стряхнула с плеча ее руку.

— У меня только один вопрос. Кровь вообще остановится? Или вся вытечет и я умру?!

— Остановится. Но снова пойдет через месяц, и так каждый раз, пока ты не зачнешь ребенка, а когда состаришься и уже не сможешь иметь детей, кровотечения совсем прекратятся.

— Вот бы состариться прямо сейчас! Вот бы все прямо *сейчас* и закончилось!

— Понимаю тебя, Мэри. Понимаю. В первый раз всегда тяжело и страшно, но такова наша природа, и ее нужно принимать. С этим все равно ничего не поделаешь. Однажды ты, Мэри, захочешь своих деточек…

— Ну *почему*? Почему только и разговоров, что о деточках, мужьях и о том, как важно выполнять волю мужчин? — накинулась я на нее. — Неужели и поговорить больше не о чем? Неужели ничего другого меня не ждет? Неужели это все, на что я гожусь? *Для чего*? Для чего я выжила после удара молнии, если меня ждет такая жалкая участь? Это несправедливо! А мужчины? У них тоже идет кровь? По лицу твоему вижу, что нет! А за что тогда женщины так страдают?

Матушка погладила меня по голове.

— Такова наша женская доля, Мэри. Такова наша природа, я ведь уже говорила. С мужчин другой спрос. Господь свидетель, твой отец несет тяжелый крест.

— Ты говорила, он сам виноват в том, что расшиб себе голову. Сам виноват! А *я* разве виновата? Я что, *хотела* становиться женщиной? Ничего подобного! Терпеть это все не могу! Ненавижу! — я ударила себя кулаком в грудь. — Ненавижу детей, мужей, бедность, болезнь, страдания, несправедливость! Чем мы провинились? За что нам такое наказание? А с отцом что будет? Я молилась Богу, но Он меня не послушал. Только послал кровотечение — и мне, и отцу! Сильно же Он заботится о таких, как мы, нечего сказать! Как же это несправедливо! До чего нечестно!

Матушка печально посмотрела в мои глаза.

— Кто тебе сказал, что в жизни есть место справедливости, Мэри? Уж точно не я. Жизнь есть жизнь. Нужно ее принимать и благодарить Бога за Его милосердие и доброту.

— А если Господь заберет у нас отца, мы и за это должны Его благодарить? И за то, что останемся без кормильца, а в семье появится лишний рот?

— Надо смириться с тем, чего нельзя изменить, Мэри. Возрадуйся своей доле, а не то будешь очень несчастной. От судьбы, как ни старайся, не уйти. Пойдем со мной. Я приготовлю тебе питье, от которого станет полегче.

— Не хочу я никакого питья! Хочу, чтобы все прошло! — крикнула я, скользнула мимо матушки, пересекла площадь и

понеслась по дороге к церкви. Пробегая по кладбищу, я яростно топнула и закричала могильным плитам: — Вы вот по-настоящему свободны! Такой свободы мне до самой смерти не видать!

По щекам струились слезы. Волосы лезли в глаза. Боль усилилась, и мне стало казаться, что я непременно умру, что бы там ни говорила матушка. А где еще встретить смерть, как не на родном берегу, у моря, которое уже так давно мечтает поглотить меня?

Почти у самой калитки, за которой тянулась тропа к берегу, я вдруг вспомнила про альбом Генри. Меня точно обухом ударило. Я утерла глаза и нос рукавом и достала книжицу из тайника в ограде. Альбом неплохо сохранился, несмотря на то что несколько месяцев пролежал в стене. Разве что странички слегка набухли и изогнулись от влаги.

Я прижала альбом к груди, сползла вниз по стене, села на корточки — и просидела так по меньшей мере час. Голова раскалывалась от боли, злости и горя.

Когда чувства поутихли, а головная боль прошла, я принялась листать альбом Генри, вспоминая каждый день минувшего лета. Взгляд мой скользил по крошечным картам и детальным зарисовкам змей и щитков, пока наконец не остановился на одном рисунке, который выделялся среди других. Он раньше не попадался мне на глаза. При виде него сердце так и замерло в груди. Пейзаж на рисунке был темным, сумрачным. На фоне мрачного, мглистого неба чернели прибрежные скалы. А в центре, посреди этого мрака был изображен силуэт девочки, бьющей молотком по камню. Небо над силуэтом расколола надвое яркая зазубренная молния, кончик которой касался девичьей головы.

Под рисунком темнела подпись: *Молния Мэри. Ученый и Друг*.

Молния Мэри. Тайное, очень личное прозвище. Так звал меня отец и никто больше. Наверное, Генри сам его придумал, услышав где-то мою историю. Я не рассказывала ему, чтобы он, чего доброго, не подумал, будто своим умом я обязана тому самому удару молнии, как казалось очень многим. Я это я, и молния тут ни при чем.

Я обвела пальцем буквы и вдруг ощутила прилив гордости. «Ученый и Друг». Как ни крути, это куда лучше, чем быть женой или матерью.

***

Когда я вернулась домой, матушка месила тесто для хлеба.

На столе меня ждала чашка с розоватой водой.

— Все уже остыло, — сообщила она, не поднимая глаз от работы. — Но, думаю, все равно поможет. Это отвар из малиновых листьев.

Я осушила чашку. На вкус вода оказалась горькой — ничего общего с малиной!

— И вот еще, возьми. — Она кивком указала на глубокий карман своего передника. Сама она не могла этого сделать, потому что ее руки были перепачканы сероватой мукой. — Уверена, ты сама разберешься, что с ними делать. Их тоже нужно кипятить, чтобы отстирать, как и пеленки. Менять следует по нескольку раз в день. И, главное, смотри не бегай с ними — а то выпадут из панталон.

Я забрала у нее тряпки, но не успела рассовать их по карманам, как по телу пробежала дрожь.

— Отец умрет, да? — спросила я. В один миг у меня почему-то не осталось в этом никаких сомнений.

Матушка шумно опустила тесто на стол, подняв в воздух облачко муки.

— Да.

— Когда? — спросила я.

У матушки был удивительно спокойный вид.

— Боюсь, он и до конца года не дотянет. У тебя кровь пошла лишь сегодня. А у него — уже много недель тому назад.

— Почему ты мне об этом не рассказывала?

Она подняла на меня глаза, полные слез.

— Потому что тогда ты была еще ребенком. Потому что на твою долю и так выпало немало горестей. Потому что ты все равно не смогла бы его спасти, а еще потому, что вы с ним так любите друг друга. К тому же он сам просил меня держать язык за зубами. Теперь, раз уж ты спросила напрямую, я не могу скрыть правду. Нам — тебе, мне и Джозефу — надо мужаться. Стать еще храбрее, еще сильнее. А теперь отнеси-ка отцу поесть, Мэри. И не смей ему рассказывать о нашем разговоре. Он с ума сойдет от горя.

Она тяжело вздохнула и вернулась к работе.

В отцовскую мастерскую нужно было идти вдоль моря, а потом свернуть в узкий переулок. Город заполонили приезжие, неспешно прогуливающиеся по набережной и наслаждающиеся солнцем, несмотря на сильный ветер. Я лавировала между прохожими, стараясь не замечать взгляды, которыми они окидывали мое раздувающееся парусом платье.

Двери мастерской были распахнуты, а в центре, в лучах солнца и посреди наструганных рубанком опилок стоял

недоделанный шкафчик. Отца нигде не было видно.

Я вышла на задворки мастерской — там отец хранил дерево для работы — и наконец увидела его. Он старательно опиливал зажатую в тиски дубовую доску.

Увидев меня, отец улыбнулся, а потом вытер вспотевшие руки о фартук и принял у меня из рук свой обед.

— Ну-ка, ну-ка, что тут у нас? — шутливо проговорил он, разворачивая тряпицу.

— Зря растраченное добро, — ответила я, не сдержавшись.

— Что-что? — переспросил он, сел на бревно и сделал мне знак присесть рядом. — О чем ты, девочка моя? Что тебе такое матушка наговорила?

— Правду. Я знаю, что ты смертельно болен и непременно умрешь. И уже очень скоро.

Не смея поднять на него глаз, я уставилась на опилки и начала водить по ним носком ботинка, вырисовывая спираль, похожую на змею, свернувшуюся в клубок.

— Вот оно что, — проговорил отец и замолчал. Несколько мгновений мы сидели в тишине. Нетронутый обед — ломоть хлеба, кусок сыра и лиловая слива — так и лежал у отца на коленях. Он взял сливу и стал рассеянно крутить ее в руках. — Ничто не вечно, Мэри. Кому, как не тебе, об этом знать.

Он хотел взять меня за руку, но я вырвалась.

— Зачем мне было делиться с тобой этой новостью? — мягко спросил он. — Зачем тебя расстраивать? Зачем портить тебе лето?

Узнав правду, я вовсе не расстроилась. Я разозлилась. Но почему? Потому что терпеть не могу лжи? Но ведь мне никто не лгал. Я сама ни о чем не спрашивала. А может, я злилась потому, что так долго не замечала, что происходит, не видела верных признаков болезни, которые матушка углядела еще несколько недель тому назад?

— Матушка просила не говорить тебе, что я знаю правду, чтобы тебя не расстраивать, но лгать я не хочу! — воскликнула я. — Да и потом, Генри рассказывал мне, как это важно — проститься с умирающим. Я должна знать, когда это случится, чтобы успеть с тобой попрощаться.

Отец начал всхлипывать. Он вновь попытался взять меня за руку, и на этот раз я вложила свою шершавую ладонь в его пальцы, куда более шершавые и загрубевшие от работы. Мы прижались лбами друг к другу и просидели так с час, а то и дольше. Солнце медленно плыло над нами, и в конце концов тени наши удлинились и вытянулись в сторону дома.

От моей тревоги не осталось и следа. В душе и мыслях воцарились мир и покой.

— Ты все-таки поешь, — сказала я наконец. — Пусть это и зря растраченное добро, но лучше оно достанется тебе, чем помойке!

Отец рассмеялся.

— Молния Мэри, малышка моя! Как же ты быстро схватываешь суть дела, просто уму непостижимо! Какое же ты чудо! — Он отломил кусок сыра и протянул мне, а сам впился зубами в ломоть хлеба, успевший уже подсохнуть на жарком солнце.

— Это ты рассказал Генри о том, что прозвал меня Молнией Мэри? — спросила я, припомнив рисунок из альбома.

— Нет, не я, — ответил отец, подняв на меня удивленный взгляд. — Я с ним и словом не обмолвился. Славный он малый, да и другом был неплохим, а?

— Да. Был и остается.

Отец улыбнулся и крепче сжал мою руку.

— Это прекрасно. Но будь осторожнее. С возрастом все меняется. Люди предпочитают общество себе подобных.

— Но мы же с ним из одного общества! Мы оба ученые. И уже обо всем договорились. Я уверена, он свое слово сдержит, вот только закончит с муштрой.

— Ладно-ладно. Просто будь осторожнее, вот и все. Люди меняются. И не всегда держат слово. С такими, как мы, зачастую обходятся нечестно. Не стоит обманывать себя, девочка моя. Я вовсе не хочу тебя принижать, не хочу видеть твоей печали. Но нельзя жить так, чтобы твое счастье всецело зависело от другого человека. Счастье нужно искать в себе. Понимаешь? Ну-ну, не делай недовольный вид. Стоило мне произнести слово «счастье», и ты… Может, ты и права. Возможно, счастья таким, как мы, не видать, но уж удовольствие мы можем получать, ведь правда? Я видел его в твоих глазах в те мгновения, когда ты находила сокровища. Мне ведь не показалось?

Я покачала головой.

— Это мое «мэтье», — ответила я, припоминая французское слово, которому научил меня Генри.

Отец громко расхохотался, но тут же зашелся кашлем.

Кашель был долгим и удушливым.

Отец согнулся пополам и оттолкнул меня.

— Не приближайся ко мне, Мэри, — с трудом проговорил он между приступами. — Не надо!

Изо рта у него хлынула кровь и заструилась на землю. Казалось, ему не хватает воздуха, и он никак не мог вдохнуть. Лицо у него стало бледным, как воск, а потом посерело. Он рухнул на землю и замер без движения — слышны были лишь страшные хрипы, рвавшиеся у него из груди.

Я попыталась его растолкать, но он будто не слышал моего голоса и не чувствовал прикосновений.

Мне нужна была помощь. И срочно.

Я кинулась на набережную. Она просто кишела людьми, но я не видела ни единого знакомого лица. Мне нужен был кто-то сильный. Кто-то, кого вдобавок не испугают кровь и грязь.

Мой взгляд привлек широкоплечий незнакомец, и я бросилась к нему.

Сперва он уставился на меня с нескрываемым ужасом, а его жена даже спряталась за его могучей спиной. Наверное, решили, что я воришка. Интересно, почему? Будь это правдой, вряд ли я бы выбрала своей целью самого рослого и крепкого мужчину, который прогуливался по нашему городу в тот день.

Я стала умолять незнакомца пойти со мной.

— С отцом беда! Он лежит на земле без чувств! Он очень болен! И умирает! Может, даже уже умер!

— А от меня ты чего хочешь? — с недоумением спросил мужчина.

Его супруга по-прежнему пряталась сзади, вцепившись ему в руку.

— А вы как думаете? — спросила я. Просто удивительно, на каких глупцов порой можно нарваться! — Мне нужна помощь, чтобы отнести его домой.

— Это наверняка ловушка! — противным писклявым голоском прощебетала его жена.

Но незнакомец отцепил от себя ее руки, отдал ей свою шляпу и заглянул мне в глаза.

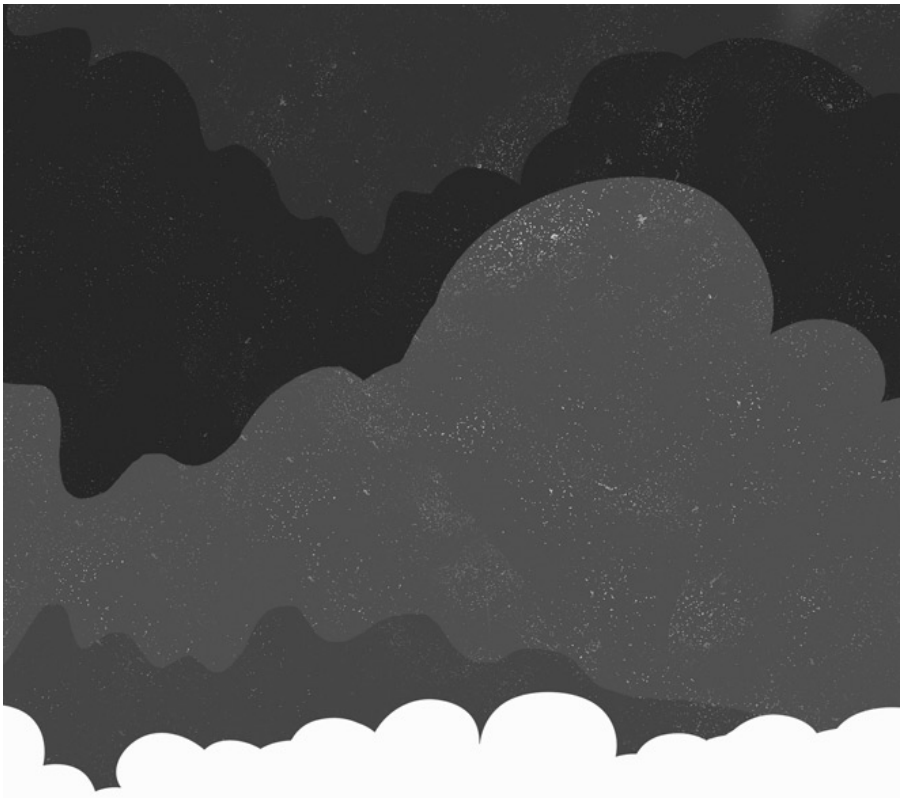
— Пойдем. Где он? — спросил мужчина, а потом обратился к какому-то джентльмену, стоявшему неподалеку. — Сэр! Да-да, это я вам. Пойдемте со мной. Этой малышке и ее больному отцу нужна помощь.

***

Втроем мы донесли отца до дома и уложили в постель. Он был мертвенно-бледен и по-прежнему тяжело дышал. Из груди доносились хрипы и клекот, а в уголках губ пузырилась кровь.

Матушка поблагодарила джентльменов и с помрачневшим лицом встала у отцовской постели рядом со мной. Мы переглянулись. Я вытянулась во весь рост и расправила плечи. В ту минуту мое детство кончилось.

Мы долго так простояли бок о бок — я и матушка. Две женщины, в дом к которым заглянула смерть.



Часть вторая

16. Жизнь, изменившаяся навеки

Отец Генри умер быстро. Заболел лихорадкой, слег в постель — и на тебе, за какой-нибудь один день его не стало. Так ли уж прав был Генри? Не лучше ли быстрая смерть, чем бесконечное умирание?

С того дня, когда незнакомые джентльмены подняли отца по нашей узкой лестнице и уложили в постель, прошло три месяца. Все это время он пролежал почти неподвижно.

Если в прошлый раз мы были полны надежд и упорства, то теперь все было иначе. Мы были спокойны, почти равнодушны. Временами матушка плакала, но совсем мало. Лицо у нее застыло, словно у статуи.

Джозеф начал работать. Люди делились с нами едой, а порой и деньгами. Как-то раз заглянул Гарри — он, как и я, хотел попрощаться с отцом. Вскоре после того страшного приступа к нам пришел врач — его визит оплатил сквайр Сток, — но матушке хватило мудрости отослать его восвояси.

— Ему уже ничем не помочь, да помилует Господь его душу, — сказала она. — А вот мне вы можете скоро понадобиться.

Мы делали все, что требовалось: мыли отца, поили его. Есть он уже давно перестал. Первое время он силился улыбнуться или открыть глаза, но через несколько недель оставил эти попытки. Мы сидели с ним по очереди, но чувствовал ли он наше присутствие? Мы не могли понять, ведь он все время молчал.

Я ощущала в себе только холод и жесткость, как будто покрылась твердой скорлупой, окаменела, закостенела. Мне не терпелось вернуться на берег. Я сидела рядом с отцом, а сама думала только об одном: как же выглядели те загадочные существа, останками которых усеян берег, когда они были живы? Я начала копировать зарисовки Генри. Я разделала скелеты мыши и чайки, отделив и пометив каждую косточку, а затем собрала их заново при помощи клея из отцовской мастерской. Потом написала Генри письмо, где рассказала о своем эксперименте. В уголке листа я изобразила крошечный мышиный череп. Генри мне не ответил.

Мы ждали смерти отца. Ничего другого не оставалось.

Однажды в конце октября к нам зашел местный священник. Он спросил, не хочет ли отец исповедаться, но тот не отозвался. Он лежал на постели, закрыв глаза и распахнув рот. Отец тяжело дышал — казалось, будто в его груди колючие ветви ежевики царапали забор.

До матушкиных родов оставалась всего пара месяцев, и она

теперь часто сидела рядом с отцом, поглаживая себя по животу и разговаривая с еще не родившимся младенцем. Она что-то нежно ему ворковала, пела колыбельные, а я часто думала, что давно потеряла бы всякое терпение, будь я на месте этого ребенка. Без конца слушать весь этот щебет, когда так хочется покоя. Лучше уж родиться поскорее! С ума можно сойти! Впрочем, матушку эти колыбельные успокаивали, так что пела она их не столько малышу, сколько себе.

***

В десятый день ноября матушка проснулась раньше обычного и обнаружила, что отец весь закоченел. Из груди ее вырвался протяжный стон, а потом она затихла. Села на кровати, зажмурившись и обняв себя за живот.

Джозеф кинулся к отцу и хотел взять его за руку, но та словно одеревенела. Брат уткнулся ему в грудь и завыл, как бродячая собака, а матушка принялась гладить его по голове.

Я стояла в дверях и смотрела на отца. Знала, что душа его давно покинула тело, но, как ни странно, сейчас он выглядел удивительно живо: таким я его не видела уже много месяцев. Быть может, он наконец обрел мир и покой, как обычно говорят об усопших.

Потом к нам пришли соседи помочь матушке с подготовкой к погребению. Меня выгнали из комнаты, хотя очень хотелось поглядеть, что они станут делать. Затем появились какие-то незнакомцы в черном и унесли тело, потому что доктор сказал, что убившая его болезнь по-прежнему заразна. Мне подумалось, что говорить об этом поздно, ведь мы столько дней и ночей провели под одной крышей, но, сказать по правде, я была даже рада, что отца забрали.

А потом пришла миссис Сток. Она немного посидела с матушкой и обсудила с ней похороны. Одолжила черную шаль — найти платье, которое подошло бы матушке по размеру, попросту не удалось. Я же надела серое платье. Матушка запретила хоронить отца в его единственном приличном костюме, чтобы Джозефу было что надеть на церемонию, и потому отца положили в гроб в рабочей одежде. И впрямь, зачем скармливать лучший костюм червям?

На похороны пришло много народу — отца очень любили и в Лайм-Риджисе, и за его пределами, хотя он и был «малость диковат» (по словам кого-то из горожан). Гости плакали, обнимали матушку, пытались обнять и меня. Некоторые

оставляли нам гостинцы — сахар, печенье и даже вино. Гарри Мэй принес старую рыбацкую шапку, полную монет, — то были пожертвования горожан. Я высыпала деньги на стол и пересчитала. Одиннадцать шиллингов. Не золотые горы, конечно, но очень великодушный дар, учитывая, что бедняки, отдавшие нам эти деньги, и сами едва сводили концы с концами.

Мы долго не заговаривали об отце — да и вообще почти все время молчали. Джозеф ходил на работу и изо всех сил добивался оплаты за свой труд — впрочем, безрезультатно. Матушка пекла хлеб. Перегибаясь через свой огромный живот, она шумно опускала тесто на стол и раскатывала его ладонями, то и дело прерываясь, чтобы растереть затекшую спину. Работать стоя ей было уже тяжело.

Мои обязанности по дому не изменились. Порой казалось, что отца никогда и не было в нашей жизни. А иногда — что он с минуты на минуту зайдет в комнату. В такие дни меня захлестывали тревога и беспокойство. Я не плакала. Хотя, конечно, скучала по отцу. Как и Джозеф, должно быть. Пару раз я слышала, как он глухо рыдает в подушку. Но рыдания моментально прекращались, стоило ему заметить, что я не сплю и все слышу. Однажды ночью он даже повернулся ко мне и гневно спросил, почему я сама не плачу.

— Порой мне кажется, что ты не человек, а чудовище, Мэри. Сдается мне, та молния выжгла из тебя все чувства и на отца тебе наплевать. Сердце у тебя каменное, вот что!

Я ничего не ответила. Конечно, мне было вовсе не наплевать. Дважды в жизни я испытывала страшную боль: когда уехал Генри и когда с отцом случилась трагедия. Но это было целую вечность назад. Когда же отец умер, во мне уже не осталось печали. Его все равно не вернуть. Я не чувствовала тоски — лишь беспокойство, потому что все словно перевернулось с ног на голову. Я люблю, когда все идет своим чередом, когда у меня есть власть над обстоятельствами. Сюрпризы я терпеть не могу. Как и потрясения. А еще я очень не люблю хаос и ощущение, что я подвластна кому-то или чему-то. В те дни меня одолевало неприятное предчувствие. Казалось, будто мы все чего-то ждали и в нашей жизни вот-вот случатся огромные перемены.

Через десять дней после отцовских похорон к нам заявились другие незнакомцы в черном — на этот раз без подарков, зато со счетами. Они соболезновали нашей потере, но было совершенно ясно, что куда больше их волновали деньги, которые мы не сможем им заплатить.

Особенно мне запомнился мерзкий коротышка с черными круглыми глазками, как у краба. Звали его мистер Спраг, и он

был агентом нашего домовладельца. Он с нескрываемым наслаждением достал из нагрудного кармана стопку бумаг, разгладил их на столе и передал матушке. Все это время он притворно улыбался.

— Сто двадцать фунтов! — воскликнула матушка, побледнев как мел. Она схватилась за живот и торопливо села, пока ноги не подкосились. — Нет! Неправда! Не может такого быть! Сто двадцать фунтов! Какой ужас!

Увы, ошибки здесь не было. Требовалось оплатить дрова, новую пилу, погасить многомесячный долг за аренду мастерской, вернуть деньги, взятые на оплату дома. К этому стоило прибавить еще и счет за похороны. Итоговая сумма была просто чудовищна — на то, чтобы заработать такие деньги, понадобилось бы минимум шесть-семь лет, тем более без отца.

— Если вам, миссис, это все не по карману, то придется перебраться в работный дом[4], — радостно сообщил мистер Спраг.

— Или взять денег в долг на выгодных условиях, — добавил один из его спутников, который выглядел несколько добрее. — На крайне выгодных условиях! Я мог бы это для вас устроить.

Меня его слова возмутили до глубины души.

— Для вас это, может, и выгодно! — воскликнула я. — А нам какой смысл занимать деньги, чтобы заплатить долги?! Какая глупость, ей-богу!

Мистер Добрый Глупец начал лепетать, что просто хотел нам помочь. Я упрямо настаивала на том, что это подлая уловка, чтобы ободрать бедняков как липку. Тут матушка, наконец собравшись с духом и с мыслями, встала. Как ни странно, огромный живот добавлял ей суровости.

— Спасибо, Мэри. Я сама разберусь с ними, — сказала она, окинув гостей мрачным взглядом, и в довольно резких выражениях потребовала, чтобы они дали ей время подумать, как уладить все эти дела. А потом начала бранить их за жестокость к несчастной вдове, у которой к тому же совсем скоро родится малыш, и так доняла их своими причитаниями, что те наконец не выдержали.

Кивнув и что-то промямлив в свое оправдание, они торопливо ушли. Мистер Спраг и вовсе, как говорится, поджал хвост.

Матушка захлопнула за ними дверь и повернулась к нам с Джозефом. Она с силой ударила по столу ладонью и на миг прикрыла глаза, а потом распрямилась как жердь.

— Нужно придумать план, — сказала она. — Возможно, нас и впрямь ждет крах, но без боя мы не сдадимся. Пришла пора

прежней Молли Мур вернуться в строй! — Она решительно взяла стопку счетов. — Джозеф, ступай в мастерскую и принеси отцовскую счетную книгу. Наверняка в городе есть те, кто должен *нам* денег. А еще составь опись всего, что хранится на заднем дворе. При первой же возможности мы распродадим это добро. И не забудь потребовать у твоего мастера, чтобы начал уже платить, раз нуждается в твоих услугах. Ведь ты давно его об этом просишь! Если откажется, надо будет найти тебе другую работу, и поскорее. Ты уже не подмастерье.

Джозеф согласно кивнул.

Я посмотрела на матушку с уважением. Никогда еще я не замечала в ней такой решимости и твердости. Мы встретились взглядами.

— Что же до тебя, юная мисс… Боюсь, если мы и впрямь хотим выбраться из этой ямы, в которой оказались из-за вашего отца, тебе тоже придется найти работу. Стать судомойкой, к примеру.

Сердце мое словно льдом сковало, а щеки вдруг жарко запылали.

— Нет, матушка! Нет! Я могу зарабатывать продажей окаменелостей.

Матушка покачала головой:

— Не говори глупостей, Мэри. Наслушалась ты отцовских россказней…

— Но он ведь и впрямь зарабатывал! Согласись! А я смогу выручить и того больше! Мне торговля дается куда легче, чем ему. Не веришь — спроси у Джозефа! К тому же я ведь тебе дома понадоблюсь, когда… — я выразительно указала на ее огромный живот, — когда ребенок родится на свет. Разве не лучше, чтобы я помогала тебе дома, а в свободное время искала окаменелости?

— Она права, матушка, — подал голос Джозеф. — Диковинки на берегу она легко отыскивает, а деньги у богатеев выманивает куда ловчее, чем отец.

Матушка вздохнула.

— Я и по дому буду тебе помогать. Даже чаще, чем прежде. Матушка, ну пожалуйста! Прислугой я быть все равно не смогу — нет у меня к этому склонности. Если меня вообще возьмут на такую работу, то выгонят в первый же день за то, что пререкаюсь, или еще за что-нибудь. Ты же знаешь, я совсем не умею *повиноваться*! — воскликнула я, почти не скрывая своего торжества.

Матушка снова вздохнула.

— И то верно. Не понимаю только, чем тут гордиться. Что ж, может, тебе и впрямь удастся превратить свои недостатки в

достоинства. Поглядим. У тебя есть ровно год, чтобы меня переубедить. Не больше.

— Как я рада, что ты передумала! Я…

— Вот только не вздумай переступать черту дозволенного, Мэри Эннинг, — строго перебила матушка. — Уж кого-кого, а *меня* ты вокруг пальца не обведешь. Почисть-ка картошку, пока Джозеф ходит за отцовскими бумагами. Поглядим, как можно разрешить наши дела.

Оказалось, что у нас и впрямь есть должники. Эти деньги не спасли бы нас сразу от всех напастей, но с их помощью вполне можно было прогнать с порога самых докучливых кредиторов и избежать работного дома. Вот только не все должники тотчас же вернули нам деньги. Чем они были богаче и могущественнее, чем выше было их положение в обществе, тем неохотнее они платили по счетам. На сборы всей суммы у матушки ушло недели две, не меньше.

— Порой мне кажется, что они думают, будто оказывают *нам* великую честь, позволяя на себя работать, — процедила матушка сквозь зубы. — То-то же они так изумляются, когда мы просим еще и заплатить за наши труды!

Матушка с выросшим до устрашающих размеров животом (ребенок должен был родиться уже совсем скоро) преследовала наших должников по пятам. Если они отказывались оплатить счет, принесенный ею к черному ходу, матушка подходила к ним прямо на улице или являлась к парадной двери и начинала колотить в нее, требуя тотчас же вернуть ей все до последнего пенса.

После триумфального возвращения она высыпала деньги на стол, а я садилась их пересчитывать.

— Видать, наша Мэри унаследовала талант к торговле от тебя, матушка! — с восхищением заметил Джозеф.

— Да уж, немногие на Бландфордском рынке могли со мной потягаться, пока я отца вашего не встретила! — рассмеялась матушка. — Скажу вам по секрету, сейчас у меня новый способ. Как только эти наглые толстосумы начинают отводить взгляд, увиливать от разговора, делать вид, что не замечают принесенных мною счетов, я говорю: «Дождетесь вы у меня, я сюда свою Мэри пришлю!» О-о-о, уж как они боятся гнева моей дочурки! Стоит только назвать ее имя, и они сразу же платят как миленькие!

Джозеф расхохотался и хлопнул меня по спине.

— О, трепещите, Мэри уже близко!

Все боялись моего гнева, мне было приятно это слышать. Порой это полезно. Отец бы мною точно гордился, но в кои-то веки меня окрылила именно матушкина похвала. Она подмигнула

мне, и я подмигнула в ответ. В этой войне с долгами и угрозой переселиться в работный дом мы очень сплотились и стали верными союзниками.

Пришел декабрь и подарил нам нового братика. Его назвали Ричардом в честь отца, но он, как и его предшественники, оказался очень слабым и болезненным.

Этому вечно хнычущему, писклявому созданию не передались ни матушкино упорство, ни ее жизнелюбие. Прожил он совсем недолго. Не успел начаться новый год, как мы его похоронили.

На сей раз матушка не горевала. Думаю, эта смерть стала облегчением для всех нас.

17. Чудовище

Та зима выдалась страшной, суровой, беспощадной. Если вам не доводилось замерзать до такой степени, что и думать больше не можешь, вы не поймете, что это был за холод. Нередко мы ложились спать, даже не надеясь проснуться утром. Малыш Ричард умер именно так, во сне. Больно ли это? Или ты попросту засыпаешь, а приходишь в себя уже в загробном мире?

Порой даже просто жить было больно. Болели обмороженные докрасна руки, растрескавшиеся губы без конца кровоточили, тело вечно била дрожь. Мы крепко жались друг к дружке, пытаясь согреться, но тщетно.

Мы распродали почти всю мебель, а остатки сожгли. Спали мы на полу, устеленном тряпьем; на полу же съедали свой скудный обед — жидкую овсянку, — чудом не примерзая к ледяным камням. Мы не мылись. Не переодевались в чистое. Первое время от нас так воняло, что приходилось задерживать дыхание, но потом мы привыкли к зловонию и перестали его чувствовать, а вскоре и вонять перестали, правда-правда.

Мы не были одиноки, горожане помогали нам как могли, но в ту зиму с запасами у всех было туго. Мы твердо решили, что погасим все отцовские долги, и потому наотрез отказывались от помощи заимодавцев, наживающихся на голодающих бедняках.

Должно быть, кто-то рассказал матушке Генри о наших несчастьях, потому что вскоре я получила от него письмо, в котором он жалел меня, соболезновал нашей потере, а в самом конце добавил, что его матушка готова поделиться с нами дровами. Когда я забирала это письмо от матушки Генри, в их дом я так и не зашла. Мне было нисколечко не стыдно за свой внешний вид и грязное платье — да и что я могла с этим поделать? — но войти в чистые до блеска комнаты не решилась. Я отправилась на задний двор, наполнила корзинку щепками и бревнышками и забрала у кухарки письмо. В придачу она дала мне мешочек со сладкими булочками.

Когда я шагала со своей ношей обратно по Сильвер-стрит, меня окликнули. Ко мне спешила миссис Сток, размахивая небольшим свертком.

— О, Мэри! Какое счастье, что мы с тобой столкнулись! У меня для тебя сюрприз. На прошлой неделе мы были в Солсбери, я там кое-что присмотрела и сразу подумала о тебе! — Она протянула мне сверток и только потом заметила, что у меня заняты руки и я не могу принять ее подарок.

— Ох, как же это я не подумала! — воскликнула она. —

Давай провожу тебя до дома. Я как раз хотела увидеться с твоей матушкой.

— Матушка не любит незваных гостей! — напомнила я. На самом деле она просто стыдилась того, как мы живем, и не хотела, чтобы другие увидели, во что превратился наш дом.

— Знаю, Мэри, знаю, — сказала миссис Сток и погладила меня по руке. — Так и быть, в дом заходить я не стану, хотя на улице и лютый мороз.

— Внутри не теплее, так что особой разницы нет, — заметила я.

Матушки дома не оказалось, поэтому миссис Сток все-таки заглянула к нам. Оглядев нашу кухню, на которой совсем не осталось мебели, она промолчала, но на ее лице отчетливо читался ужас.

Я развернула подарок. Внутри оказалась книга. Тоненькое издание в темно-красном кожаном переплете. На обложке поблескивали золотые буквы: «Иллюстрации к “Теории Земли” Хаттона», Джон Плейфер.

Что это значит? Миссис Сток, должно быть, заметила мое замешательство и поспешила уточнить:

— Это книга о камнях, Мэри, а я ведь знаю, как ты их любишь. Твой несчастный отец рассказывал мне о твоей мечте стать ученым. Он так гордился тобой! Как только я увидела эту книжку в лавке в Солсбери, я тут же вспомнила о тебе.

Я углубилась в чтение оглавления. «Предмет изучения в рамках теории Земли. Деление пород на слоистые и неслоистые». Все это были непонятные, совершенно незнакомые слова. Но когда я прочла их, мне показалось, что мое тело вновь пронзила ослепительная молния. Толпы маленьких Мэри в моей голове восторженно запрыгали, им не терпелось поскорее сесть за книгу.

Я прижала подарок к груди и повернулась к миссис Сток.

— Спасибо вам! Спасибо!

Другие слова на ум не шли, но миссис Сток хватило и этих. С довольным видом она снова погладила меня по руке.

— Славная ты девочка, Мэри. И особенная. Твой отец отлично это видел. Видит и матушка. И я тоже.

С этими словами она ушла, оставив меня наедине с новым сокровищем. Я укуталась в шаль поплотнее и стала читать.

Если честно, текст оказался непонятным. Он пестрел незнакомыми словами, названиями камней и пород, которые ни о чем мне не говорили. Я пролистала несколько страниц и наконец мой взгляд зацепили два слова: «Ископаемые кости». Я жадно прочла заголовок: «О костях, которые можно найти в рыхлом грунте». По телу пробежала дрожь. Я перевернула еще несколько

страниц и с восторгом прочла следующий заголовок: «Геологические теории Кирвана и де Люка».

А ведь я виделась и даже общалась с мистером де Люком! Может, он и впрямь придумал слово «геология»? Впрочем, с первых страниц было ясно, что мистер де Люк и мистер Хаттон не ладили и по-разному смотрели на науку и религию.

Трудно было разобраться, о чем тут шла речь, но, судя по всему, некоторые считали, что наша планета возникла благодаря воде, а некоторые — что ей дал начало огонь. Первые звались нептунистами, а вторые — плутонистами. Мистер Хаттон скорее принадлежал к плутонистам, хотя и открещивался от этого названия, потому что оно казалось ему чрезвычайно глупым.

О Боге в этой книге ни разу не упоминалось, как и о том, что Он сотворил весь наш мир.

В ней были лишь споры ученых о теории возникновения Земли. Они рассуждали о религии, но о Боге не говорили. Возможно, они вовсе не верили тому, что написано в Библии.

Я захлопнула книгу. Надо срочно написать Генри про книгу о происхождении Земли. Рассказать, что это самая страшная, сложная и удивительная книжка на свете, а еще пообещать, что я непременно прочту ее втайне от всех и поделюсь с ним новыми знаниями.

Я отыскала последние клочки бумаги, надежно спрятанные мною, чтобы матушка не пустила их на растопку, и начала строчить письмо. Я страшно торопилась, нужно было управиться до темноты и до возвращения матушки с Джозефом. Казалось, голова вот-вот лопнет от мыслей, идей и теорий, от изумления и радости. У меня теперь есть настоящая научная книжка! Закончив письмо, я вдруг поняла, что Генри едва ли сможет его прочесть. Почерк был неразборчивым, а чернила мало того что размазались по бумаге, но еще и размочили ее до дыр. Скомкав письмо, я бросила его в очаг, подложила несколько дров миссис де ла Беш и разожгла слабенький огонь, не дожидаясь матушки и брата.

Пламя ярко вспыхнуло и на несколько мгновений осветило темную комнату, а потом погасло. У меня остался последний клочок бумаги. Нужно сберечь его для писем поважнее.

Матушка и Джозеф вернулись. Покончив со скудным ужином, мы сидели в тишине. Я посмотрела на Джозефа — бледного, исхудавшего. Холод, голод, смерть отца — все это едва не сломило нас. Год тысяча восемьсот десятый от Рождества Христова хотелось вовсе вычеркнуть из памяти. Тысяча восемьсот одиннадцатый тоже начался печально — с очередных младенческих похорон. И все же книга, спрятанная в складках моего платья, успокаивала меня, заставляя поверить: перемены не

за горами. Это чувство с каждым днем только крепло, и вскоре я поняла, что пришло время вновь заняться поисками сокровищ.

Как-то вечером, когда матушка уже спала, я шепнула Джозефу:

— Завтра. На рассвете. У Черной Жилы. По рукам?

Он кивнул, и в лунном свете я увидела, как в его глазах заплясали озорные огоньки. Может, и он чувствовал, что нас ждут огромные чудесные перемены?

Утро выдалось сумрачным и промозглым; морской туман повис над городом, словно гигантская рыболовная сеть, из которой никак не выбраться.

— Может, в другой день сходим? — предложил Джозеф, когда мы вышли на крыльцо и не увидели в тумане церковный шпиль.

Я покачала головой:

— Нет. Идти нужно сегодня. Нутром чую. Нас ждет что-то удивительное. Я это точно знаю.

Джозеф только плечами пожал. Он уже давно усвоил, что спорить со мной бесполезно.

Море не знало устали. За то время, что нас не было на берегу, оно отвоевало себе добрую часть тропы, ведущей от церкви к скалам. Там, где раньше на недосягаемом расстоянии от прилива тянулась извилистая дорога на Чармут, теперь не было ничего, кроме груды земли и камней, то и дело падающих в море.

Нам пришлось идти в обход по крутому высокому краю берега. Земля то и дело осыпалась у нас под ногами, башмаки без конца вязли в грязи. Из-за густого влажного тумана у нас быстро промокла одежда, а тяжелый и плотный воздух мучительно сдавил легкие.

— Мэри, подожди меня! — прокричал Джозеф. — Я не вижу тебя в тумане! Ох, да это же просто безумие! Как мы тут что-то отыщем, если и друг друга-то видим с трудом!

Может, моя затея и впрямь безумна, но попытаться нужно. Обязательно.

— Скоро туман рассеется!

Так и случилось. Бледные солнечные лучи пробились сквозь серую завесу и осветили побережье. Его было просто не узнать.

За время моего отсутствия с утесов, которые тут звали Плевками, успела сползти огромная глыба размером с перевернутую лодку, и теперь она лежала совсем рядом с Черной Жилой, всего в нескольких шагах от галечного пляжа.

Именно такую глыбу я и мечтала найти! Я кинулась к ней, моля Небеса, чтобы на этот раз внутри не оказалось дурацкой рыбьей чешуи. Пока я шла, один из ее пластов пришел в

движение и обрушился совсем рядом с нами. Мы застыли в ожидании, затаив дыхание. Однако все было тихо.

— Эта громадина не ровен час опрокинется! — предупредил Джозеф. — Давай я сперва разобью ее киркой. Так будет безопаснее.

Он принялся разбивать глыбу на кусочки поменьше. Они походили на черные могильные плиты — впрочем, для древних существ, погребенных под землей, они и были могилой.

По моим прикидкам, до захода солнца оставалось порядка семи часов. За это время вполне можно что-то найти.

Стоя в паре ярдов друг от друга, мы с головой ушли в работу и погрузились в молчание. Вскоре рядом с нами выросла приличная кучка мелких находок. Ничего ценного в ней не было — так, существа, которые нам и без того попадались изо дня в день. Мы почти уже отморозили руки, а варежки затвердели от налипшей грязи.

День быстро клонился к закату. Меня охватили страх и отчаяние. Неужели чутье меня подвело? Как же так! Но вдруг мне попался крупный камень — остатки огромной змеи в две ладони шириной! Я радостно вскрикнула и принялась очищать находку от грязи. За такую крупную диковинку толстосумы наверняка не пожалеют отдать золотую гинею!

Джозеф старался не замечать моего ликования. Наверняка он нашел лишь горстку «чертовых пальцев», поэтому хвастаться ему было особо нечем. Я встала на ноги, чтобы лучше видеть, чем он занят. Он внимательно смотрел на что-то блестящее и серое.

Сердце так и подскочило у меня в груди, и в ту же секунду меня кольнула зависть. Мне стало ясно, что он отыскал нечто особенное. Я знала это еще до того, как мы отмыли находку от грязи морской водой, принесенной в одеревеневших от холода ладонях. Когда мы медленно и очень осторожно счистили слой сланца и обнаружили голову гигантского чудовища, уже начало смеркаться.

У чудовища были огромная круглая глазница с широкой костяной каймой, напоминавшая блюдце, и массивный череп. Длинные узкие челюсти полнились острыми, как кинжалы, зубами. Мне вспомнился череп угря. А ведь он был раз в десять меньше этой огромной головы!

Джозеф попробовал приподнять каменную глыбу, в которой был замурован череп, но даже для него она оказалась чересчур тяжелой.

— Святые угодники, — изумленно проговорил он. — Чтоб мне провалиться, если это чудо нас не озолотит! Чутье вновь тебя не обмануло, Мэри! Я первым нашел эту громадину, но ты ведь

заранее знала, что она нас тут ждет! Теперь-то у нас наконец появятся деньги! Сомнений и быть не может!

Но я его не слушала. Толпы Мэри в моей голове лихорадочно думали, а я внимательно разглядывала утес над нами и дыру, оставшуюся после оползня. Как вышло, что останки оказались так высоко? Где же раньше находился этот земляной пласт, если в него угодило такое создание? А где туловище? Перед нами явно было вовсе не морское существо, обезглавленное моряком, а значит, едва ли его тело выбросили в море. Это был настоящий гигант. Крокодил, наверное.

Мне вспомнились слова мистера Хаттона. Если я правильно поняла, он считал, что новые камни появляются на океанском дне постоянно, а потом, во время извержения вулканов, их выбрасывает на поверхность — именно так много лет назад появились скалы. Возможно ли, что это чудовище жило на той самой земле, что теперь возвышается над нами, до того как ее размыло море? Мне вспомнилось, что на том месте, где теперь пролегает тропа, ведущая на побережье, когда-то стоял большой дом. Море подтачивает берег. Мне это было отлично известно. Я наблюдала за этим каждую зиму. Но если мистер Хаттон был прав, почему теперь на берегу не появляются новые скалы? И все же куда больше меня тревожили слова, которые наверняка привели бы в ярость всех истинно верующих. Хаттон считал, что Земля не возникла в один миг, как написано в библейской Книге Бытия, и что мир постоянно меняется. Интересно, есть ли у нас по соседству вулкан? Возможно ли, что однажды нас погребет под собой новый слой камня и нам останется только ждать, пока нас раскопают? Эта мысль привела меня в невероятное волнение, но поделиться ей с кем-нибудь я не рискнула.

Мир вокруг померк. Я слышала только голос, звучавший у меня внутри. Вдруг я почувствовала, как Джозеф трясет меня за плечо.

— Мэри! Мэри! Да ты же меня совсем не слушаешь!

— Надо найти его тело! — воскликнула я, не обратив внимания на его слова, и начала торопливо расчищать остатки глыбы молотком и руками.

— Мэри, это бесполезно! Надо довольствоваться тем, что есть. За него мы и так выручим целое состояние.

— Целиковый скелет будет стоить дороже, — заметила я.

Внутри закипало упрямство. По какому праву он указывает мне, что делать?! Разве не я первой почувствовала, что внутри этой глыбы таится сокровище?

Наверное, я бы просидела у этой кучи из глины и камня всю ночь, охраняя спрятанное в ней бесценное существо, если бы

Джозеф не поднял меня на ноги силой и не заставил вернуться домой.

— Мэри, сейчас же прекрати свои раскопки! Вернешься завтра, ничего страшного. Какой толк возиться в темноте?

Я бросила последний взгляд на таинственное создание и тихо пообещала:

— Я отыщу твое тело. Клянусь. Чего бы мне это ни стоило.

На подходе к дому я дернула Джозефа за рукав. Он замер.

— Только матушке ни слова. Пообещай! — сказала я.

Джозеф явно смутился.

— Но почему? Не могу же я не рассказать ей о нашей удивительной находке! А! Понял! Ты, наверное, дуешься из-за того, что *я* ее первым увидел!

Я покачала головой:

— Дело совсем не в этом. Надо найти то, что осталось. Тело! Оно, наверное, просто огромное, судя по голове! С ним мы сможем заработать гораздо, гораздо больше. Пожалуйста, повремени с рассказами. Давай сперва соберем весь скелет, а потом скажем матушке. А то ведь она сразу велит продавать голову, но без нее никакого открытия уже не получится!

— Сама ей это объясни, если хочешь. А мне не терпится рассказать о чудовище! В конце концов, голова куда важнее туловища!

Новость совершенно ошарашила матушку. Джозеф горделиво выпятил грудь, как павлин. Кажется, он напрочь позабыл все те похвалы, которыми осыпал меня, говоря, как здорово у меня получается разыскивать окаменелости. Он без конца повторял, что это самая удачная находка, которая непременно нас озолотит, рассказывал, что она чуть ли не сама прыгнула ему в руки.

Я сидела молча. Толком ничего не съев, я торопливо улеглась в свой уголок на тряпье и долго лежала без сна, прислушиваясь к шуму дождя и переживая, как бы глыбу не смыло к утру. Я вдруг поняла, что совсем позабыла о большущем «змеином камне», который нашла сегодня. Сперва я так им гордилась, но теперь он казался мне крошечным и никчемным по сравнению с находкой Джозефа.

Вскоре я задремала. Мне снились странные сны о гигантских востроносых угрях с хищными зубами. Когда я проснулась, то твердо пообещала себе, что непременно найду остальную часть скелета и ничто меня не остановит, даже лютая непогода.

18. Награда за терпение

Джозефу надо было идти на работу, и потому ему пришлось доверить мне вызволение черепа из каменных оков. Он страшно выделывался перед матушкой, хвастаясь тем, что разрешил мне «разделить с ним славу» и показал заветное место, где нужно искать дальше. Что за чушь! На самом деле я и сама прекрасно знала, где продолжать поиски, а ему попросту было лень выкапывать кости самому, к тому же это занятие его совершенно не интересовало. Впрочем, меня такой расклад не слишком расстроил. Все шло ровно так, как я и хотела.

Впервые в жизни матушка вызвалась сопровождать меня к Черной Жиле. Меня это ничуть не обрадовало, но ее было не переубедить. Я торопливо шла впереди, не обращая внимания на ее просьбы сбавить шаг или взять ее под руку, чтобы она ненароком не оступилась.

Увидев чудовище, матушка сперва потеряла дар речи. А потом обвела пальцем глазницу и потрогала острые зубы. Затем с молниеносной быстротой выхватила из кармана фартука зубило и начала освобождать чудовище из каменной тюрьмы. Наверное, когда-то давно она видела, как это делает отец, и теперь повторяла его движения. С минуту я наблюдала за ее стараниями, а потом у меня иссякло терпение.

— Стой! — закричала я и вырвала у нее из рук инструмент. — Ты, чего доброго, раскрошишь кости или камень расколешь! Хватит. На то, чтобы расчистить скелет как следует, уйдет несколько недель. Отец однажды потратил почти целый месяц на расчистку большого «змеиного камня», а ведь он знаток этого дела! В отличие от тебя!

— Следи за языком, юная леди! — гневно воскликнула матушка, но я пропустила ее колкость мимо ушей. Меня просто разрывало от гнева. Мне хотелось поскорее начать поиски туловища, но оставить матушку наедине с головой было боязно.

— Тогда не уродуй нашу лучшую находку! — выпалила я в ответ. — И оставь меня в покое. Я знаю, что делать!

Она подошла ко мне вплотную и заглянула в глаза.

— Нам очень нужны деньги, которые можно выручить за эту штуковину, Мэри, — проговорила она. — Уж об этом, наверное, напоминать не нужно? Как и о том, что она может спасти тебя от работы судомойкой? — В голосе у нее зазвучали угрожающие нотки, но они только сильнее меня разозлили. Матушка своими глазами увидела голову чудовища. Что еще ей здесь нужно?

— Спасибо, я это знаю. Но целый скелет будет стоить куда

дороже одной головы, точно тебе говорю. К тому же до Пасхи его все равно никто не купит.

— Спорить с тобой бесполезно, да, Мэри? — заметила матушка, нервно вытирая руки о подол. — Все-то ты знаешь лучше других! Что ж, ничего страшного, можно и повременить немного, если, как ты говоришь, покупателей не будет ни в этом месяце, ни в следующем. Ты или, вернее сказать, Джозеф нашел эту громадину очень быстро. — Услышав имя брата, я невольно поморщилась. — Уверена, и остальную часть скоро удастся раскопать. Просто помни: время идет.

С этими словами матушка повернулась ко мне спиной и зашагала в сторону дома. Ну наконец-то! Нечего ей тут делать! Это царство принадлежит лишь мне и отцу!

Вдруг я почувствовала себя ужасно одинокой. Вообще-то мне нравится одиночество. Я была рада, что Джозефа нет рядом, я не боялась, что он первым найдет и другие части скелета… Впрочем, наверное, немного опасалась. Но куда важнее было то, что теперь я могла сосредоточиться. И все же здесь, на каменистом грязном берегу, продуваемом злыми ветрами, под свинцово-серым небом, я чувствовала себя ужасно одинокой.

Боль вспыхнула в груди жарким пламенем. Отец! Как мне его не хватало! Как мне хотелось, чтобы он был со мной, говорил, что делать дальше, защищал меня, хвалил — да-да! — и подбадривал. В конце концов, если бы не он, меня бы здесь не было. Если бы он не начал с самого детства брать меня с собой на берег, а оставлял бы с матушкой, я бы наверняка теперь что-нибудь штопала или стряпала. Или приглядывала за малышами. Эта мысль меня насмешила. Я прекрасно понимала, что такое попросту невозможно. Рано или поздно я все равно оказалась бы здесь — с отцовской помощью или без нее.

Но справлюсь ли я теперь одна?

Я не хотела думать об этом. Никогда еще меня не одолевали сомнения в собственных силах. Я всегда, всегда верила, что справлюсь. Матушка называла это упрямством. Отец восхищался мной, называл Молнией Мэри и говорил, что таков уж мой характер. Но где же моя молниеносность теперь?

Я села на одну из каменных глыб и достала из своего походного мешка книгу. Неясно, с какой стати ее назвали «иллюстрациями», потому что никаких картинок в ней не было — только сотни и тысячи сложных слов. Судя по всему, там говорилось о какой-то другой книге, настолько непонятной для читателей, что мистер Плейфер решил ее разъяснить. Мне все равно мало что было понятно, и я сомневалась, что смогу прочесть этот труд целиком, но продолжала носить книгу с собой.

Она ведь научная, а я ученый! Во всяком случае, так думает Генри. А ему надо верить. Я убрала подарок миссис Сток в мешок.

Чудовище, судя по всему, умерло там же, где мы его нашли, раз челюсти сохранились полностью. А значит, остальной скелет должен быть где-то неподалеку. Прошлой зимой я нашла в снегу тельце закоченевшей насмерть крысы и спрятала его у заброшенной могилы на кладбище, чтобы понаблюдать, как скоро от него останутся одни кости.

Ждать пришлось дольше, чем я думала. Никто не спешил есть эту крысу, и она начала разлагаться только с приходом тепла, когда появились мухи и черви. И лишь в июле от грызуна остался один голый скелет. Челюсть отвалилась, крошечные косточки разъединились, но все равно было понятно, что они принадлежали именно крысе. Зубы, когти и хвост выглядели как у живого зверька, и, хотя вокруг сновали птицы, мыши и другие крысы, останки лежали там же, где я их когда-то оставила. Мне вспомнился рассказ миссис Сток о ее коте, гадком Зебедии. Он любил отгрызать мышам головы, тельце съедал целиком, выплевывая желудок, а кости перемалывал с такой легкостью, будто это травинки. Не раз по утрам миссис Сток доводилось найти мышиную голову в судомойне, лапки — на кухне, а крошечный мерзкий зеленоватый желудок — в холле.

Но найденное чудовище погибло давным-давно, гораздо раньше, чем моя крыса или мышки Зебедии. Оставалось только надеяться, что этот крокодил умер своей смертью, а не от зубов хищника вроде кота миссис Сток, иначе одному богу известно, как теперь собирать весь скелет. Я попыталась представить, каким огромным должен был быть хищник, чтобы обезглавить моего крокодила, и невольно содрогнулась. Зебедия вот раз в пять крупнее мыши! Впрочем, воображать сейчас без толку. Нужно сосредоточиться на работе и верить в то, что скелет совсем рядом. А вдруг тут есть что искать?

Я продолжила возиться с глыбой, в которой Джозеф отыскал голову чудовища, старательно счищая грязь и камень зубилом, слой за слоем. Дело шло медленно. Какой же Джозеф везунчик! Ему и работать-то почти не пришлось!

Руки начали неметь, но я продолжала трудиться. Когда пальцы совсем окоченели и уже не держали инструмент, я стала работать усерднее, стиснув зубы от боли: ногти то и дело ломались, а один даже оторвался. Но наверняка цель уже близка! Совсем близка! Иначе…

Казалось, скалистый берег накренился ко мне, закрывая собой свет. Потемневшее море беспокойно шумело, прилив подбирался все ближе.

Мне очень нужен был какой-нибудь знак, доказательство, что я ищу в правильном месте, но увы. Я не нашла ничего, кроме грязи, глины, мидий, устриц и корней дерева, погибшего много лет назад.

Я совсем выбилась из сил, а руки перепачкались в грязи и крови. Зашла на мелководье и опустила их в воду. Кончики пальцев тут же защипало от морской соли, а то место, где раньше был ноготь, словно огнем обожгло.

— Мужайся, Мэри, — сказала я себе, — и за старания тебе воздастся!

Я решилась на последнюю попытку, прежде чем вернуться домой и оправдать свою неудачу.

Подтащив к себе каменистый обломок упавшей глыбы, я с силой ударила его молотком. Он раскололся надвое.

Сперва мне показалось, что внутри ничего нет, но потом… Потом я увидела что-то маленькое, серое и невзрачное. Сначала мне подумалось, что это зуб, но когда я вытащила находку, то разглядела нечто совсем иное. Круглую кость, похожую на яблоко с вычищенной сердцевиной. С одной стороны у нее торчали три нароста: два походили на подрезанные крылья, а один указывал вверх, будто плавник. Там, где все три нароста соединялись, темнело отверстие. Я вскочила, разминая затекшую спину, потерла шею, а потом с улыбкой погладила свою находку. Теперь точно ясно, что чудовище умерло целым, ведь у меня в руках лежал кусочек его шеи!

А там, где есть шея и голова, должно вскоре найтись и туловище. Оставалась одна проблема. Нерасчищенный кусок глыбы был небольшим — всего фут в длину. Весь скелет в нем попросту не уместился бы. А это значило лишь одно.

Я оглядела скалистый берег. Добраться до того места, с которого сошел оползень, будет непросто. Непросто и опасно. Там, где раньше был кусок скалы, теперь остался лишь каменистый выступ — и он почти наверняка скрывал остаток скелета. Но как до него добраться? Если начать работу снизу, выступ обязательно обрушится прямо на меня. Если подступиться к нему сверху, то он непременно упадет под моим весом, пусть я и легкая как перышко. Я пролечу двадцать, а то и тридцать футов. Такое падение точно меня искалечит. А то и убьет.

Что ж. Я решила подумать над этой задачкой завтра. А пока у меня оставалось одно последнее дело, с которым надо было покончить до захода солнца.

Я достала последний обрывок бумаги, спрятанный в книжку по геологии. Положила кусочек шеи рядом с головой и начала старательно зарисовывать находки, как меня учил Генри. А потом

написала: «Череп гигантского крокодила, найденный Джозефом под моим руководством, и позвунок, обнаруженный мной. За кровь извини». Затем я аккуратно сложила листок и вывела на нем адрес Генри. А потом спрятала позвунок в мешок и поспешила в город.

— Джозеф с Натаниэлем пошли за чудовищем, — объявила матушка, когда я вернулась домой. — Вдруг его еще кто-нибудь найдет? Нельзя рисковать. Да и потом, если его и впрямь надо так долго готовить к продаже, то лучше заняться этим здесь. Я к нему не притронусь, обещаю! Ты меня убедила, что сноровки мне в этом деле недостает.

Джозеф со своим приятелем Натаниэлем явно намучились, пока везли чудовище с берега, — когда они вернулись на Кокмойл-сквер с тачкой, скрипящей под тяжелой ношей, лица у них были красные и потные. Вчетвером мы с трудом втащили череп в дом по ступенькам и положили на пол посреди кухни.

В тот вечер матушка дала нам немного свечного сала, чтобы у нас было побольше света, ведь нам предстояло счищать остатки камня с черепа, а это весьма кропотливый труд. Она рассталась с этими запасами так охотно, что я тут же разгадала ее умысел. Я всячески тянула время и старалась работать как можно медленнее, ведь чем дольше мы будем откладывать продажу черепа, тем выше шансы найти остаток скелета на берегу.

Но матушку было не так-то легко провести.

— Сдается мне, Мэри, ты не шибко торопишься освободить эту зверюгу, — заметила она, вскинув бровь.

— На то есть причины, — смело ответила я. — Гляди. — И я протянула ей позвунок.

— С виду ничего особенного, — отозвалась матушка, разглядывая мою находку.

— Это доказательство того, что остальная часть скелета где-то рядом, и я собираюсь ее отыскать. Я должна ее найти. А тебе придется потерпеть.

Нужно было придумать, как подступиться к этим поискам, ведь скелет сокрыт в месте, которое толком-то и не разглядишь, а добраться до него и того сложнее. Но сказать об этом матушке я никак не могла.

19. Нет ничего невозможного

Я вернулась к глыбе и нашла еще девять позвунков, а потом восемь больших изогнутых сверху ребер, тонких, как кнут. Мне вспомнились лошади, у которых ребра тоже изогнуты, чтобы защитить сердце и легкие. Я нащупала и свои собственные ребра — это оказалось несложно, ведь я была ужасно худой. Чудовище, наверное, было шире меня раза в два, а то и в три.

Я старательно зарисовывала все находки и нумеровала их, чтобы запомнить порядок, в каком они были найдены. К моей огромной радости, Генри написал, что у меня выходят почти такие же точные зарисовки, как у него. Тщеславие мне чуждо, но все равно было очень приятно, что он похвалил мои рисунки, которые и впрямь с каждым разом становились лучше.

Еще мне встретились любопытные тонкие мелкие косточки и маленькие квадратики, похожие на кусочки черепицы. Сперва я решила, что это частички одной крупной кости, но их правильная круглая форма наводила на мысль об их особом назначении. Казалось, у меня в руках разрозненные кусочки мозаики. И их было чересчур мало, чтобы догадаться, как выглядит вся картинка. Сложить ее я смогу только тогда, когда соберу скелет загадочного чудовища целиком. Я надеялась на чудо, вот только оно редко случается.

Много часов я смотрела с берега на заветный выступ, мысленно умоляя его обрушиться к моим ногам, но он оказался таким же упрямым, как я сама, и сохранял неподвижность. Казалось, ничего уже с ним не поделать, и от этих мыслей я было отчаялась. Я уговорила матушку оставить мне череп еще ненадолго, хотя бы до моего дня рождения в мае. Но день рождения прошел, а праздновать по-прежнему было нечего — утес так и не обрушился.

Чтобы мы все же могли как-то жить, я неохотно вернулась к поиску мелких окаменелостей на продажу богатеям. «Змеиные камни» пользовались успехом еще и у фермеров, которые называли их судорожными камнями. С их помощью они лечили скот от колик: клали камни в воду, настаивали ее, а потом поили ею зверей. Некоторые верили, что камни помогают от змеиных укусов, но миссис Сток считала, что это полная ерунда. Однажды она поделилась со мной историей о пастухе, ужаленном гадюкой где-то посреди вересковой пустоши. Беднягу нашли мертвым. Он был весь раздутый, как корова, а в руке сжимал «змеиный камень», который ему ничем не помог. Но люди выкладывали за эту диковинку хорошие деньги, и я их не переубеждала — пусть

верят в эту чушь, если им так хочется. Впрочем, чудесных исцелений я им не обещала. И не рисовала на камнях змеиные головы и глаза, чтобы обмануть клиентов, как делали некоторые торговцы.

Матушка, казалось, совсем позабыла, как я бранила ее за неуклюжие попытки почистить находки зубилом, и сопровождала меня на берег до конца той долгой весны. Первое время я с трудом выносила ее присутствие. И потому показывала ей, как искать сокровища, а сама отходила подальше. До чего странно было слышать, как она зовет меня, чтобы похвастаться найденными ею мелочами! Увидев жалкую кучку рыбьих костей, я не смогла изобразить восхищение. В конце концов я велела ей искать симпатичные ракушки — у знатных дам они пользовались большим спросом. Матушка охотно принялась за эту работу, а я наконец спаслась от потока докучливых просьб посмотреть, не нашла ли она кусочек нашего чудовища или еще какую редкость, — хотя на деле ей попадались одни только камни необычной формы да осколки стекла, обточенные морскими волнами. Впрочем, однажды она расколола глыбу и нашла внутри весьма неплохой «змеиный камень», но ее радость оказалась такой неуемной и шумной, что я взмолилась, чтобы Бог больше не посылал ей таких находок.

Зато когда дело доходило до торговли, наш союз был непобедим. Недаром говорят, что две женщины способны выманить у покупателя куда больше денег, чем любой мужчина. Может, я и впрямь унаследовала этот талант от матушки? Во всяком случае, торговаться она умела блестяще. Порой мне казалось, что народ приходит к нашему столику с диковинками просто поглазеть на нас с матушкой. Жаль, что нельзя было стрясти с них плату за это. Тогда бы мы разделались с долгами гораздо раньше.

Конечно, большинство посетителей искали у нас какой-нибудь недорогой сувенир на память об отдыхе, но была среди них и одна особенная покупательница. Она всегда внимательно разглядывала все окаменелости и явно понимала, какие из них представляют наибольшую ценность.

В один из дней я долго наблюдала за ней, а потом вдруг вспомнила, где мы с ней виделись раньше. Два года назад, а то и больше именно она купила у меня на кладбище «бараний рог»! Покупательница тоже смерила меня взглядом и улыбнулась.

— Рада, что вы меня узнали, мисс Эннинг. Знаете, чему дал начало замечательный аммонит, который я у вас купила?

— «Бараний рог», — поправила я. Какой еще «аммонит»? Что вообще значит это слово? — И чему же?

— Коллекции. Я ведь пошла по вашим стопам. Нет, не в прямом смысле слова, конечно. Мне недостает вашей храбрости, но все же я отыскала и приобрела кое-какие сокровища. Быть может, вы захотите пойти со мной и взглянуть на них? — Она протянула мне руку в перчатке. — Меня зовут Элизабет Филпот, и…

— О! Вы, что ли, из тех самых Филпотов, что продают «Филпотс-крем»? — перебила матушка. — Вы, наверное, неплохое состояние на этом сколотили!

Мисс Филпот вновь улыбнулась.

— Именно так. А вы, миссис Эннинг, пробовали нашу мазь?

Матушка только фыркнула:

— Я-то? Нет, конечно! Нет у меня денег на эти ваши модные натирки!

— Охотно погляжу на вашу коллекцию! — ответила я, пока матушка не успела продолжить дурацкий разговор о мазях. — Хоть сейчас, если вы не против.

Мисс Филпот согласно кивнула, и мы, не дожидаясь матушкиных возражений, бодро зашагали к холму, на котором стоял ее дом, — вытянутое невысокое здание с соломенной крышей, густо обвитое плющом и выкрашенное в цвет вареного рака.

Мы вошли в комнату, где все стены, от пола до потолка, были уставлены книгами, а в самом центре стоял большой деревянный ящик со стеклянной крышкой. Элизабет достала из секретера ключ и открыла крышку.

— Прошу, подойдите сюда. Можете осмотреть мои экспонаты, если хотите. Как видите, ваш «бараний рог» лежит на почетном месте!

Передо мной предстало множество всяких диковинок: тут были и изящные рыбьи скелеты, застывшие в сланце, и морская звезда, и прекрасно сохранившиеся останки древней каракатицы, и несколько замечательных «змеиных камней» и «бараньих рогов», среди которых мой, надо заметить, оказался самым красивым.

— На берегу я вас ни разу не видела, да и среди покупателей тоже. Откуда у вас это все? — спросила я.

— Большинство экспонатов я нашла сама. Правда, я предпочитаю искать диковинки в ясные дни, а непогоды опасаюсь. Возьмете меня как-нибудь с собой на поиски? Буду ужасно рада отправиться с вами!

— А я вот — не очень. Так как вы назвали мой «бараний рог»?

— Аммонит. Их много разных бывает. Свое название они получили в честь древнеегипетского бога Амона, у которого были

закрученные, как у барана, рога, так что ваше название этой диковинке тоже подходит. Аммонитами такие окаменелости стали называть ученые-коллекционеры. Если хотите, могу вам одолжить научную книгу о них. Или даже несколько. Вот, к примеру, моя любимая. — И она протянула мне тоненькую книжицу.

— У меня уже есть одна книжка о геологии, — сообщила я. — Но в ней совсем нет картинок. А тут есть?

Она смущенно поглядела на меня.

— Ну конечно! Как же я сразу не догадалась! Я могу научить вас читать, чтобы вы пользовались моей библиотекой.

— Большое спасибо, но читать я и так прекрасно умею. Бедный не значит глупый. Мне просто нужны хорошие иллюстрации с подробными подписями, чтобы сравнить с ними мои находки и наблюдения, — уточнила я и довольно грубо, признаюсь, выхватила у нее из рук книгу.

— Что-то разговор у нас не клеится. Пожалуйста, простите меня! Я так хочу с вами подружиться!

— Друг у меня уже есть, — ответила я. — Правда, он сейчас далеко, но скоро оставит муштру, вернется сюда и станет ученым, как я.

Приятно было рассказать ей о том, что я ученый, и в то же время хотелось думать, что сама мисс Филпот себя ученым не считает.

— Хорошо, что у вас есть друг! — произнесла она с неизменной улыбкой. — Очень рада за вас, Мэри, но неужели у вас не найдется времени на еще одного друга? Обещаю, что не буду вам докучать. Можете брать мои книги, а еще я очень надеюсь, что мы как-нибудь вместе сходим на берег. И потом, я могу свести вас с людьми, которые были бы чрезвычайно рады с вами познакомиться и могут помочь вам в ваших изысканиях.

Я всмотрелась в ее лицо. Казалось, она говорила искренне. Наверное, это я повела себя слишком резко.

— Знаете, Мэри, когда я нахожу в камнях останки какого-нибудь древнего существа, меня охватывает такое волнение! Подумать только, это создание жило на свете бессчетное множество лет назад! Просто уму непостижимо! Я сразу начинаю казаться себе такой маленькой и никчемной. Наша жизнь столь коротка… Я часто думаю, как же оставить свой след в истории? Довольствоваться тем, что меня запомнят лишь как продавца мази? Или же мне хочется большего, хочется оставить после себя наследие, которое увековечит мое имя? Наверняка вам, Мэри, знакомо это чувство, пусть вы еще и юны. Думаю, мы с вами очень похожи. Мы обе в поиске. В поиске правды и знания. Меня

нисколько не интересуют всякие блестяшки, побрякушки да безделушки. Я мечтаю собрать коллекцию, которая будет ничуть не хуже лондонских, и кто мне запретит? Никто на свете не помешает нам делать то, что хочется, Мэри!

Меня изумили ее слова про «бессчетное множество лет». Значило ли это, что она разделяет идеи мистера Хаттона? Говорила она без всякой опаски. Казалось, она нисколько не боится моей реакции. Здорово, что можно безопасно обсуждать подобные темы с таким храбрым человеком, как мисс Филпот!

Может, мы и впрямь похожи, пусть она старше, богаче и образованнее меня? Мне подумалось: а не рассказать ли ей о чудовище, но я решила держать язык за зубами. Мы еще слишком мало знакомы, чтобы доверять ей такие тайны. Мисс Филпот мне нравилась, я чувствовала, что мы с ней подружимся, и надеялась, что она поможет мне получше разобраться в геологии.

Внимательно посмотрев ей в глаза, я поблагодарила за книгу и добавила:

— Вечером я пойду на побережье ракушки искать. Если хотите, можете присоединиться.

— О, еще бы! — воскликнула она и захлопала в ладоши. — Страсть как хочу!

***

Немало вечеров провели мы с мисс Филпот на побережье за поиском ракушек. Она оказалась очень приятным и образованным помощником. Назубок знала научные названия всех моих находок и быстро научила им и меня, что было очень кстати. Первое время я не отваживалась спросить ее в лоб, что она думает о Боге и Сотворении мира, но чувствовала, что скоро, когда начну ей доверять, заведу этот разговор. Через несколько дней мы уже и впрямь с жаром обсуждали всевозможные идеи и теории.

Как-то раз, когда мы шли по Сильвер-стрит к Элизабет (теперь я звала ее именно так), чтобы попить вместе чаю, моя спутница остановилась у кузницы. Мы стали наблюдать, как подковы сперва раскаляли докрасна в огне, потом придавали им нужную форму на наковальне, затем погружали в ведра с водой, которая тут же начинала громко бурлить и шипеть, словно дикий зверь.

— Как вам кажется, Мэри, была ли наша планета выкована в вулканическом пламени или зародилась в океанских водах? — спросила Элизабет. — Плутонист вы или нептунист?

К счастью, я уже успела одолеть книгу, подаренную мне

миссис Сток, и немного разбиралась во всей этой истории.

— Работы мистера Хаттона и мистера Плейфера убедили меня в том, что Земля — порождение скорее огня, чем воды, хотя я живу у моря и каждый день вижу его мощь. Оно скорее разрушает Землю, чем создает ее. Мне кажется, камни — это страницы огромной книги земной истории, а существа, заточенные в них, — цветы, засушенные меж страниц. И на старый камень всегда ложится новый, — поделилась я с ней, гордясь тем, что назвала имена таких уважаемых джентльменов и показала понимание их трудов.

Элизабет улыбнулась, и в ее взгляде, посмею заметить, тоже мелькнула гордость. Она мной гордилась!

Пока я делилась с мисс Филпот своими соображениями, многочисленные Мэри в моей голове пришли в страшное смятение. Одна из них даже хотела заткнуть уши, чтобы не слышать разглагольствований, идущих вразрез с Библией. Мне было прекрасно известно, что большинство людей верит, будто Землю создали не огонь с водой, а Господь Всемогущий, Творец этого мира и всего, что в нем обитает. Впрочем, некоторые считали, что Сотворение мира за шесть дней — это выдумка, и соглашались с моим отцом в том, что, даже если речь и впрямь шла о днях, они были куда длиннее нынешних. Во много раз длиннее.

— Сравнение с книгой очень точное, — похвалила меня Элизабет, словно прочитав мои мысли. — Интересно, сколько потребуется десятков тысяч лет, чтобы возникла и истерлась каждая каменная страничка? Трудно себе представить. А что за существа, куда более диковинные, чем те, что хранятся в моем ящике, заточены среди этих листов?!

Ровно эта же мысль уже давно не давала мне покоя. Мне даже подумалось как-то: что если существа, подобные моему чудовищу, это ошибка Господня, которую Он потом уничтожил и похоронил? Но я тут же со страхом и трепетом отмахнулась от этой мысли. Разве у Бога бывают ошибки? Об этом ни в коем случае нельзя рассуждать вслух. Или все-таки можно?

Мы с Элизабет встретились взглядами. Казалось, она прекрасно знает, какие битвы устраивают толпы Мэри у меня в голове, и ждет, пока какая-нибудь из них не скажет что-нибудь ошеломляюще смелое.

— И вы их непременно отыщете, Мэри, — сказала Элизабет. — Я в этом совершенно уверена.

Я молчала. Настал подходящий момент для рассказа о моем чудовище, но я решила подождать. Я была не готова. Рано еще для таких откровений. Пока что надо думать о том, какую пользу

можно извлечь из наших разговоров.

Еще одним значимым преимуществом Элизабет было то, что она нисколько меня не раздражала. Наверное, не случайно ее семья сколотила приличное состояние на продаже ранозаживляющей и противоожоговой мази, потому что общество мисс Филпот само по себе успокаивало и умиротворяло.

И все же даже она не в силах была положить конец моим мучительным мыслям. Тело чудовища по-прежнему погребено где-то на берегу, и я не могла до него добраться. Каждую ночь я лежала без сна, силясь придумать, как же мне его достать.

Я попыталась вскарабкаться по крутому берегу, но руки скользили, и я так и не сумела приблизиться к заветному выступу. Мне удалось подняться на высоту примерно пятнадцати футов, но до цели было еще далеко — футов десять, а то и больше, причем над тем местом, откуда обрушилась глыба с черепом, темнел выступ, также оставленный обвалом. Представьте себе купол из грязи, корней и камня, который может упасть на вас в любую минуту. Перспектива, прямо скажем, так себе.

***

Однажды я отправилась в поле, простирающееся над утесом, и подошла к нему не снизу, а сверху в надежде, что так у меня получится подобраться поближе к заветному выступу. Он не был верхушкой мыса, как мне сперва показалось, а виднелся десятью футами ниже. Наверное, это был кусок утеса, который начал обрушаться, но застрял на полпути. А значит, он мог обвалиться в любой момент.

Мне всегда нравилось покорять высоты, но вот спускаться с них я боялась. В голове звучал отцовский голос, предупреждая меня о том, что Черная Жила коварна и непредсказуема, напоминая, сколько людей и зверей здесь погибли. Но надо было все же набраться смелости и попробовать.

Я осторожно спустилась на небольшой уступ чуть выше заветной глыбы, но стоило ногам коснуться почвы, как стало понятно, что мой вес слишком велик. Меня охватил ужас. Вниз тут же полетел град камней, а я в последнюю секунду чудом успела вернуться наверх и рухнула в траву. Я легла на живот, прижавшись щекой к земле. Я слушала, как бешено колотится сердце, и думала, как же подобраться к скелету чудовища.

Я немного полежала в траве. Земля была влажной и холодной. Кругом тихо, только море шумело в пятидесяти футах

подо мной. Мне подумалось, что бы случилось, потеряй я равновесие. Как упал отец в тот страшный день? Хватался ли он в отчаянии за грязь и камни, пытаясь удержаться? Осознавал ли, что непременно умрет?

Потом я спросила себя: а *жива* ли я? Может, я уже упала и расшиблась насмерть? Может, я уже погибла? Как понять, где я: в реальности, во сне или в загробном мире? Сказать по правде, эти мысли очень меня напугали, потому что в них не было ничего разумного или научного. И все же я несколько минут размышляла о том, как доказать себе, что жива. Наверное, потому, что мне уже приходилось сталкиваться лицом к лицу со смертью.

Вдруг затылок обдало чьим-то теплым дыханием. Я повернулась на спину и оказалась нос к носу с коровой. Животное отпрянуло от страха, забрызгав мне лицо слюной. Я утерла его рукавом и села. Корова была не одна — позади стояло несколько ее сородичей, впрочем, не таких храбрых или не столь любопытных: они жались друг к дружке, выдыхая облачка густого пара.

— Стало быть, я жива, — проговорила я вслух.

Коровы испуганно попятились, не сводя с меня глаз.

Я поднялась на ноги, и маленькое стадо кинулось прочь. Две коровы мчались, как лошади, а остальные двигались порывисто и неуклюже. Встреча со мной явно стала их главным приключением за этот день. Моим приключением была глыба, вот только повторять его совсем не хотелось.

Было ясно одно: нужен новый обвал. Но произойти он мог лишь по милости матушки-природы да погоды. Это могло случиться через несколько месяцев или даже лет. Дождусь ли я? Сумею ли убедить родных не продавать череп столь долгое время?

Нужно было все хорошенько обдумать. Поэтому я не стала поворачивать назад, а направилась в сторону Роуд-Бартона, намереваясь обогнуть ферму сквайра Стока и в обход вернуться домой, проделав путь длиной в три мили, а то и больше. Времени на то, чтобы привести мысли в порядок и освободить в голове место для новых идей, было предостаточно.

Взобравшись на Драконий холм (какое пророческое название, если вдуматься!), я заметила впереди, у резкого изгиба проселочной дороги, какое-то оживление. Несколько рабочих вбивали клинья вдоль края обрыва, за которым простирался лесистый склон, а за ними наблюдала толпа зевак. Среди рабочих я узнала Джосайю Дженкинса, который трудился на местной шахте.

Я подбежала к самому краю обрыва и посмотрела вниз. В

тридцати футах от меня на земле валялась повозка, запряженная двумя лошадьми. Животные тщетно пытались подняться, но упряжь крепко придавливала их к земле. Повозка лишилась двух колес. Кучер стоял на ногах и стонал, держась за плечо. Кровь залила ему голову и одежду. Пассажиров вокруг видно не было.

Рядом со мной остановилась незнакомая старуха. Ее пожелтевшие от старости глаза так и сверкали от восторга. Она схватила меня за запястье когтистой рукой, но, кажется, совсем не обиделась, когда я вырвалась.

— Там было двое пассажиров! Погибли они, это уж как пить дать. И лошадь одна расшиблась порядочно, того и гляди помрет. Повозка крепко застряла в овраге, туда хода нет, да и оттуда выбраться трудно — земля скользкая, как спина угря. Непросто будет ее достать! Тем паче что под повозкой застрял еще один бедняга, видишь? Рухнул с сиденья, а потом повозка его сверху как пригвоздит! Право слово, так все и было! Не позавидуешь бедолагам, конечно!

Она восторженно потерла руки, наблюдая за происходящим, но я смотрела совсем в другую сторону.

Подоспели новые рабочие с веревками. Они прочно закрепили веревки на клиньях, обвязали себе вокруг пояса и начали осторожно спускаться по крутому склону спиной вперед. Медленно ослабляя натяжение, они словно скакали по косогору. До чего же хитроумный способ!

И тут меня будто громом поразило. Ведь именно так можно покорить Черную Жилу и добраться до сокровищ!

— Ты что это, не хочешь посмотреть, как их спасать будут? — крикнула мне вслед старуха, когда я кинулась прочь.

Но меня интересовало лишь одно: вызволение моего чудовища из Черной Жилы!

«На свете нет ничего невозможного! — сказала я себе. — Ровным счетом ничего!»

20. Кости и камни

На следующий день я разыскала Джосайю Дженкинса в городской таверне. Он увлеченно рассказывал небольшой группе посетителей, как вытащил людей из оврага, — в том числе и одного раненого, которого поднимали на старой двери.

— Зря только время на него тратили. — Джосайя сделал приличный глоток из большой пивной кружки. — И двух часов не прошло, как он помер, ибо расшибся в лепешку, что твой помидор. Да и лошадь одну пристрелить пришлось. Бедняга! Видать, и хребет поломала, и плечо. Зато вторая оказалась целехонька! Приземлилась на возницу, как на подушку.

Вдруг он заметил меня, стоящую неподалеку.

— О! Видел тебя давеча у обрыва, но ты потом убежала. Испугалась, небось?

— Кто, я? Да ни капельки! У меня к вам есть дело.

Он рассмеялся, и мне это не понравилось. Я вытянулась во весь рост. Вообще-то быть женщиной — удовольствие небольшое, но в тот миг я порадовалась, что уже не маленькая девочка и могу говорить с Джосайей на равных, как взрослый со взрослым.

— Хорошо заплачу, если сделаете все, как нужно, — сказала я со всей серьезностью, чтобы он понимал, что я с ним не шутки шучу.

Один из собутыльников склонился к нему и пояснил шепотом — таким громким, какого еще свет не слыхивал:

— Это дочурка Ричарда Эннинга. Того, что упал с Черной Жилы, слег и умер. Ее еще молнией в детстве ударило, но она выжила. Та еще егоза, будь с ней поосторожнее!

— Так ты Ричарда дочка? — уточнил он. — Ну точно, я же видел, как ты что-то выискиваешь на берегу! — Он смерил меня взглядом, и это мне тоже не понравилось. — Ну выкладывай, что у тебя за дело.

— Мне нужно добраться до одного местечка на Плевках. При помощи ваших веревок и клиньев. Сперва надо свалить вниз один из выступов, но это несложно — даже под моим весом он уже начинает шататься. А еще меня нужно научить спускаться по отвесной скале, как вы спускались в овраг. И помочь перенести одну находку с берега в Лайм-Риджис.

— Находку? Какую еще находку?

— Это уже не ваше дело, — отрезала я. — Ну что, по рукам?

— Работенка-то опасная, — заметил он и отхлебнул еще один гигантский глоток из кружки.

— Вовсе нет, если вбить клинья подальше от края, —

заметила я.

Он взглянул на меня с уважением.

— *Для вас* опасная, мисс Эннинг, — уточнил он. — Вижу, вы унаследовали отцовское упрямство. Стало быть, опасность нисколько вас не пугает?

— Нет. Тем более что риска можно избежать, если все сделать под грамотным руководством.

Услышав эти рассуждения, выпивохи расхохотались. Но я не обратила на них никакого внимания.

— Наверняка вы потребуете плату вперед. Могу предложить вам либо гинею, либо десятую часть… — Я едва не сказала «сокровища», но вовремя осеклась. — …От продажи находки. В таком случае вам придется подождать. Но оно того стоит.

— Находки… — задумчиво повторил Джосайя. — Вы отыскали серебро, мисс Эннинг? А то и золото?

— О нет, куда более ценное сокровище!

— Помяни мое слово, там наверняка окажется какой-нибудь древний скелет, — заметил мужчина, обозвавший меня егозой. — Сам знаешь, как Ричард носился со своими диковинками. Богачи ведь охотно их скупают. Нашлось что-то интересненькое, да, юная мисс?

— Именно, — ответила я. Больше я ничего рассказывать не стала, опасаясь, как бы кто из них не пошел на берег и не нашел туловище быстрее меня.

Джосайя Дженкинс присвистнул. Его рот был почти весь черным, зубов там осталось мало.

— Ну что ж, мисс Эннинг. Мне нравился ваш отец. И о-о-очень нравится ваша матушка. — Он задорно мне подмигнул. Я холодно посмотрела на него. — Но больше всего мне по душе пари, так что давайте-ка скрепим наш договор! Пожмем же руки!

Он плюнул на свою большую ладонь и протянул мне руку, поросшую волосами, точно собачья лапа. Я плюнула на свою ладонь, и мы пожали друг другу руки. Это было не слишком приятно.

— Завтра. На вершине Плевков. В семь часов, — сообщила я и вышла вон. Я пошла домой с чувством глубокого облегчения и очень довольная собой, ведь на самом деле в кармане у меня не было ни пенса, но мне, к счастью, так и не пришлось в этом признаваться.

***

— Не понимаю, Мэри, — сказала матушка, складывая фартук.

Она присела на наш единственный стул. — Ты хочешь потратить деньги, которых у нас нет, на поиск сокровища, которого, возможно, не существует? А если и существует, то искать его надо там, куда никак не добраться? И куда подевалось твое благоразумие?

— Туда *можно* добраться, — ответила я. — При помощи людей и веревок. У меня есть план. Уверена, все получится.

— Но ты ведь не знаешь наверняка, там ли чудовище. И не можешь этого знать. Какой риск для жизни! Какие траты на пустом месте!

— Никакого риска нет, — упрямо сказала я. — А траты окупятся.

— Вот сдалась тебе вся эта затея! — раздраженно воскликнула матушка. — Ну, допустим, скелет этой зверюги и впрямь погребен в скале, и что с того? У нас уже есть голова! Все эти твои кусочки да осколочки никому не нужны! Тоненькие, как веточки, мелкие, как камушки! Ничего особенного!

— Погоди. Скоро увидишь мою находку. Она непременно прославит нас, помяни мое слово. Народ будет съезжаться сюда из самых дальних краев, только чтобы на нее взглянуть.

— Как будто он сейчас не съезжается, — хмуро заметила матушка. — Сколько же научной чуши внушила тебе эта мисс Лосьон-Помазьон!

— Мисс Филпот, — шепотом поправила я, но матушка продолжала:

— А может, это все заслуги мастера Ла-ди-да де ла Пляжа? Или книжки, которую ты так старательно прячешь? Да-да, юная мисс, я прекрасно знаю о твоей книге и о письмах!

— Ну и ладно, чего уже скрывать! — победно воскликнула я. — Планы составлены, а указания отданы!

Эта новость сбила с матушки спесь:

— Как же так?

— Я пообещала своим помощникам часть выручки от продажи скелета. Мы уже обо всем договорились, и пути назад нет.

— С чего бы взрослым мужикам слушаться двенадцатилетнюю девицу? — спросила она с изумлением. Впрочем, едва ли матушка ждала от меня ответа на этот дурацкий вопрос, ведь и сама отлично знала о моей баснословной настойчивости.

Сказать по правде, «мужики» согласились мне помочь скорее ради собственного развлечения, а вовсе не из-за моего упрямства. Ну и пускай. Меня это мало заботило.

Ранним утром я пришла на Плевки. К моему изумлению и

огромной радости, заветный выступ уже начал крениться вниз. А значит, свалить его к подножию скал не составит труда.

Вдруг кто-то схватил меня и с силой оттащил от края. Джозеф!

— Я следил за тобой. Матушка попросила. Что это еще за безумный план?

— Погоди немного! — сказала я. — Скоро увидишь, как я шагаю по этой отвесной скале, словно по ровному берегу!

Тут появился запыхавшийся Джосайя Дженкинс. Он тащил веревки и два больших клина, а помогал ему еще один рабочий, которого я уже видела в тот день, когда повозка упала в овраг. Он тоже спускался вниз по веревкам. Ни единым словом он не обмолвился ни со мной, ни с Джозефом. Джосайя не сообщил мне его имени, а я не стала спрашивать.

Джосайя окинул взглядом отвесный спуск. Я объяснила ему свой план. Он покачал головой. Я недовольно топнула. Он заартачился, но и я не желала уступать.

После долгих препирательств мои помощники наконец принялись за дело и проворно вбили клинья в травянистую землю.

Молчаливый спутник Джосайи взял веревку, затянул вокруг пояса и пошел к обрыву спиной вперед, глядя прямо перед собой. Восхищаясь его храбростью, я смотрела, как он переступает через самый край и исчезает из вида. Мы с Джозефом осторожно приблизились к тому месту, где он пропал. Незнакомец соскочил на шаткий уступ и начал прыгать на нем. Вниз тут же посыпались камни и комья земли. Джосайя подпер клин спиной, не давая ему упасть, — клин вздрагивал всякий раз, когда его спутник бил ногами по выступу.

Вдруг мы услышали оглушительный грохот, и выступ обрушился к подножию скалы. Спутник Джосайи забрался обратно, его лицо оставалось невозмутимо. Руки он тут же вытер о рабочую одежду. Они были все красные, ободранные о жесткую веревку. Я поглядела на свои ладони. Хватит ли мне сил, чтобы удержаться?

— А теперь научите меня, как спускаться, чтобы я смогла отыскать камень.

— В нем-то и прячется ваша драгоценная находка? — подмигнув мне, спросил Джосайя.

— Именно. — Я зыркнула на Джозефа, чтобы он ненароком не выдал нашу тайну, и он, кажется, понял, к чему я клоню.

— Может, все-таки я спущусь? — предложил брат. — Не женское это дело.

Я пропустила его вопрос мимо ушей, взяла вторую веревку и

попыталась обвязаться ею, как делал помощник Джосайи. Тот улыбнулся и осторожно показал, как это правильно делать.

Джосайя обвязал меня еще одной веревкой.

— На всякий случай. Ее я сам придержу, — пояснил он. — Джозеф! Возьми тот клин. А я этим займусь.

Они подперли клинья спинами. Другой конец моей страховочной веревки свернулся кольцами рядом с Джосайей. Джозеф страшно побледнел.

Мой учитель кивнул мне, давая знак следовать за ним к краю обрыва спиной вперед.

Можно быть сколь угодно отважным и ловким, но идти задом наперед прямо к краю обрыва, одновременно разматывая веревку и крепко держась за нее, совсем нелегко. К счастью, имелась еще страховочная веревка, но мне все равно было страшно. В какой-то момент вспотевшие руки заскользили, и мне показалось, что крепко уцепиться уже не получится. Сердце в груди стучало так громко, что я боялась, как бы не случился еще один обвал.

Я все думала, как же перешагнуть край обрыва. И тут безмолвный помощник заговорил. Голос у него был тихий и очень спокойный.

— Смотрите на меня. Повторяйте за мной. Не оглядывайтесь. Вниз не глядите. Встаньте вот так. — Он натянул веревку до предела, откинулся назад и повис почти вровень с землей. — Готовы? Нужно подпрыгнуть, чтобы оторваться от скалы. Совсем чуть-чуть. Вас немного качнет, но потом равновесие вернется. Поставьте ноги ровнее.

Не спрашивайте, как мне удался тот прыжок. Если честно, все получилось лишь потому, что мы с учителем были связаны одной веревкой, и когда подпрыгнул он, подскочила и я. Я подлетела на сорок, нет, пятьдесят футов над краем обрыва, а потом — бам! — наконец нащупала ногами земную твердь. Меня замутило, и в то же время внутри вспыхнула дикая радость.

Вместе с учителем мы стали спускаться к нужной мне точке.

Я вдруг поняла, что могу сделать очень мало, ведь у меня заняты обе руки. А вдруг я ничего не увижу? Вдруг придется разрывать землю руками? Может, получится управиться одними ногами?

На нашем пути не нашлось ни единого выступа, на котором можно было бы отдохнуть. Я держалась изо всех сил, веревки больно впивались в тело, с ладоней уже начала слезать кожа. Я взмолилась Богу о том, чтобы спуск не оказался напрасным. Чтобы нам встретилось какое-нибудь доказательство того, что чудовище и впрямь скрывается здесь.

И тут я увидела торчащий из-под скалистых пластов обломок

камня, весь пестрый от костяных останков. Некоторые из них были плоскими, некоторые — длинными, но все торчали из толстой кости, похожей на заднюю лапу гигантского кабана.

Мой тихий спутник проследил за моим взглядом и недоуменно посмотрел на меня.

— Это-то мы и ищем? — спросил он. — Я вижу лишь камни и ничего больше.

— Это не камни, — ответила я, — а кости. Кажется, мы отыскали конечность чудовища.

— В жизни таких конечностей не видывал!

— Ну еще бы! Никто их не видывал! — взволнованно воскликнула я. Мне не терпелось вернуться наверх. — Ну же, подними нас!

— Нет уж, мисс, — улыбнулся мой учитель. — Вам придется подняться самой. — И он показал, как это делается.

Лезть наверх оказалось куда сложнее, чем спускаться, хоть Джосайя и тянул за страховочную веревку. Когда я наконец поднялась на вершину, то вновь упала в траву на живот с колотящимся сердцем, с трудом веря, что выжила. Спустя несколько минут я встала и развязала веревки.

Джозеф смотрел на меня с любопытством и гордостью.

— Ну что? — спросил он. — Нашла?

— Ага! — ответила я и повернулась к Джосайе. — Теперь нужно придумать, как мне туда добраться и выкопать его!

21. Что это за существо?

Джосайя соорудил для меня небольшую платформу, очень похожую на качели, — она состояла из толстой доски, подвешенной на двух веревках, которые были надежно привязаны к новым клиньям, вбитым неподалеку от обрыва. При малейшем движении платформа раскачивалась, будто лодка на бурных волнах.

Матушка поднялась на холм, на котором мы орудовали, но заглянуть за край обрыва и посмотреть на мое хитроумное устройство так и не решилась. Я уже приноровилась спускаться по отвесному склону и вставать на доску, и потому меня немало позабавило, как исказилось и побледнело от страха ее лицо, когда я прыгнула с обрыва спиной вперед.

— Да что ж это такое делается! С ума сойти! Повиснуть на скале в поисках чудищ! И откуда у меня такой ловкий ребенок… — крикнула она.

За неделю мы с Джозефом подняли наверх камень с загадочной конечностью. Присмотревшись к ней повнимательнее, я поняла, что это либо лапа чудовища, либо плавник. Джозефа находка ни капли не впечатлила, он видел лишь мешанину из разных костей. А в моей голове уже начала зарождаться теория — нужно было только ее доказать. Само собой, Элизабет обрадовалась находке не меньше моего и нисколько не обиделась, что я раньше не рассказывала ей о чудовище. Недели шли, у скелета все прибавлялось новых костей, и мы то и дело тайком обменивались восторженными взглядами.

Я придумала нехитрый способ подъема мелких останков наверх. Взяла длинную веревку, привязала ее конец к одному из клиньев, а на другом конце закрепила мешок и сбросила его вниз. Делать в альбоме зарисовки, болтаясь на шаткой доске, было невозможно, поэтому, прежде чем убрать в мешок очередную находку, я внимательно ее рассматривала и запоминала, где и как нашла. Матушке я поручила поднимать мешок с окаменелостями и выкладывать их на траву, но она страшно боялась приближаться к краю обрыва, чтобы бросить мешок назад, так что проку от нее было мало. И все же они с Джозефом по очереди дежурили на холме: матушка по будням, а брат — по субботам и воскресеньям между церковными службами, а еще по вечерам после работы. Они ждали меня на траве, придерживали страховочную веревку, проверяли, прочно ли вбиты клинья.

Отвесная скала и впрямь напоминала раскрытую книгу из тончайшего пергамента, а кости, заточенные в каменные плиты,

были словно вырванные странички. Высвобождать камни, стоя на платформе, которая без конца раскачивалась из стороны в сторону, было нелегко. Порой меня сильно мутило. Я запрещала себе смотреть вниз и старалась ничего не выронить. Кто знает, смогу ли я потом отыскать потерянное у подножия скалы?

На меня приходили поглазеть: кто с любопытством, кто с сочувствием. Я бы ни капли не удивилась, увидев среди зевак старуху, которая так радовалась упавшей в овраг повозке, но, наверное, ее старые ноги не выдержали бы такого подъема. Зато как-то раз пришли две девочки — смешливые и ужасно шумные. Одна из них кинула в меня яблоком, и оно едва не задело меня. Я невольно отвлеклась и посмотрела вслед яблоку — как оно летит вниз, то и дело ударяясь о скалистый склон и разбиваясь на маленькие кусочки. Яблока было жаль, к тому же потом пришлось заново настраиваться на работу. Мне живо представилось, как отец падает со скалы вниз, и я никак не могла отогнать это наваждение. Девчонок я попросила уйти.

— Какая же ты храбрая, Мэри Эннинг! — крикнула одна из них, стоя у края. — Я бы так ни за что не смогла!

Храбрая? Уж храбрости я в себе совсем не чувствовала. Страх почти меня не отпускал. Однажды Гарри Мэй сказал мне, что быть храбрым — как раз и значит «действовать вопреки страху».

Но вдруг все изменилось. Несколько дней лил сильный дождь. Вода скапливалась и стекала в низины бурливыми потоками. Целых пять дней я не могла вернуться в скалы, а когда вернулась, то увидела, что от моей платформы остался только маленький клин, да и то почти выдранный из земли.

Я подошла к самому краю, пусть и было страшновато. Передо мной предстала картина опустошения: моя платформа обрушилась вместе с доброй частью утеса. И все же сердце в груди восторженно подскочило.

Я со всех ног сбежала с холма и кинулась на пляж, к новому обвалу, то и дело оскальзываясь на мокрой грязи.

Передо мной лежала недостающая страница! Длинная каменная глыба раскололась, а внутри у нее обнаружилось примерно столько же окаменелостей, сколько я уже нашла, если не больше! Тут были еще одна конечность с тремя вытянутыми тонкими пальцами из крошечных плоских костей и длиннющий хвост — наверное, размером с меня. Мой дракон! Мое чудовище! Если бы только отец был рядом! И Генри… Я рухнула на колени и почувствовала, какая буря всколыхнулась в голове. Толпы маленьких Мэри проснулись и заволновались. Никогда еще я не чувствовала себя столь свободной, но одинокой.

Не без гордости я обо всем рассказала матушке и Элизабет. Я

достигла цели.

Впрочем, напрасно я посвятила в тайну матушку, потому что она проболталась об этом кому-то еще и по городу с молниеносной скоростью поползли слухи. Зеваки запрудили берег. Меня забавляли и в то же время раздражали разочарованные и брезгливые лица людей. Они приходили, смотрели на огромные кучи костей, которые еще предстояло разобрать. А чего они ждали? Моя работа только начиналась!

Мы с Джозефом и Натаниэлем на тачке перевезли кости на Кокмойл-сквер, и теперь они лежали у дома грязными кучками в ожидании сортировки.

— Как по мне, ничего особенного! — заявила экономка из поместья Колуэй-Мэнор, принадлежавшего состоятельному Генри Хенли. Тем не менее, вернувшись домой, она доложила обо всем лакею, а тот — своему хозяину. Эсквайр заявил, что хочет увидеть чудовище своими глазами, и послал за нами, чтобы мы принесли ему свою находку.

Нелепость подобной просьбы не на шутку меня разозлила, но матушка, которой, само собой, не терпелось продать крокодила, учтиво попросила в ответ, чтобы Генри Хенли соизволил сам к нам пожаловать.

Он прибыл на следующий же день.

— Что ж, череп весьма недурственный, — равнодушно произнес он, прижимая к носу платок по привычке всех богачей, чьи носы не выносят никакой вони, кроме собственной. — А вот это, — он указал тростью на кучки костей, — и гроша ломаного не стоит! Однако голову я куплю.

— Это навряд ли, сэр. И вообще, вы неправы, — сказала я, не обращая внимания на выражение ужаса на матушкином лице. — И ничего не понимаете.

Матушка вся побелела, а эсквайр словно язык проглотил.

— Но это не ваша вина, ведь вы в жизни не видывали таких существ, — добавила я, чтобы как-то оправдать его невежество. — Если вы заглянете к нам через месяц, то поймете, в чем крылось ваше заблуждение. А теперь извините — у меня еще полно работы.

Матушка, чья бледность сменилась огненным румянцем, проводила Хенли на улицу. Хотелось бы верить, что наличных у него в кармане куда больше, чем мозгов в голове.

Я уговорила Джозефа с Натаниэлем перенести останки чудовища в старую отцовскую мастерскую, которая теперь пустовала. Там-то я и начала собирать из костей целый скелет. Мисс Филпот в те дни находилась в Лондоне, а иначе я непременно попросила бы у нее помощи.

Как же я поняла, каково было строение скелета существа, которого никто не видел? До этого я много упражнялась: внимательно изучала и восстанавливала множество останков — как и советовал мистер де Люк в день, когда я увидела тушу лошади. Мне помог и бесценный череп угря, который я тоже внимательно изучила и до сих пор храню у своей постели. Собирать разрозненные кости в единый скелет для меня и по сей день — все равно что дышать.

Джозеф соорудил для чудовища невысокую подставку, больше похожую на огромный поднос, и я выложила дно глиной, чтобы размещать на ней кости. Глину я то и дело смачивала водой, чтобы она не засыхала, а на ночь закрывала влажной тряпкой. Потихоньку, косточка за косточкой, к огромной голове добавились длинная изогнутая спина и огромная грудная клетка. Каждый раз, когда я выкладывала новый костяной кусочек или соединяла новые позвонки (Элизабет научила меня правильно произносить это слово), мне казалось, что диковинная тварь ворочается и извивается от моих прикосновений. Конечности по-прежнему сбивали меня с толку. Я выложила кости в том же порядке, в каком их нашла, и вдруг ясно увидела, что же передо мной. Находка напомнила мне весло, крепко сидящее в уключине, острие, рассекающее водную гладь. А значит, мое чудовище жило в море и, работая плавниками, словно веслами, плавало по воде с легкостью птицы, парящей в небесах. Эта картина представилась мне так живо, будто я видела ее наяву, но поделиться своими догадками я могла с одной лишь Элизабет — только она поняла бы меня.

Я трудилась в тишине день за днем, но однажды меня прервали.

— Это и есть ваше чудище? Вот это да! Можно взглянуть?

На пороге застыла незнакомая фигура, заслонив собой свет. На миг мне показалось, что это Генри, но мой гость явно был выше и старше.

— Пожалуйста, — отозвалась я, но незнакомец уже вошел в мастерскую и принялся приплясывать вокруг костей, взволнованно теребя шляпу и то и дело вскрикивая от восторга.

— Бог ты мой! Вот так экземпляр! Вот так находка! Ну что вы за умница! Восхитительно! Невероятно! О, моя дорогая! Это изумительно!

— Может, довольно плясок, сэр? — недовольно спросила я.

Одно его неловкое движение могло порушить все, над чем я трудилась несколько недель.

— Что-что? Да-да, конечно! Вы только поглядите на эту голову! Что за дивный череп! А какой глаз! Представьте, как он

вращался в глазнице, выискивая жертву в темных морских глубинах! А зубы! Что за чудо! Что за чудо!

Он ненадолго замолк, переводя дыхание, а потом протянул мне руку.

— Баклэнд. Уильям. Ученый из колледжа Корпус-Кристи. Минералог! Приятель мисс Элизабет Филпот. Я наслышан о вас и о вашей находке. Разыскал вас, чтобы увидеть ее своими глазами. Просто восхитительно! Расскажите же мне о своей теории, мэм! Как вам кажется, что это за существо?

Безумный ученый из колледжа Корпус-Кристи (знать бы еще, что это и где) взволнованно перескакивал с ноги на ногу.

— Генри Хенли считает, что это гигантский крокодил, — осторожно ответила я.

— Но вы-то с ним не согласны, верно? По лицу вижу, что не согласны! А вы что думаете? Это не крокодил. Уж я-то их повидал на своем веку. И не рыба. И не ящер. Так как же его назвать? Может, сами дадим ему имя? Скажем, «рыбоящер». Подойдет?

— Звучит не слишком по-научному, — заметила я, борясь с изумлением.

— Именно. Именно, дорогая моя, вы совершенно правы. Нужно дать ему верное имя. *Ichthyosaurus*. Ихтиозавр! «Ихтио» значит «рыба», а «заврус» — «ящер». Как вам, нравится? Конечно, сперва нужно обсудить этот вопрос с моими коллегами-учеными, но это позже. Что за чудище! Не хотелось бы повстречаться с ним в морской воде, правда ведь? О, да не приведи бог!

— Хотите его купить? — спросила я, уже начав уставать от его криков и скачков.

— О, я бы с удовольствием! С превеликим удовольствием! Но денег нет, милая леди, — сообщил он и в подтверждение своих слов вывернул карманы. — Мы, ученые, едва сводим концы с концами, уж поверьте. А что, вы непременно хотите его продать? Впрочем, понимаю. У вас и самой наверняка с деньгами туго. Смотрите только не продешевите! Есть такие негодяи, что не постыдятся обмануть юную леди!

— Меня так просто не одурачишь, — отрезала я и кивнула ему на дверь. Этот разговор меня уже порядком утомил.

— Ну конечно! Конечно! Что ж, не буду вам мешать! Какая выдержка! Ведь тут работы на несколько месяцев, я-то знаю! Какое достижение! Восхитительная находка, милая леди. Восхитительная! Рад знакомству! Очень наслышан! А ваша слава! Она все ширится! Восхитительно! Вы так юны! И мудры! Восхитительно! Уильям Баклэнд. Всегда к вашим услугам!

Напоследок он еще раз воскликнул: «Восхитительно!» — это слово, видимо, было у него любимым, — и наконец удалился.

Элизабет очень развеселил мой рассказ о визите мистера Баклэнда, особенно когда я начала передразнивать его суетливость и торопливую речь.

— Это весьма полезное знакомство, Мэри, — сообщила она, когда я закончила. — Он пользуется большим уважением в научной среде, а еще у него есть прекрасные связи в нашей сфере, хотя, конечно, он немного чудаковат.

Немного чудаковат? Да у него явно не все дома!

Генри я тоже написала об этой встрече. Судя по всему, Элизабет была права. В ответном письме Генри признался, что очень мне завидует, ведь я провожу время с такими выдающимися людьми, как Уильям Баклэнд, пока он «играет в солдатики» и то и дело падает с лошади.

«*Эдак ты уже очень скоро сделаешься настоящим знатоком геологии, мне за тобой не угнаться!* — писал он. — *Но как же жаль, что придется продать твоего рыбоящера! Надеюсь, он и впрямь тебя озолотит!*»

Озолотит? Стоит ли ждать щедрости от Генри Хенли из Колуэй-Мэнор?

Как оказалось, не стоило.

— Двадцать три фунта. И ни пенса больше, — заявил управляющий, присланный эсквайром за скелетом. Человек с каменным выражением лица — и, судя по всему, с ледяным сердцем, — который строго следовал хозяйскому наказу и ни в коем случае не собирался уступать.

— Хенли оставит скелет у себя? Или продаст? — требовательно спросила я, потому что была наслышана о перекупщиках, которые приобретали у меня диковинки за бесценок, а потом продавали их своим приятелям-богатеям за кругленькую сумму, что меня, само собой, очень сердило.

— Не ваше дело, как Хенли распорядится своей собственностью! Чудовище было найдено на его землях, так что он вообще не обязан вам платить, но великодушно предлагает деньги!

— Пусть так, но он все равно не смог бы его отыскать. Чтобы найти окаменелость, нужен талант, чтобы выкопать — терпение, а чтобы понять, что за сокровище перед тобой, — ум! — воскликнула я.

На лице управляющего не дрогнул ни один мускул.

— Вряд ли вам сделают более выгодное предложение. Точнее, так: предложений вообще больше не будет.

Он окинул презрительным взглядом нашу кухню, пустые полки, одинокий стул. Во мне начала закипать злость, но тут матушка воскликнула «по рукам!» и спрятала мешочек с

монетами в карман передника. Я даже возразить ничего не успела.

Вот так все и случилось. Все кончилось в один миг.

Я не стала им помогать убирать мое чудовище на глиняном ложе в ящик и грузить его в повозку. Тот ящик показался мне самым настоящим гробом. Гробом для великана. Этот диковинный зверь целый год, а то и дольше, был для меня всем, а теперь его у меня отняли, оставив лишь альбом с рисунками и мучительную боль в сердце.

Я пришла к Джосайе, чтобы заплатить ему, но он отказался брать деньги. Сказал, что в жизни не встречал такой смелой девчушки и был очень рад мне помочь. Какие же удивительные существа — люди! По их виду никогда не скажешь, добрые они или злые.

После этого я еще очень долго чувствовала себя совершенно потерянной. У меня не было сил, мне совсем не хотелось возвращаться к поискам на берегу, хотя Элизабет без конца напоминала мне о том, что если там нашлось одно чудовище, могут найтись и другие.

Если честно, я жалела, что у меня теперь нет повода сидеть в отцовской мастерской днями напролет. И хотя там не осталось ни единой щепки и ни единой стружки, в этих стенах я чувствовала, что он рядом. Когда он умер, его место в моей жизни заняло чудовище, сумевшее вновь нас сблизить, но теперь у меня не было ни отца, ни диковинного зверя.

Разумеется, Генри Хенли перепродал мою находку. Элизабет узнала об этом от Уильяма Баклэнда и обо всем рассказала мне. Ее переполнял гнев за меня, и потому она не в силах была сохранить эту новость в секрете. Поговаривали, будто музей редкостей Уильяма Баллока[5] заплатил за скелет сто фунтов, но наверняка этого никто не знал. Когда его выставили, на табличке под витриной значилось имя Джозефа, который и впрямь первым нашел череп, но лишь потому, что я знала, где его искать.

Горевать, конечно, не было смысла. Иногда я страшно злилась. А порой и вовсе старалась не вспоминать о случившемся. Но чаще всего стискивала зубы и думала, что непременно им покажу, на что способна я, Молния Мэри, и не важно, что я не мужчина. Но иногда наступали безрадостные, мрачные дни. Я чувствовала себя так, будто участвовала в бегах: встала у самого старта, а мне вдруг велели отойти на два шага назад, потому что я бедная, затем еще на пару, потому что мой отец был из диссентеров, а потом еще на *десять*, потому что я женщина. Но я все равно пришла к финишу первой.

Вот только приза мне за это не вручили.

22. Памятная встреча

Порой мне представлялось, что мое чудовище, эта удивительная находка, — и начало новой жизни, и ее конец. Меня никогда особо не заботило людское мнение. Что оно дает? Мнения никого не меняют — во всяком случае, мне всегда так казалось. Хотя сложно, конечно, оставаться невозмутимым, когда о тебе все судачат. Я заметила, что людские сплетни закалили меня, сделали только упорнее и открыли мне глаза на то, что люди нередко используют других для собственного блага.

Некоторые видели во мне выдающееся юное дарование и восхищались мной. Другие считали меня чудачкой, диковинкой вроде двуглавого теленка с ярмарки в Аплайме, на которого можно таращиться и тыкать палкой. Мало кто понимал, сколько труда было вложено в мою находку, большинство считало, что мне просто повезло. Да и то не мне, а Джозефу, ведь это он нашел череп. Они понятия не имели, чего мне стоило собрать все останки, и не особо этим интересовались.

В городе ждали, что я вот-вот еще что-нибудь найду. Надеялась на это и я. И уж тем более надеялась матушка, которой очень понравилось быть знаменитостью — и, конечно, получать деньги от продажи крупной находки.

Моя слава вызвала новую вспышку внимания ко мне, которое меня ничуть не радовало и не прельщало. Наверное, судьба у меня такая — вечно слушать про себя потешные песенки, которые дети часто напевали, пока я шла по пляжу. Скороговорка «На берегу у моря Мэри ракушки продает!» была все же добрее жестокой дразнилки, которую про меня сочинили в воскресной школе. Когда я впервые услышала эту скороговорку, то с трудом сдержалась, чтобы не улыбнуться. Мысль о том, что ее не так-то легко произнести, обрадовала меня куда больше.

Одно дело — самому усердно трудиться, стремясь к новым знаниям и открытиям. И совсем другое — когда на тебя давят, чего-то требуют, без конца критикуют. Только Элизабет понимала, как мне нелегко совладать с толпой Мэри, воюющих у меня в голове. Одна из них навеки отчаялась найти что-нибудь столь же значимое, как ихтиозавр. Вторая ненавидела зевак и то, что приходится зарабатывать на жизнь, тратя на это время, которое можно было бы уделить учебе и научным исследованиям. Третья боролась со слезами, тоскуя по погибшему отцу. Четвертая размышляла о том, что же она за создание. Вся эта суматоха просто сводила с ума. Казалось, от них никогда не будет покоя.

Но время шло. Недели складывались в месяцы. Внимание ко

мне ослабло, как и груз чужих ожиданий (матушкины не в счет), и я попросту зарабатывала нам на хлеб. Мне попадалась всякая мелочь стоимостью не больше нескольких пенсов, но к нам по-прежнему заглядывали покупатели, так что выручки хватало, чтобы не умереть с голоду. Мы с Элизабет нашли, наверное, тысячу аммонитов. Они всегда пользовались спросом.

Элизабет стала моим спасением. Днями напролет мы искали окаменелости на берегу, а по вечерам читали и разговаривали о науке и наших открытиях. Письма от Генри приходили редко, а его матушка стала куда больше времени проводить в Лондоне, чем в Лайм-Риджисе, и связывающие нас узы дружбы, которыми он, по его словам, так гордился, начали слабеть. Наверное, этого и следовало ждать. Отец ведь предупреждал меня, что люди меняются, а друзья часто забывают и предают друг друга.

Мы с Элизабет отлично сработались. Ее больше влекли рыбы, погребенные навечно в сланцевых могилах, словно серебристые призраки, а остальные находки она радушно отдавала мне. Ее собственная коллекция быстро росла. Один шкаф, стоящий у нее в библиотеке на Сильвер-стрит, превратился в три, а потом и в пять, и вскоре коллекция занимала уже весь дом. Гости восхищались ее экспонатами, а затем она отправляла их на побережье, где стоял мой столик с диковинками на продажу, и они охотно покупали ракушки, «змеиные камни» и тому подобное. Теперь я знала, что это все древние моллюски и каракатицы с диковинными латинскими названиями, но примирилась с тем, что состоятельным покупателям и матушке куда больше нравятся истории о «ногтях дьявола», «дамских пальчиках» и «громовых стрелах», и не спешила их переубеждать.

Иногда меня засыпали вопросами джентльмены, питающие, подобно Баклэнду, научный интерес к моим находкам. По словам Элизабет, они восхищались мной. Мне же они казались своего рода чайками, которые так и норовят стащить еду, пойманную кем-то другим. Эти джентльмены все время о чем-то расспрашивали меня, нисколько не считаясь с моими взглядами и работой и даже не думая о том, чтобы отблагодарить меня за труды звонкой монетой, — в ту пору только такая благодарность имела для меня цену. Как часто говаривала матушка, «одной болтовней сыт не будешь». Подошла бы и другая ее любимая присказка: «Болтовня и красна и пестра, да пуста». От этих болтливых господ не было никакой пользы, не то что от Элизабет, которая щедро вознаграждала меня за нашу дружбу новыми знаниями.

В дни, когда стояла ясная и сухая погода, я вставала засветло и шла вдоль моря, пока на берегу, еще не запруженном

горожанами и богатеями, царили тишина и покой. В такие минуты толпа Мэри у меня в голове наконец затихала, особенно если накануне ночью на море был шторм. Да, конечно, шторм разорял берег, но, когда он заканчивался, на смену ему приходили поразительное спокойствие и свежесть — как будто мир отмыли дочиста и создали заново.

***

Вскоре после моего шестнадцатилетия я нашла тело несчастной утопленницы, вынесенное волнами на мель. Такой красавицы я в жизни не видывала. Опустившись на корточки, я долго — наверное, несколько минут — ее разглядывала. Ее кожа мерцала в лунном свете. Море одело ее в ульву и вплело в волосы нити морского винограда, так что она казалась наполовину человеком, а наполовину — подводным созданием. От мысли о том, что такая красота, такое сокровище обречено на распад, мне стало печально. Ведь у бедняжки не будет ни сланцевой могилы, ни превращения в камень. Вулкан не выплюнет ее наружу и не спрячет меж страниц толстой книги земной истории.

Как же мало времени нам отведено!

Я осторожно убрала из ее волос водоросли, закрыла голубые невидящие глаза, привела ее в порядок, насколько это было возможно.

Потом заплатила рабочим, и они отнесли ее тело в церковь. Я надеялась, что ее кто-нибудь опознает и заберет, но этого не случилось. Четыре дня я выкладывала вокруг ее бездыханного тела душистый горошек и лаванду из сада миссис Сток. Я не понимала — да и теперь не знаю, — отчего решила, что обязана поступить именно так, но она не шла у меня из головы и занимала все мои мысли, пока ее не похоронили.

А потом наконец стало известно, кто она такая. Ее звали леди Джексон. Она была женой и матерью. И погибла вместе со всеми своими детьми на корабле, затонувшем близ Портленда. Каково это: возвращаться из самой Индии и погибнуть всего в миле от дома! Исчезнуть с лица земли, будто тебя никогда и не было… Какая бессмыслица!

Мне вспомнилось ее прекрасное лицо, холодное и застывшее, будто из мрамора, опутанное нитями водорослей. А еще вспомнились Генри и его истории об акулах и голодных моряках, и его матушка в черном платье, а потом и моя матушка с жалким свертком — младенцем, который так и не родился. Я посмотрела на аммонит, висящий на кожаном шнурке возле моего сердца, и

заплакала. Я плакала об отце и о том, чего уже никогда не вернуть. Потом утерла глаза и принялась за работу.

— Мы так о вас беспокоились, — однажды утром вскоре после похорон сказала Элизабет по пути на Монмутский пляж.

— От волнений проку никакого, — ответила я.

— Очень жаль ту женщину и ее детей. Вы очень великодушно с ней поступили, Мэри, но чего вам это стоило?

— Пустяки, — ответила я, не желая продолжать этот разговор.

Элизабет знала, как я не люблю говорить о подобных вещах, но все равно продолжила.

— Я говорю совсем не о деньгах, Мэри. Боль и страдания разрушают человека, и вы это знаете, как никто другой. Были ли у вас, как и у меня, мысли о том, что наша жизнь может оборваться в любую секунду? На вашу долю выпало уже столько страданий, а теперь еще и это! Отведенное нам время бесценно, а вы так молоды, Мэри. Вам еще жить да жить!

— Как и вам, — отозвалась я, и в груди сжался болезненный ком. — Мы все так думаем до самой смерти, а раз она может прийти уже завтра, как вы сами сказали, значит, молод ты или стар — совершенно не важно.

Я начала с ожесточением раскапывать землю, надеясь, что Элизабет не станет продолжать разговор, от которого хочется заткнуть уши и закричать.

— Но у вас и *впрямь* вся жизнь впереди, Мэри. Вы думаете, чему ее посвятить, что вы могли бы сделать? Или нет?

— Не думаю. Дни тянутся один за другим. Я коротаю их за поисками и торговлей. Они бывают удачными и не очень. И так будет всегда, что бы я ни делала, что бы ни говорила. Таков уж мой удел. И впереди меня ждет то же, что было раньше, разве что сама я буду взрослеть и стариться, шаг за шагом приближаясь к встрече с Творцом.

Я надеялась, что теперь-то она прекратит свои расспросы, но некоторые из ее слов засели в голове, будто песчинки в раковине устрицы. Неужели мой удел и впрямь таков? Неужели ради этого я выжила после удара молнии? И если Промысел Божий обо мне именно таков, зачем же Он мучает меня, являя мне то, что заставляет во всем сомневаться, всему искать объяснение?

Порой мне казалось, что Господь как море: жестокий, переменчивый, бессердечный, созидающий и разрушающий. Но эти мысли мне, конечно же, нашептывал дьявол, а иначе разве возможно?

Вера и наука. Наука и вера. Они вели нескончаемую войну — и в мире, и у меня в голове.

***

Следующие несколько дней я работала в одиночку и радовалась этому, ибо в мыслях была полная неразбериха. Элизабет уехала в Оксфорд, чтобы передать Уильяму Баклэнду один превосходный экземпляр аммонита (найденный и очищенный мною) и посетить лекцию, которую он давал в колледже. Хоть я и любила одиночество, я завидовала тому, что она проводит время среди людей выдающегося ума, мудрых и любящих знание как таковое и не пытающихся на нем нажиться, людей, не ведающих мучительных сомнений. Наверное, в подобном обществе я научилась бы лучше выражать свои мысли, потому что в голове у меня постоянно роилось множество идей. Мне очень не хватало умения доходчиво объяснить то, что я думаю, — обычно с губ срывалось что-то резкое и грубое, и лишь разговоры с Элизабет были для меня отдушиной. Редкие письма к Генри распутать клубок беспокойных идей не помогали.

Я вновь возвратилась на Плевки, туда, где четыре года назад произошел мой «триумф», но только теперь я искала не чудовище, а покоя. Надо мной нависли тяжелые сизые тучи, готовые вот-вот пролиться на берег дождем, но в окрестностях Златоглавого Утеса[6] вовсю светило солнце, а трава отливала изумрудом, словно молодые буковые листочки.

Неужели это и есть мой удел? Трудиться до изнеможения под черными тучами, вдали от залитых солнцем зеленых полей, до которых мне никогда не добраться? Быть своего рода диковинкой? То ли девочкой, то ли уже женщиной, обнаружившей… Что?.. Одну из Господних ошибок? Что если других таких находок больше никогда не будет? Что если рыбоящер — единственное чудовище, погребенное среди скал?

И все же чутье подсказывало мне, что это не так. На ту же мысль наводили мои научные изыскания и разговоры с Элизабет, вот только доказать это будет нелегко. Придется пожертвовать все свои силы и юность, но ради чего? Ради того, чтобы слава досталась другим?

Среди темных туч надо мной замаячил просвет, и вдруг откуда ни возьмись внутри всколыхнулось знакомое предчувствие — ощущение, что вот-вот случится нечто важное, произойдет какая-то перемена! Я почувствовала на себе отцовский взгляд и обернулась.

Но его нигде не было.

А потом вдалеке послышались шаги и частое дыхание собаки. Я вытянулась, чтобы лучше видеть, кто отвлекает меня от мыслей и от работы.

Ко мне шел рослый светловолосый незнакомец со спаниелем на поводке. По виду это был совсем еще щенок, притом непослушный: он тянул хозяина вперед, шаловливо кидался то туда, то сюда, путался у незнакомца под ногами.

Во мне вдруг вспыхнуло раздражение. Это мой пляж. Мое убежище. Беспечным юношам с еще более беспечными псами здесь делать совершенно нечего!

— Мэри! Неужто не узнала меня? — спросил незнакомец.

Я тут же безошибочно распознала этот голос, хотя он был немного грубее и ниже, чем тот, к которому я привыкла. Генри!

Генри подошел ко мне с широкой улыбкой на загорелом лице. Он хотел было меня обнять, но я вовремя отпрянула. Меня обуревала лавина непрошеных чувств: радость, восторг, гнев, недоверие.

Я глубоко вздохнула.

— Так, значит, ты вернулся, — начала я, пока щенок обнюхивал мое платье, стегая нас своим пушистым хвостом с такой силой, что мы чудом удерживались на ногах.

— Ага. Но, боюсь, ненадолго.

Он попытался удержать мой взгляд, но я отвела глаза и посмотрела на море.

— Взял отгул, да?

— О боже, нет, конечно! Меня выгнали! — Тут он заговорил раскатистым, низким и самодовольным голосом. — «*Молодой человек! У вас хромает дисциплина. Служба в этом полку не для вас. Больше мы вам ничем помочь не можем. С военной карьерой можете распрощаться*». Как рад я был это слышать, Мэри! Ты бы знала! Больше никаких падений Трои! Больше никаких построений, никакой муштры и прочей чуши! Да и потом, война кончилась, я им больше ни к чему! Бонапарт побежден, а я свободен! Совсем как ты! И, как и ты, собираюсь исполнить свою мечту!

Я не сдержала печального смеха. Мечта! Да что он вообще знает о *моих* мечтах? Грезы — удел дураков, на худой конец, тех, кто спит, и все же я прикусила язык и промолчала.

— Хочу при первой же возможности присоединиться к Геологическому обществу Лондона! — поведал он. — Предлагаю и тебе это сделать! Общество новое и очень прогрессивное. Мы многого сможем достичь, Мэри! Ты как никто заслуживаешь стать его членом! Ты ведь теперь знаменитость! Баклэнд — знаю, вы уже знакомы — часто говорит о тебе и очень тебя уважает, а я нежусь в лучах твоей славы, ведь я не просто ученик самой госпожи Эннинг, но и ее давний друг.

Нежится в лучах славы, значит. Впрочем, это вполне в его

духе: Генри всегда был похож на щенка, что ластится у ног в ожидании, когда его погладят, как ластился теперь его спаниель, повизгивая, извиваясь, неустанно виляя пушистым хвостом. И все же в глубине души я была рада нашей встрече, несмотря на всю глупость представлений Генри о моей славе.

— Присоединиться к этому твоему обществу? Что за чушь! Да я скорее унаследую огромное состояние и получу титул леди! Что же до моей славы — это все твои фантазии! — ответила я полушутя, но не без горечи.

По лицу Генри пробежала тень тревоги.

— Но с тобой ведь советуются ученые люди! Я знаю! А в Лондоне до сих пор судачат о твоем ихтиозавре…

— Его нашел Джозеф, — поправила я.

— Череп — да, но ведь и ты, и я, и Баклэнд знаем, кто отыскал остальные кости.

— Пусть так, но никуда вступать я не собираюсь, вот еще глупости! — продолжила я, вновь ощутив острую обиду на несправедливость моего положения. — Эти богатенькие всезнайки съезжаются сюда из своих Лондонов, Оксфордов и Кембриджей и обгладывают мой мозг, будто рыбную косточку. Не обольщайся, думая, будто они примут меня в свой круг: этому не бывать. Ты старше меня, Генри де ла Беш, и куда образованнее — мне таких знаний в жизни не получить, и все же ты совсем ничего не знаешь об этом мире и грезишь о том, чему не суждено сбыться. Ну что, поможешь мне или пойдешь со щенком домой к матушке?

— Узнаю твою прямоту, Мэри! — воскликнул он и взглянул на меня с неподдельной серьезностью. — Признаю, ты куда мудрее меня. Я всегда говорил, что ты мудра не по годам — мне за тобой не угнаться. Но позволь как старому другу тебя отстоять — помяни мое слово, я добьюсь справедливости! Ты доказала делами, что ты настоящий ученый, а люди пускай судачат себе о чем хотят. Поверь в это, поверь в себя так же, как в тебя верю я. А щенок… Он теперь *твой*! Это твой новый друг!

Он внимательно посмотрел мне в глаза, словно ожидая, что я приду в такой же восторг, как и он. Во мне же вскипела досада. Зачем мне собака, а уж тем более курчавый породистый спаниель? Таких пристало заводить охотникам, имеющим слуг, которые будут отмывать белоснежные лапы от грязи. Да и потом, его ведь надо кормить! О нем нужно заботиться!

Щенок смотрел на меня огромными карими глазами. Будто чего-то от меня ждал. Я отвела взгляд.

— Он тебя предупредит, если вдруг начнется обвал, — настойчиво продолжил Генри. — Он будет верно тебя охранять и

станет твоим преданным другом — так же, как я когда-то. Он еще маленький, да, но готов учиться! И у него пока нет имени. Можешь сама его придумать, Мэри.

Щенок пронзительно заскулил, подпрыгнул и поставил передние лапы мне на колени.

— Смотри, как ты ему нравишься! О том, как его прокормить, не волнуйся. Кухарке велено не выкидывать объедки, так что тебе не придется на него тратиться! — Он вложил мне в руку поводок. — Возьми его, Мэри. Ради меня. Прошу.

Щенок уселся, широко расставив мягкие лапы, и принялся молотить хвостом по песку.

— Он своенравен, но это говорит лишь о силе характера. Его многому можно научить, Мэри. Помнишь, как ты учила меня? И я стал приносить тебе пользу, правда? Хотя сперва совсем тебе не понравился!

Я молчала. В голове вертелось лишь одно: а что будет, если я привяжусь к этому существу? Ведь у меня всегда отнимают то, что дорого моему сердцу.

— Так что же? Займешься его дрессировкой или мне придется с позором вернуть его, ведь он не пришелся тебе по душе?

Он протянул руку, чтобы забрать поводок, но я сжала его крепче. Может, я и впрямь смогу его обучить… Тут спаниель, словно повинуясь команде, подскочил и начал рыть песчаный берег. У него в два счета получилась довольно глубокая яма, и он уселся на кучу песка и смотрел на меня, словно ожидая похвалы.

Генри расхохотался.

— Вот видишь! Из него получится превосходный ученик! Пожми же мне руку, Мэри! Поверь, твой старый друг свое обещание выполнит.

Он вновь пристально посмотрел мне в глаза, а мне опять пришлось отвести взгляд.

Вдруг на память пришел вопрос, который так мучил меня после смерти отца.

— Ты как-то нарисовал меня и подписал: «Молния Мэри». Но почему? Так меня звал лишь отец и никто больше. Видать, ты поверил в дурацкую сказку о том, что до удара молнии я была глупым, ни на что не годным созданием…

— Нет и тысячу раз нет! Я назвал… и до сих пор зову тебя Молнией Мэри, потому что ты мыслишь с молниеносной скоростью и раскалываешь камни, точно молния. А еще… пускай лицо твое почти всегда сурово и безрадостно, как грозовые тучи, ты ослепительной молнией озарила мою жизнь в самые мрачные дни! Тогда мне казалось, что более подходящего для тебя прозвища нет на свете, — и я до сих пор так думаю. Диковинное

ты существо, Мэри. Необыкновенное. Других таких нет. И однажды весь мир узнает о тебе. В этом я твердо уверен.

Он пожал мне руку и долго ее не отпускал, а потом поклонился, отвернулся и зашагал назад, в Лайм-Риджис.

Когда он ушел, я растянулась на земле рядом с уставшим щенком, чувствуя под боком его тепло. Я раскинула руки в стороны, трогала пальцами песок и камни, словно пытаясь нащупать пульс самой Земли или дыхание чудовищ, погребенных в скалах. Созданий, которых человечество отродясь не видывало. Существ столь древних, что шестнадцать лет моей жизни для них все равно что один день.

Их было несметное множество, они таились вокруг, дожидаясь, когда их найдут. Чудовища, чудеса, тайны — вот что пряталось глубоко под землей. И все они жаждали освобождения. Жаждали, чтобы ими восхищались все — мужчины, женщины, дети. Дожидались, когда ученые люди найдут их и поведают миру их историю.

Ученые люди и я.

Мне вспомнились отцовские слова, сказанные в мастерской. Наверное, счастье и впрямь не для таких, как мы, зато мы будем удовлетворены тем, что можем трудиться и исполнить свое предназначение. Зачем еще Бог оставил меня на этой Земле, если не для того, чтобы раскрывать ее тайны? И кто, как не я, Молния Мэри, отыщет эти самые сокровища и вызволит их из плена?

Послесловие. Жизнь Мэри Эннинг: Некоторые факты и примечания автора

Мэри Эннинг родилась 21 мая 1799 года. Когда девочке был год и три месяца, она пережила удар молнии, который убил женщину, державшую ее на руках, и еще двоих человек. По рассказам очевидцев, это событие преобразило ее: если раньше она была самым обыкновенным болезненным ребенком, то после будто расцвела.

Мэри росла в период великих перемен в политике, религии и обществе, многие из которых происходили во время войны с императором Наполеоном Бонапартом. Наполеон предпринял попытку завоевать Европу, но потерпел окончательное поражение в июне 1815 года в битве при Ватерлоо. Детство Мэри совпало и с первыми победами на пути к отмене рабства. В 1807 году британский парламент принял закон о запрете торговли рабами, который не разрешал перевозить и продавать рабов на территории Британской империи, однако полностью рабство исчезло лишь в 1833 году.

Череп ихтиозавра был найден примерно в конце 1810 — начале 1811 года, вскоре после смерти Ричарда Эннинга, отца Мэри. Череп отыскал ее брат Джозеф, и именно его имя указали под скелетом, когда тот был выставлен на всеобщее обозрение. Однако на самом деле остальные кости выкопала Мэри в 1811–1812 годах, она же собрала недостающую часть скелета. О том, как проходили раскопки, известно немногое: только то, что местные рабочие за плату спустились по отвесному утесу и скинули нужный выступ к его подножию. Вполне возможно, что Мэри не побоялась и сама принять участие в этом процессе… Хотя она и не умела спускаться по склону на веревках, как альпинист!

В 1823 году была сделана еще одна крупная находка: Мэри обнаружила цельный скелет плезиозавра. В 1828 году список пополнился «летающим драконом», или птеродактилем, а в 1829 году — скелетом рыбы сквалорайи. За свою почти сорокалетнюю «карьеру» Мэри отыскала бесчисленное множество окаменелостей, но эти находки считаются самыми важными. Однако ни одна из них не носит ее имени. Все они названы в честь мужчин, которые приобрели их и показали миру — с разрешения Мэри, разумеется. Учитывая ее пол и социальный

статус, дать находкам ее имя было попросту немыслимо. Впрочем, в честь Элизабет Филпот все-таки назвали вид ископаемой рыбы — вероятно, потому, что мисс Филпот была из аристократов. Все мужчины, сотрудничавшие с Мэри, в итоге дали свои имена какому-нибудь ископаемому виду. Только вообразите, как непросто было вынести такую несправедливость!

Мэри и впрямь познакомилась с Генри де ла Бешем еще в детстве, но, разумеется, их совместное времяпрепровождение — это моя выдумка (кстати, частицы «де ла» добавлены перед фамилией Беш отцом Генри, чтобы она звучала величественнее). Несомненно, их дружба продлилась много лет, а знания Генри в сочетании с тонкой интуицией Мэри дали превосходные результаты. Генри всегда особо подчеркивал заслуги Мэри в их работе и не раз спасал ее от нужды: продавал свои рисунки на аукционе, торговал их печатными копиями, а вырученные деньги отдавал Мэри.

Насколько мне известно, Генри не дарил Мэри щенка, однако у нее и впрямь была дрессированная собака Трэй (необычная кличка для пса!). Трэй сидел на берегу и охранял окаменелости, пока Мэри ходила за помощью или нужными инструментами. Увы, пес погиб во время оползня, а саму Мэри от смерти отделил всего какой-то фут. Наверное, очень страшно и больно видеть, как твой верный друг погибает, выполняя свой долг.

Элизабет Филпот, в честь которой изначально назвали Музей Лайм-Риджиса, тоже была верной подругой и соратником Мэри. Я решила писать именно о ней, а не о ее сестрах Луизе и Маргарет (которые тоже собирали окаменелости и ракушки), потому что ее дружба с Мэри подтверждается многими свидетельствами (например, письмами). Разумеется, их диалоги на страницах этой книги выдуманы, как и встречи с мистером де Люком.

А вот история об утопленнице целиком и полностью достоверна. Разумеется, это событие очень серьезно повлияло на шестнадцатилетнюю Мэри. Неудивительно, что ее забота, бережность и мягкость так поразили людей вроде Анны Марии Пинни, с которой девушка сблизилась, уже будучи взрослой. Ведь Мэри славилась прямотой и деловитостью и была человеком пусть и не злым, но чуждым всякой сентиментальности. По всей видимости, Анна решила, что Мэри тоже хотя бы отчасти свойственна романтичность. Возможно, она считала себя одной из тех избранных, кому Мэри не боится показаться слабой и уязвимой, и очень этим гордилась. Но замечала она и то, как некоторые используют ее подругу. Вот что Анна писала о Мэри: «*Она говорит, что мир злостно ее использует… все эти ученые мужи обгладывают ее мозг, а потом пишут множество научных*

работ, к содержанию которых она имеет прямое отношение, только не получает за свои заслуги никаких наград»[7].

В 1826 году Мэри открыла свой магазинчик — «Лавку окаменелостей Эннинг», в которую тут же устремились все ведущие геологи и палеонтологи. В 1844 году король Фридрих Август Саксонский лично посетил магазинчик и приобрел для своей обширной коллекции скелет ихтиозавра. Карл Густав Карус, советник короля, так описал эту поездку в своем дневнике: «*Мы вышли из экипажа и решили прогуляться пешком, как вдруг натолкнулись на магазинчик, полный великолепных окаменелостей и ископаемых останков. На витрине были выставлены восхитительные аммониты, голова ихтиозавра и еще множество разных диковинок. Мы вошли и обнаружили, что небольшая лавочка и прилегающая к ней комната полным-полны драгоценных находок с берега… Среди них я нашел огромный пласт иссиня-черной глины, в которой был заточен безупречный ихтиозавр по меньшей мере шести футов в длину. Многие владельцы кабинетов естественной истории с Континента с удовольствием приобрели бы себе столь замечательный экземпляр, и, как по мне, запрошенную за него цену, — а стоил он всего 15 фунтов стерлингов — стоило бы считать слишком скромной*»[8].

Уильям Баклэнд, первый профессор геологии Оксфордского университета, по всей видимости, лично приехал в Лайм-Риджис, чтобы увидеть первую крупную находку Мэри — ихтиозавра. Свое научное название «рыбоящер» получил лишь спустя несколько лет. Однако в моей книге Баклэнд дает ему имя в первый же день знакомства с Мэри. Мэри очень сдружилась с ним и его семьей. Супруга Уильяма, Мэри Морлэнд Баклэнд, сама была геологом и иллюстратором научных работ. Это были искренние и жизнерадостные люди, и Мэри Эннинг, по всей видимости, очень ценила их: во всяком случае, она часто писала Баклэндам, а в одном из писем даже послала им «тысячу поцелуев»[9].

Стоит упомянуть еще об одной значимой фигуре, сыгравшей важную роль в жизни Мэри, хоть в романе она не упоминается. Я имею в виду подполковника Томаса Джеймса Бёрча, который появился в жизни Мэри уже после описываемых в книге событий. Именно он спас семейство Эннингов от голода, когда тех разорил в пух и прах особенно «неурожайный» на окаменелости год. Подполковник Бёрч распродал свою коллекцию окаменелостей, в свое время приобретенных у Мэри, и отдал Эннингам большую часть вырученной суммы: около 400 фунтов, а по современным меркам — порядка 11 500 фунтов. О семействе Мэри он писал, что они «*и впрямь отыскали все те замечательные находки, которые впоследствии пробудили в ученых живой научный*

интерес»[10].

Несмотря на признание и огромное уважение со стороны многих геологов (в те годы эта наука только начала развиваться), Мэри так и не стала членом Геологического общества — женщин туда начали принимать лишь в 1904 году. Но когда Мэри заболела раком груди, из-за которого и умерла в сорок семь лет, члены общества собрали деньги на оплату ее повседневных расходов. Мэри не стало 9 марта 1847 года. Ее похоронили на кладбище при церкви Святого Архангела Михаила в Лайм-Риджисе. По сей день ее могилу можно посетить и полюбоваться витражным окном, которое было установлено в 1850 году в память о ней — в том числе и на деньги Геологического общества. Обязательно посетите и Музей Лайм-Риджиса. Там есть отличная экспозиция, посвященная жизни Мэри, знаменитого на весь свет палеонтолога-первооткрывателя. Ищите ее имя на табличках под окаменелостями в музеях по всей Великобритании — особенно в лондонском Музее естественной истории.

Генри де ла Беш был верным товарищем Мэри до самого конца и на одном из собраний Геологического общества выступил с поминальной речью о мисс Эннинг — совершенно беспрецедентный случай, учитывая, что она не являлась членом общества (и была женщиной!).

Вот как начиналась эта речь: *«Говоря о наших людских потерях, никак нельзя обойти вниманием человека, который, несмотря на то что находился в самом низу социальной лестницы и вынужден был зарабатывать на хлеб тяжелейшим трудом, существенно расширил наши знания об огромных морских ящерах и иных формах органической жизни, заточенных в камни в окрестностях Лайм-Риджиса…»*[11].

Восемнадцать лет спустя Чарльз Диккенс в своей статье под названием *«Мэри Эннинг, искательница окаменелостей»* рассказал о куда более корыстном отношении к Мэри: *«Доктор Баклэнд, профессор Оуэн и другие знали ей цену и уважали ее заслуги, но в родном городе она не нашла сочувствия: высшей оценки она удостоилась разве что на страницах напыщенного путеводителя “Красоты Лайм-Риджиса”, где говорилось, что “в финансовом отношении ее смерть стала страшной потерей для города, ведь к ней приезжало множество выдающихся гостей”. Быстрая нажива — вот что больше всего ценится в Лайм-Риджисе. И потому не стоит удивляться, что горожане видели в мисс Эннинг в первую очередь приманку для богатой публики»*[12].

С одной стороны, история Мэри Эннинг бесконечно печальна — во всяком случае, так мне кажется, — а с другой стороны, это ослепительная победа целеустремленности и упорства одной

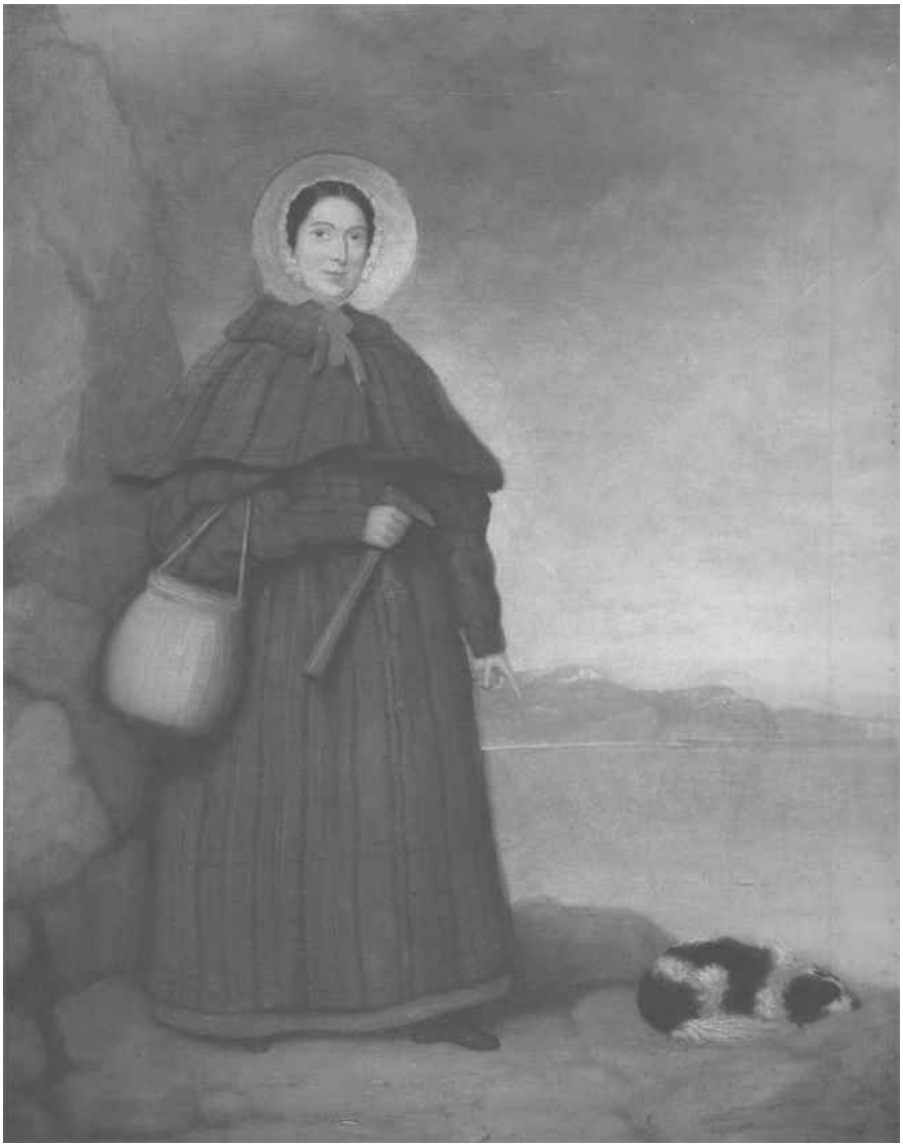
женщины над всеми препонами. Признаюсь честно, окаменелости мне не особо интересны, но в этой одинокой фигуре, вступившей в борьбу с самой стихией и вероломными скалами ради того, чтобы найти сокровища, которыми и поныне можно любоваться в музеях по всему свету, определенно есть что-то героическое. И тем более дерзок и восхитителен тот факт, что от простой женщины из низов общества никто подобного попросту не ожидал.

Мэри Эннинг стояла у истоков революции в сфере изучения Земли во времена, когда большинство воспринимало библейское описание Сотворения мира буквально. Идеи, рассмотренные в работе Джона Плейфера «Иллюстрации к “Теории Земли” Хаттона» (то, что Мэри в юности подарили эту книгу, я придумала), считались новаторскими и мятежными, поскольку гласили, что Земля постоянно меняется и ее возраст — не шесть тысяч лет, как верили многие, а на несколько миллионов лет больше. Находки Мэри еще раз показали ошибочность старых убеждений, раскололи общество и внесли некоторую смуту в религию. Идеи о вымирании и куда более страшное предположение о том, что Господь способен на ошибку, были совершенно немыслимы для христианина, и всякий, кто решался заговорить или написать об этом, считался в лучшем случае смутьяном, а в худшем — еретиком.

Нам трудно сегодня осмыслить, каким удивительным человеком была Мэри Эннинг, но, пожалуй, теперь, спустя почти 200 лет, когда в научном сообществе мужчины по-прежнему имеют численное преимущество, ее статус стал еще более выдающимся. Заметьте, она ведь была самоучкой и никаких университетов не заканчивала!

Сейчас, добравшись до самого конца этой книги, я ловлю себя на том, что скучаю по моей взбалмошной, дерзкой героине. Она научила меня, как важно идти до конца в чем угодно — хоть в писательстве, хоть в поиске окаменелостей… А еще помогла понять: заниматься надо тем, что пробуждает в тебе живой интерес и манит к себе! Несмотря на препятствия и неудачи!

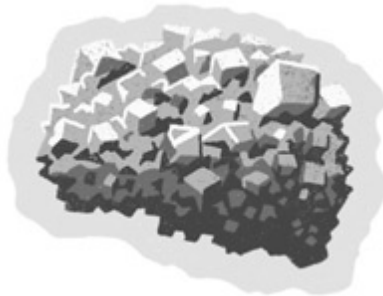
Спасибо тебе, Молния Мэри!



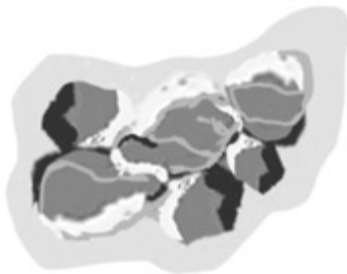
Мэри Эннинг и ее пес Трэй
Художник Б. Дж. М. Донн

Окаменелости и их поиск

Поскольку в речи Мэри чаще всего мелькают местные названия окаменелостей, мы решили дать перечень их научных названий с краткими справками, а также разъяснить некоторые другие геологические термины, важные для нашей героини.

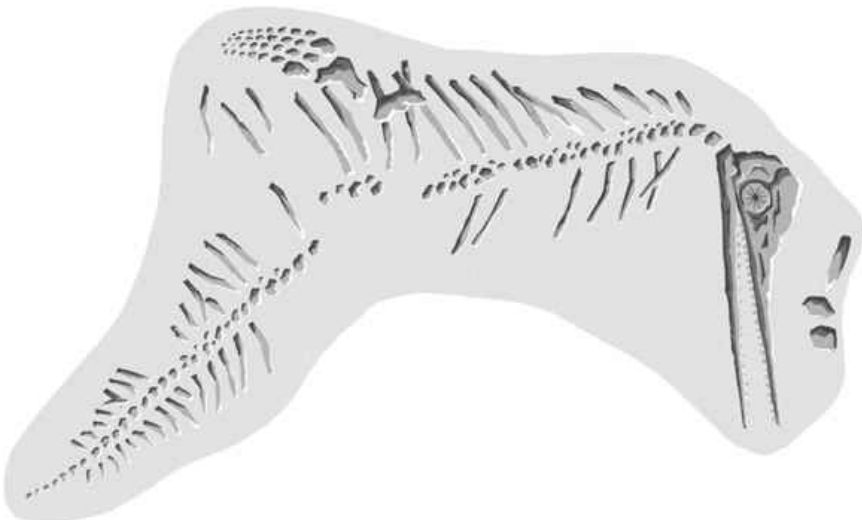


Крылья ангела, или *золото дураков,* — это пирит (или железный колчедан). Это не ископаемое, а довольно симпатичный сверкающий минерал. Обладает занятной структурой, поскольку состоит из правильных многогранников — кубоидов, фрамбоидов (их форма напоминает ягодку малины) и додекаэдров. Полагаю, Мэри нашла крупный и угловатый экземпляр. Белый пирит был особенно популярен у римлян, а через много веков в викторианской Англии маленькими гранеными кусочками минерала часто украшали ювелирные изделия из серебра.



Копролиты — окаменелости причудливых форм, которые часто находят в тех же слоях породы, что и кости. Мэри выяснила, что это окаменевшие испражнения древних существ. Впоследствии копролитами их назвал Уильям Баклэнд.

Ногти дьявола — зловещее название, данное одному из вымерших видов двустворчатых моллюсков, очень похожему на устрицу. Если присмотреться, он и впрямь похож на толстый серовато-белый ноготь!



Ихтиозавр — рептилия, жившая в морях в эру мезозоя, когда по Земле еще бродили динозавры, и вымершая около 90 миллионов лет назад. Ихтиозавр, найденный Мэри и Джозефом Эннингами, первым удостоился внимания лондонского научного сообщества.

Мэри удалось найти еще несколько скелетов ихтиозавра.

Щитки — останки вымерших моллюсков, напоминавших каракатиц.

Змеиные камни и *бараньи рога* — это аммониты, а выбор названия, судя по всему, зависел от того, на что они больше походили: на свернутую клубочком змею или же на лихо закрученный бараний рог. Аммониты — это окаменелые раковины хищников, известных как цефалоподы (или головоногие). К ним относятся и живущие ныне осьминоги, кальмары, каракатицы и наутилусы.

Громовые стрелы, чертовы пальцы и *дамские пальчики* — белемниты, окаменевшие раковины еще одного вымершего вида головоногих, похожего на крошечного современного кальмара. Их раковины напоминают пули. Громовыми стрелами такие окаменелости называли те, кто верил, что Землю ими засыпает Господь. Другие два названия появились благодаря вытянутой и

заостренной с одного конца форме раковин белемнитов.

Позвунки (иногда их называли *крокодиловыми зубами*) — имеются в виду позвонки ихтиозавра. Впоследствии Мэри усвоила правильное произношение этого слова.

Искать окаменелости в Чармуте и на других пляжах Лайм-Риджиса можно и в наше время, но лучше это делать с проводником. Голубой лейас состоит из нескольких слоев известняка и сланца, возникших на рубеже триасового и юрского периодов 195–200 миллионов лет назад. Именно эти слои и есть источник чудесных береговых находок, но они же представляют огромную опасность. Сегодня скалистые берега не менее опасны, чем раньше, — на них погибает немало людей. Не стоит рисковать, самостоятельно гуляя там.

Благодарности

Хочу поблагодарить Элли Маклоу-Смит, дочь моей близкой подруги, которая ознакомилась с первыми главами книги и вдохновила меня на то, чтобы закончить эту историю, а затем прочла черновик романа целиком. Элли очень понравилось, что Мэри «никогда не сдается, не уступает ни мужчинам, ни тем, кто выше ее по статусу». У Мэри и Элли много общего!

Спасибо Хлое Сакур из издательства Andersen Press, чьи редакторские замечания сослужили мне бесценную службу и спасли от пары уморительных сюжетных ошибок и их крошечных «детишек», которых мы быстро искоренили.

Мне очень помогли книга Патрисии Пирс *Jurassic Mary: Mary Anning and the Primeval Monsters* (The History Press) и факты из других источников. В остальном я просто настраивалась на Мэри и слушала ее уверенный голос, звучавший у меня в голове и рассказывающий о том, что же ей довелось пережить. О том, как это больно — потерять отца. Это я сама знаю не понаслышке.

notes

Примечания

1

Имеется в виду утес Black Ven в Дорсете (Англия). — *Здесь и далее прим. ред.*

2

Диссентеры — название английских протестантов, которые отклонились от официально принятого вероисповедания и отделились от господствующей епископальной церкви.

3

То есть отправишься в могилу моряков. Дэви Джонс — злой дух, принимающий мертвых моряков в свой рундук (океан).

4

Работными домами назывались приюты для людей, которые не могли обеспечить себя.

5

Имеется в виду Museum of Natural Curiosities, который У. Баллок перевез в Лондон в 1809 году. На сегодняшний день музея не существует, коллекция была распродана на аукционе в 1819 году.

6

Имеется в виду утес Golden Cap в Англии.

Patricia Pierce. *Jurassic Mary: Mary Anning and the Primeval Monsters*. Sutton Publishing, 2006.

Carus, C.G. *The King of Saxony's journey through England and Scotland in the year 1844*. Chapman and Hall, 1846.

Patricia Pierce. *Jurassic Mary: Mary Anning and the Primeval Monsters*. Sutton Publishing, 2006.

10

Hugh Torrens. *Presidential Address: Mary Anning (1799–1847) of Lyme; 'the greatest fossilist the world ever knew'*. British Journal of the History of Science, 1995, vol. 28, pp. 257–284.

11

De la Beche, H. *Obituary notices*. Quarterly Journal of the Geological Society of London, 1848, v. 4: xxiv — xxv.

Dickens, C. *Mary Anning, the fossil finder*. All the Year Round, 1865, 13 (Feb 11): 60–63.